

Языкознание

Алла Градинарова

ИЗ ЖИЗНИ РУССКОГО ВОЗВРАТНОГО ПЕРФЕКТИВНОГО ПАССИВА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Не нами уставилось, не нами и переставится
(Словарь Даля)

В лингвистической литературе распространено мнение о том, что в современном русском языке возвратные формы от глаголов совершенного вида не могут являться залоговыми формами пассива, в противном случае такие образования должны расцениваться как ненормативные [Зализняк 1977; Князев, Недялков 1985; Гаврилова 1998, 2001; Падучева 2001; Апресян 2002 и др.]. Хотя это мнение очень авторитетно: «Можно считать общепризнанным, что естественно ожидаемой пятой залоговой формы СТРАД СОВ на *-ся* (*Книга прочиталась людьми всех возрастов*) в русском языке нет. Эпизодически цитируемые в литературе примеры типа *Все это потом забетонируется* не выходят за пределы окказионализмов» [Апресян 2002: 19]; «[В] русском языке для возвратного глагола СВ исключена пассивная интерпретация» [Падучева 2001: 53], общепризнанным его вряд ли можно считать. Достаточно известны мнения о допустимости, но маргинальности возвратного перфективного пассива в русском языке [Янко-Триницкая 1962; Милославский 1978; Русская грамматика 1980; Перцов 2003]. Корпусные исследования последних лет даже приводят к заключениям о значительной распространенности этих форм в русских текстах [Коломацкий 2007].

Языковые факты не столь далекой истории, а именно языка середины XIX века, свидетельствуют о том, что русский возвратный перфективный пассив представлял собой в тот период живую грамматическую категорию. Богатый материал, иллюстрирующий распространенность и нормативность этих форм, содержит «Толковый словарь живого великорусского языка» В.Даля [Даль 1978].

Абсолютным доказательством принадлежности конструкции к пассиву является использование при возвратном перфективном глаголе творительного агентивного, как, например, в следующем иллюстративном

материале из словаря Даля: *Дело увидится нами*, когда уже поздно будет; *Тобою я избавился от болезни*; *Я тобой оборонился*, без тебя я бы пропал; *Обвинился людьми*, да оправдался перед Богом; *Когда медведь обойдется обходчиками*, то обход этот, до насту, поверяется при каждой новой пороше; *Дом мне давно окупился жильцами* (доходом), и теперь дает чистый барыш; Ладно, что я не *обнадежился им*, не обнадеялся словами его, ведь вот обманул бы!; *Не нами уставилось, не нами и переставится*; *Не нами началось*, да на нас оборвалось; Увидишь, что он *оправдается судом* и др.

Пометы и толкования Даля также определяют построение как конструкцию пассива: *-ся*, страдат. *Как скроится, так и сошьется* (так и изнашивается); *-ся*, быть упрощаему. *Дело это много упростилось новыми открытиями*; *-ся*, быть сбываему. *И плохой товар сбудется*; *-ся*, быть заплачиваему. *Долг заплатится и дыра заплатится*; *Пожаловаться*, быть пожаловану. *Когда он пожалуется в офицеры, то справлю ему мундир*; *Порубиться*, быть порублену. *По просеке весь лес порубится* и под. См. и следующие толкования посредством синонимичного страдательного оборота с причастием на *-н*: *Сено скидается*, будет скидано; *Все готовится, припасется*, будет приготовлено; *Тут посадится виноград*, будет посажен; *Винные предадутся суду*, будут преданы; *Книга скоро наберется*, скоро будет набрана; *Чердак перегородится на всех жильцов*, будет перегорожен; *Картины повесятся в ряд*, будут повешены; *Железные полосы скривятся по лекалу*, они будут скривлены; О мирской сходке оповещается, о ней *оповестится*, будет оповещено.

Н.Ю.Шведова, говоря об употреблении в поэтических и прозаических сочинениях второй половины XVIII – первой половины XIX века рефлексивных глаголов совершенного вида со значением собственно страдательным, отмечает их преимущественное использование в форме будущего времени [Шведова 1964: 211]. О том же свидетельствуют и материалы словаря Даля.

Очень часто возвратный страдательный глагол совершенного вида является у Даля сказуемым временной придаточной части: *Когда наворочается большая куча*, будет навалена; *Когда плита наворотится*, то пригоняется рычагами к месту; *Когда сплетется кружево, тогда и продастся*; *Когда второе кушанье поднесется*, то подноси вино; *Когда мачта нанесется на гнездо свое*, то ее начинают опускать; *Когда оброк заработается, да подушное*, тогда работаем на себя; *Когда сотня досок натаскается*, то сказать барину; *Когда ямы накопаяются*, то сказать мне; *Когда утопленник приведется в чувство*, то должно дать ему покой; *Когда же у вас кладбище обнесется*, чтобы скот не бродил?; *Полы палатки отстегиваются, а когда отстегнутся (сымутся)*, то ветерок продувает; *Кладка дров*

хороша: *как перекладутся на дворе*, так мерой больше выйдет.

Так же часто в конструкции с таким предикатом имеется обстоятельство времени: *Мост сымается, сымется в полночь*; *Ставни навешиваются, сегодня навешаются все*; *Лишки после срежутся*; *Эта комедийка, думаю, сыграется у нас на праздниках*; *За осень все зайцы постреляются в этих колках*, а по весне опять натекут; *Эта пряжа вся за зиму переточется*; *Сарай у меня скоро весь переберется наново*; Судно спущено и отделано, но еще не обмачтовано, и скоро обмачтуется; *Картина не скоро отделается совсем*.

Ср. и другие примеры Даля: *Это все складется (сложится) на свое место, уберется*; *Ворота эти отнесутся в бок, для простору*; *Этот товар повезется в город*; *Счет прокинется еще раз, поверится на счетах*; *Мусор помечется в ямы*; *Рессоры в дорогу умотаются, и обвяжутся*; *Платок перережется на косынки*; *Бревно это перерубится натрое*; *Земля разделится по душам*, скоро передел на прибылых; *Тебе постель постелется в моей комнате*; *Тут построится башня*; *Кому вещь эта приглядится, тому и подарится*; *Комнаты еще приберутся*; *На воротничок еще нашьется кружево*; *Стены еще побелятся*, все будет почищено; *Это еще обрежется, выровняется*; *Доска обстрогается*, на четь-вершка потонеет; *Сыпь, что есть, все склюется*; *Что спрячется, то и цело*; *Что за лето скопится, то за зиму съестся*; *Хорошее смолчится, а худое разгласится*; *Дело это переговорится еще и перемелется*; Не спеши, дело *передумеется* – крепче будет; *Неведомо, кому именье откажется*, прямых наследников нет.

Если в позиции творительного падежа оказывался инструмент, то этот участник – «исполнитель “воли” генератора» ситуации, «как бы вторичный генератор» [Лутин 2008: 15] – указывал на существование агенса и поддерживал страдательное значение конструкции. У Даля: *Коли свечи (церковные) покатаются магилем*, то выгладятся; *Когда вся вода перекачается (насосом) из большого водоема в малый*, то отворяют кран; После клейки, *все сровняется пемзою*. Аналогичный эффект имело указание на средство: *Доска эта утвердится винтами, на винтах*; Обшивка наложена, *а она еще скрепится болтами*; *Дом обошьется тесом*; *Дом покроется черепицей*; *Крыльцо обнесется еще перилами*; *Дорога обсадится*, уже обсаживается *деревьями*; *Лестница уставится цветами*. Подчеркнем, что речь идет о конструкциях, представляющих агентивные ситуации и имеющих в позиции подлежащего неодушевленный семантический объект.

Уже в середине XIX века возможность образования страдательных конструкций с возвратным перфективным глаголом прошедшего времени была ограничена. Так, Даль, например, объясняет в примечании к сло-

варной статье, что со страдательным значением глагол *привязаться* употребляется только в форме будущего времени – «Он привяжется, т.е. будет привязан», а форма прошедшего времени *привязался* в этом значении не используется. Спустя столетие академик В.В.Виноградов отмечал ту же закономерность: «В соотносительных формах совершенного вида страдательное значение возможно лишь в будущем времени. Соответствующие же формы прошедшего времени совершенного вида обычно приобретают средне-возвратное значение» [Виноградов 1947: 633].

Для русской грамматической системы конца XVIII – первой половины XIX века был характерен процесс переосмысления пассивных конструкций со страдательными глаголами на *-ся* в активные со значением средне-возвратным или обще-возвратным [см. Шведова 1964]. Страдательное значение ослабевало и затушевывалось в конструкциях, передающих неагентивные ситуации. Хорошо иллюстрируют этот процесс включенные в словарь Даля предложения с возвратными глаголами, чаще всего в форме совершенного вида прошедшего времени.

Посмотрим на конструкции, имеющие в позиции творительного неагентивный каузатор: *Леса закурились, задымились палом или встающим туманом; Земля скруглилась притяжением частей к остью; Вселенная объялась тьмою; Дверь натиснулась обвалом поленницы; Твоим ученьем нам свет открылся; Разбирательство затмилось или затемнилось разноречием подсудимых*. Ср. также предложения с лицом в позиции номинатива – семантического объекта пассивной конструкции: *Человек истек кровью, изошел, умер или до крайности истоцился потерей крови; истоциться трещаньем, болтовней; изнуриться печалью; истомиться выжиданием; Он озолотился одним подрядом; Праведники освятились жизнью и смертью своею; Он всем обижается и теперь обиделся твоим советом; Он искусился предложением этим; Барыня соблазнилась платьем и под*.

В середине XIX века творительный падеж в части подобных конструкций уже заменялся причинным сирконстантом – «фоновым каузатором» (Е.В.Падучева). Ср. у Даля: «*Гайка оттряслась ездой, свалилась*» (толкование уже свидетельствует о декаузативации) и *Гайка отвинчивается тряской или от тряски; У меня все пальцы ознобами, от ознобов, перекорчились*. Активно шел процесс переосмысления конструкций с лицом в позиции именительного падежа. Часть приведенных выше построений была вытеснена из употребления семантически прозрачными и однозначными предложениями со страдательными причастиями на *-н, -т*.

Исходный каузатор конструкций с глаголами определенных семантических классов впоследствии получил другую интерпретацию. Как от-

мечает Е.В.Падучева, при современных глаголах типа *напълнитъся, населитъся, покритъся* творительный падеж (*Комната напълнилась народом*) не выражает каузатора [Падучева 2001]. (Ср. у Даля: *Небо покрьлось тучами; Щеки покрьлись румянцем*). У глаголов, в семантической структуре которых присутствуют компоненты «контакт с внутренней поверхностью», «полнота охвата поверхности», есть актант с таксономическим классом «масса» [Падучева, Розина 1993: 5-16; Падучева 2004: 89].

В первой половине XIX века еще были распространены страдательные конструкции с возвратным перфективным глаголом и природной силой в позиции творительного каузатора. У Даля: *Полог заполоснулся ветром*, его закинуло или подняло; *Бумажка ветром со стола смахнулась*, ее спихнуло; *Ворота ветром расхлестнулись*; *Коли греча морозом побьетъся*, то вся почернеет; *Поля напоились дождем*; *Утес обгладилъся вековым прибоем*; *Камешек обточился водою, огладился*. Эти структуры были вытеснены конкурирующими конструкциями – активной типа *Ворота распахнул ветер*, так называемой «стихийной» *Ворота распахнуло ветром* и страдательной с причастием *Ворота распахнуты ветром*.

Несмотря на то, что архаизация страдательных предложений с рефлексивными глаголами совершенного вида проходила очень интенсивно и часть таких построений была переосмыслена, другая погибла в борьбе с причастными пассивными структурами и конструкциями актива, – русскому языку так и не удалось окончательно избавиться от модели *возвратный перфективный пассив*. Бесспорно только то, что современные его формы ограничены в употреблении.

Проиллюстрируем этот факт примерами перевода на русский язык болгарских форм возвратного перфективного пассива, достаточно широко использующегося в этом аналитическом языке наряду с другими пассивными конструкциями: *Водната концесия е първата в Източна Европа. Тя се подготви от Европейската банка за реконструкция и развитие* (газ. Атака) – Эта водная концессия – первая в Восточной Европе. Она подготовлена Европейским банком реконструкции и развития; *Едно подобно нещо трябва да се осъди от всички възможни институции* (К.Тренчев, Българска национална телевизия) – Подобные вещи должны осудить все возможные институты (власти); *Ако се докаже, че подобен инсулин е безопасен и ефективен, той със сигурност ще се приеме от много хора за много кратко време* (газ. Стандарт) – Если будет доказано, что подобный инсулин безопасен и эффективен, то он, несомненно, будет принят многими людьми за очень короткое время. В приведенных примерах болгарские структуры переведены русскими страдательными предложениями с причастиями и конструкцией актива. Показательны в этом отношении и

ошибки болгарских студентов-русистов, пытающихся переводить болгарские формы возвратного перфективного пассива аналогичными русскими конструкциями: «В течение многих лет бытовые отходы вывозились на свалки, расположенные возле населенных пунктов, но вследствие угрозы здоровью населения, исходившей от свалок, **принялись* более строгие правила их размещения».

В наши дни основной сферой использования русских форм возвратного перфективного пассива является речь, не ограниченная строгими нормами книжных стилей. Ниже приводятся примеры, источником которых являются форумы самых различных по содержанию и назначению сайтов Рунета. Принадлежность конструкций к описываемой модели доказывается наличием агентивного дополнения в творительном падеже: *Зверь поймался мной с третьей попытки, а котами, к счастью, не поймался* (сайт julia-elvin.livejournal.com); Далее со временем, возможно, все изменится в лучшую сторону, *и все эти статьи без проблем перепишутся нами* (сайт yomoto.ru); *Архив – то, что выкинуть жаль и, возможно, еще когда-нибудь отредактируется автором* (сайт forum.ingenia.ru); *Надеюсь, все собранное на самом деле попадет детям, а не растащится сотрудниками* (сайт talks.mark-itt.ru); В финансовом плане он совершенно не пострадал, *поскольку ущерб возмещился той самой дамочкой* (сайт forum.zakon.kz); *Вот так и осуществилась нами тогда шуточная мечта о сыне и о Грине* (сайт panua.ru); *Средний возраст посетителей этого фестиваля определился мной на глаз...* (сайт diary.ru); *...если я усну, все это не запомнится мной, поэтому просто медленно зеваю* (сайт pages.ykt.ru) и др.

Подобные примеры, даже если признавать их нарушающими строгую литературную норму, отнюдь не свидетельствуют об устаревании модели. Аналогичные употребления встречаются и в редактируемых текстах, в том числе художественных, публицистических и научных. Ср.: Авдотья же вспомнила тут не свои слова, а золотки Оли, *но произнеслись они ею так же просто, как были бы ее собственными* (Г.А.Немчинов, Пролет теней); *Такой методический подход к проведению политики Минздрава России в регионы, а затем в практическое звено выработался нами с помощью активной поддержки деятельности представителя МЗ РФ в ПФО руководителями органов управления здравоохранением на местах – в субъектах округа* (М.А.Позднякова, Пресс-служба представителя МЗ РФ в ПФО); Если вы не увидели изменений в поведении человека после 21 дня, то знайте, что полученные знания остались теорией, *которая вскоре забудется им* (Н.Дорожук, Эффективность обучения персонала: Как ее оценить?); Кстати, *тот же самый парадокс обнаружился им [Гельмгольцем] и при изучении работы органов слуха* (Е.Елизаров, Культура.

Истоки вражды); *Причина этого положения вещей выяснится нами впоследствии...* (В. Дильтей, Сущность философии, перевод с немецкого под ред. М.Е.Цельтера, 2001) и др.

Близки к классическому пассиву русские возвратные перфективные формы от глаголов действия, включающих в свою семантическую структуру компонент 'удалось'. Е.В.Падучева со ссылкой на В.А.Плунгяна говорит о пассивно-потенциальном значении таких форм, поскольку они, в отличие от декаузативов, предполагают участие в ситуации агенса: *юбка отстиралась, руки отмылись, марка приклеилась, роман прочелся* и под. [Падучева 2001].

Возвратные перфективные формы без творительного агентивного достаточно широко представлены в русских текстах, в том числе литературных: В дальнейшем эта площадка *забетонируется* и будет огорожена невысоким металлическим парапетом (газ. Вечерний Новосибирск); *Отремонтируются* отделения общехирургического профиля и отделения реанимации и интенсивной терапии (газ. Минский курьер); Затем *разрежется* ленточка, и все пройдут к наспех сваренным клеткам и за ночь сколоченным вольерам (газ. Новые времена в Саратове); Приемник <...> персонально отвечает за то, что средства, запущенные в «нацпроекты», *не разворачиваются*, а если говорить точнее – *разворачиваются* в допустимых пределах (А.Русаченко, «Чечня» для приемника); Больше всего меня огорчало, что статья о Вас застопорилась, двадцать восемь страниц, включая «Стародуб», *написались* с ходу и на взлете, а потом пошла тяготиная еще страниц двадцать (В.Астафьев, Зрячий посох); Слова *не произнесутся*. Перо не напишет (П.Н.Лукницкий, Ленинград действует...); Наспех *придумались* костюмы – красные кофточки и вельветовые штаны (А.Макаревич, Все очень просто); Хотим мы того или нет, Гребенщиков навечно останется культовой и полумифической фигурой для нескольких поколений, его концерты обязательно соберут аншлаги, а альбомы *раскупятся* (газ. Бульвар Гордона) и т.п.

Количество подобных употреблений не позволяет считать их окказиональными и находится в противоречии с приведенным в начале статьи утверждением из [Апресян 2002: 19]. Отсутствие в таких конструкциях агентивного дополнения закономерно и обусловлено самой их функцией – обозначить достигшее результата действие над объектом безотносительно к субъекту. Образование этих форм имитирует декаузативацию, но, в отличие от последней, агенс не устраняется из ситуации в силу необоримой агентивности глагола.

Как кажется, нельзя не признать живучести русского возвратного перфективного пассива. Сфера его употребления в современном языке,

безусловно, ограничена. Тем не менее, поддерживаемый нормативными для русского пассива возвратными формами от глаголов несовершенного вида, он продолжает свое существование, несомненно соответствуя определенным потребностям говорящих.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 2002 – *Апресян Ю.Д.* Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2002, № 1.

Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1947.

Гаврилова 1998 – *Гаврилова В.И.* Краткое причастие на *-н/-т* как форма статального вида страдательного залога // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Гаврилова 2001 – *Гаврилова В.И.* Возвратные глаголы совершенного вида как средство выражения стихийных процессов и их место в залоговой системе // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы / Под общей ред. М.Л.Ремневой и А.А.Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001.

Даль 1978 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1-4. М., 1978 (репринт второго издания, СПб., 1880 – 1882).

Зализняк 1977 – *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977.

Князев, Недялков 1985 – *Князев Ю.П., Недялков В.П.* Рефлексивные конструкции в славянских языках // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин: Калининский государственный университет, 1985.

Коломацкий 2007 – *Коломацкий Д.И.* К вопросу о распределении русских пассивных форм по виду // Acta Linguistica. Vol. I. Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2007, No. 1.

Лутин 2008 – *Лутин С.А.* Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке. Автореферат дисс. ... доктора филологических наук. М., 2008.

Милославский 1978 – *Милославский И.Г.* Какому залогу принадлежит глагол «нравиться»? // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. А.А.Холодович. Л.: Наука, 1978.

Падучева 2001 – *Падучева Е.В.* Каузативный глагол и декаузатив в

русском языке // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001, № 1.

Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Падучева, Розина 1993 – *Падучева Е.В., Розина Р.И.* Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания. М., 1993, № 6.

Перцов 2003 – *Перцов Н.В.* Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2003, № 4.

Русская грамматика 1980 – *Русская грамматика*. Т. I-II. М.: Наука, 1980.

Шведова 1964 – *Шведова Н.Ю.* Изменения в системе безличных предложений // Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964.

Янко-Триницкая 1962 – *Янко-Триницкая Н.А.* Возвратные глаголы в русском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Христина Дамянова

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

Важная черта языка современного публицистического стиля как основы языка массовой коммуникации - окказиональные трансформации, творческое обыгрывание пословичных суждений с целью создания свежих по экспрессии языковых единиц [Федорова 2007: 3]. Новообразования пословичного типа, т.е. видоизмененные пословицы, квазипословицы [Береговская 2006], антипословицы [Вальтер, Мокиенко 2005], трансформированные варианты паремических единиц [Хун 2007] как результат речетворчества являются эффективным средством экспрессивно-эмоциональной оценки, привлечения внимания массового читателя. Они наполняются „новым когнитивным содержанием, отражающим современную ситуацию” [Константинова 2008: 5]. Разговорность, экспрессия, раскрепощенность языка характерны для газетного стиля в новой социальной системе российского общества. Новый общественный опыт приводит к перерассмотрению стандартных пословиц, к созданию новых по стандартным моделям, к новой интерпретации их содержания.

Пословицы как клишированные обобщенные, универсальные микро-тексты, общеизвестные, устойчивые, воспроизводимые, запоминающиеся выражения - это мотивированные, закрытые предложенческие структуры, знаки и модели ситуаций [Пермяков 1986: 13]. Пословичная единица как этнокультурологическое явление, раскрывающее культурные стереотипы менталитета русского языкового общества, отличается не только образно-эмоциональным выражением содержания, но и ритмической организацией, рифмой. Пословичным текстом выражается нравственно-оценочная позиция с т. зр. общепринятой ценностной системы, предлагается модель поведения в разнообразных житейских ситуациях. Пословица выступает в аксиоматической функции, отличается афористичностью, дидактичностью, что дает возможность применения пословичных изречений и к разным случаям современной жизни [Занглигер 2007: 22].

В качестве заголовков пословицы определяют основную идею публикации, привлекают внимание в абсолютном начале текста [Пантелеева, Андреева 2005: 119]. Подзаголовок проясняет ситуацию, с которой связана пословица, выявляет эффект усиленного или обманутого ожидания. Объектом внимания в работе являются трансформированные пословицы-заголовки на страницах русских газет „Московский комсомолец” (МК),

„Комсомольская правда” (КП), „Российская газета” (РГ), „Аргументы и факты” (АиФ).

Газетная практика выработала определенные игровые приемы актуализации компонентного состава и семантики паремий, семантические, структурные, структурно-семантические трансформации [Федорова 2007]. Возможность трансформационных процессов обусловлена не только экстралингвистическими факторами, но и спецификой пословичной образности, квантификацией общности / всеобщности содержания, атемпоральным синтаксическим значением времени, нереферентностью имен.

Выделяются модифицированные тексты (паремии не теряют структурные и функциональные признаки пословицы [Жигарина 2006] при сохранении логического плана и изменении лингвистического, предметного состава) и дефразеологизированные тексты, которые формально пословицей не являются.

Семантические трансформации в отличие от паремии-источника строятся на актуализации прямого значения прототипа, изменении коммуникативного типа высказывания, прагматической функции (поучение – вопрос) при полном сохранении лексического состава: *Куй железо, пока горячо?* (РГ, 14.04.08) – здесь подзаголовок „Сверхприбыли металлургов увеличивают стоимость социального жилья” подсказывает спорность максимы в сложившейся обстановке.

Структурные трансформации включают усечения или воспроизведение первой / второй предикативной части в актуальном прочтении, расширение или сокращение компонентного состава, одного или более компонентов, изменение порядка слов: *Готовь сани летом* (РГ, 24.06.08); ср. *Готовь летом сани, а зимою телегу* [Все традиционные пословицы даются по РПП 1983, Пермяков 1986, СРЯ]; *Не так страшен черт* (РГ, 14.11.08), ср. *Не так страшен черт, как его малюют*; *Табачок врозь* (РГ, 13.06.08, ср. *Дружба дружбой, а табачок врозь*).

1. Структурно-семантические трансформации – это смысловые преобразования, сопряженные с изменением формальной структуры [Федорова 2007:12]. Преобразования приводят к актуализации нового переносного значения трансформации (новой информационной нагрузки), часто противоположного исходному, к созданию паремии с новым прямым значением. Выделяются позитивно или негативно оцениваемые референты. Структурно-семантические трансформации включают:

а) модификации синтаксического состава, коммуникативной формы (отрицание – утверждение): *Игра стоит свеч* (РГ, 24.03.08), ср. *Игра не стоит свеч*. Снятие отрицания не меняет / меняет глобальное значе-

ние исходной паремии, не превращает / превращает ее в антонимическую единицу: *Пойман не вор* (РГ, 14.06.08), ср. Не пойман - не вор; *Кто не работает, тот ест* (РГ, 13.05.08); замена предлога другим вариативным, типичным для контекста вариативом *в поле - на поле*: *Один на поле воин* (РГ, 24.09.08) - о футбольной команде, ср. Один в поле не воин; *Молодо - не зелено* (РГ, 17.09.08), ср. Молодо-зелено.

б) сокращение одной из предикативных частей - именного компонента, смысловая асимметричность / симметричность варианта-источника, при каламбурном обыгрывании значения компонента (каламбур как самая яркая игра словами, построенная на многозначности, омонимии, паронимии), ср. *голова* (часть тела человека) - руководитель, начальник, глава в каком-л. деле, *сел - на коня, на озеро*: *Одна голова - хорошо* (РГ, 08.04.08) - о том, что мэр является и главой муниципального образования, ср. Одна голова хорошо, а две лучше; *Кто смел, тот и сел* (РГ, 22.01.09) - речь идет о ювелирной посадке на Гудзон, являющейся далеко не уникальным случаем, ср. Кто смел, тот и на коня сел. Сохранение рифмы, ритмики способствует сохранению афористичности новообразования. *Один хорошо, а два лучше* (РГ, 25.06.08), ср. Один ум хорошо, а два - лучше.

2. Лексико-семантические субституции, лексические замены ключевых компонентов синтаксической модели, при сохранении прагматической аксиоматической функции, при морфологических различиях замен по роду, числу в позициях подлежащего, дополнения, именного сказуемого, предиката, предикативного определения, обстоятельства: *Сом платежом красен* - о том, что на погашение внешнего долга правительство Киргизии намерено направить свыше 5 млрд. сомов, ср. Долг платежом красен; *Лес рубят - деньги летят* (РГ, 14.05.08), ср. Лес рубят - щепки летят; *Конфликт гешефту не помеха* (МК, 16.01.09), ср. Счет дружбе не помеха; *Банкротство не порок* (РГ, 24.05.08), ср. Бедность не порок; *Чем старей, тем сильнее* (РГ, 18.03.08), ср. Чем старше, тем правее; *Бюджет всему голова* (РГ, 26.02.09), ср. Хлеб - всему голова; *Юность города берет* (РГ, 26.02.09), ср. Смелость города берет; *Копейка доллар бережет* (РГ, 07.08), ср. Копейка рубль бережет; *Бюджет по осени считают* (РГ, 09.10.08), ср. Цыплят по осени считают; *Депутатов по весне считают* (РГ, 20.02.09); *Один в поле не фермер* (РГ, 24.04.08); *Один в селе не воин* (РГ, 17.09.08); *Сам себе кандидат* (РГ, 29.06.08), ср. Сам себе хозяин - о кандидатах в главы поселений, которые являются самовыдвиженцами; *Что русскому хорошо, то немцу интересно* (РГ, 09.10.08), ср. Что русскому хорошо, то немцу смерть; *Нашла коса на лагерь* (РГ, 02.01.09) - о трудностях при содержании лагеря Артека, ср. Нашла коса на камень; *На паленом бензине далеко не уедешь* (РГ, 22.04.08), ср. На хромом коне далеко

не уедешь; *Деньги тянутся к деньгам* (РГ, 28.04.08), ср. Деньги к деньгам льнут; *Насильно трезвым не будешь* (РГ, 11.11.08), ср. Насильно мил не будешь; *Аппетит приходит во время работы* (РГ, 06.11.08), ср. Аппетит приходит во время еды; *Китайцев бояться - на помост не ходить* (РГ, 11.06.08), ср. Волков бояться - в лес не ходить.

Комбинированные структурно-семантические трансформации строятся на основе нескольких приемов одновременно - формальных и семантических. Наиболее частотные из них следующие:

А. Синтаксические преобразования конструкции: трансформация, сокращение пословицы, изменение коммуникативного типа (отрицание – утверждение): *Что имеем, то храним* (РГ, 27.02.08.), *Что имеем - храним* (РГ, 21.06.08), ср. Что имеем - не храним, потеряем - плачем; *Свято место пусто* (РГ, 13.08.08) – о том, как из Донского монастыря украли ковчег, ср. Свято место пусто не будет [Даль 1979].

Б. Лексико-синтаксические и лексические замены при синтаксических преобразованиях (парцелляция структуры, сокращение / расширение состава, изменение порядка слов): *Готовь деньги летом* (РГ, 23.07.08); *Чем корт не шутит* (РГ, 04.09.08), ср. Чем черт не шутит, пока бог спит; *Клещей бояться. В лес не ходить* (РГ, 14.06.08); *Койко-место пусто* (РГ, 06.11.08); *По весу только встречают* (РГ, 01.07.08), ср. По одежке / платью встречают, по уму провожают; *Мир полон добрых людей и прекрасных чувств* (РГ, 13.01.09), ср. Мир не без добрых людей; *Дети счет любят* (РГ, 14.05.08/ - о программе демографического развития, ср. Деньги счет любят, а хлеб - меру; *Как зверя ни корми...* (РГ, 10.04.08) - об опасности содержать в доме диких животных.

Возможны замены абстрактного слова конкретным: *согласие - жена*, видового имени родовым: *волк - зверь*, тематически близким словом: *голод - холод*, лексическими антонимами: *счастье-несчастье* при формальной реорганизации структуры: отрицание – утверждение, например: *Не в деньгах счастье. А в жене!* (РГ, 24.04.08), ср. Не в деньгах счастье (а в добром согласии); *Холод не тетка* (РГ, 28.01.09), ср. Голод не тетка, мороз не свой брат; *В деньгах несчастье* – о том, что эксперты прогнозируют рост инфляции (РГ, 18.01.09).

Характерной также является семантическая трансформация паронимазия в лексических заменах при возможной элиминации отрицания: *Снято место пусто бывает* – о том, что многие компании предпочитают перебираться из центра на периферию, в более дешевые помещения (МК, 15.01.09), ср. Свято место пусто не бывает; *Семь лет - один ответ* (РГ, 20.03.08), ср. Семь бед - один ответ; *Леха беда начало* (РГ, 23.12.08) / - речь идет о том, что Лех Качиньский готов на многое, чтобы заставить премье-

ра страны раскошелиться, ср. Лиха беда начало, а там уж близок и конец; *Бедность - за порог* (РГ, 12.12.08).

В. Грамматико-синтаксические трансформации (замена предложно-падежной формы беспредложной, формы имени м.р. формой ж. р, вида), например: *Много шума - и ничего* (РГ, 15.05.08), ср. Много шума из ничего; *Не родись красивой*, ср. Не родись красивым, а родись счастливым; *Что имеем - сохраним* (БГ, 07.08.08).

Г. Лексико-синтаксические и лексические замены, грамматические трансформации числа, рода, а также сокращения, опущения компонентов, синтаксические и коммуникативные преобразования структуры: *Кулаки кредита не боятся* (РГ, 19.03.08), ср. Дело мастера боится; *Парча бархат не испортит* (РГ, 11.02.09), ср. Кашу маслом не испортишь.

Ряд окказиональных новообразований представляют следующие конструкции:

а) контаминированные пословицы, контаминации (сращение, объединение образов частей двух разных пословиц по смыслу и нередко по структуре) при возможных лексических и морфологических преобразованиях: *Первый блин на чужой сковородке* (РГ, 28.03.08), ср. Первый блин комом, *Хороша рыба на чужом блюде* [Даль 1981]; *Что было, то и будет* (РГ, 13.01.09), ср. Что будет, то и будет, Что было, то прошло (и быльем поросло).

б) структурно-семантическое моделирование: *Не всякая вакцина гарантия от болезни* (РГ, 24.01.09), ср. Не всякая болезнь к смерти, Не всякая водица для питья; *Без газона нет сезона* (РГ, 24.04.08) – о необходимости привести футбольное поле в порядок, ср. Без здоровья счастья нет.

в) образования на базе интертекстем (фрагменты пословиц, прецедентные тексты используются для образования новых паремий): *Что посеешь, на том и поедешь* (РГ, 29.08.08), ср. Что посеешь, то и пожнешь; *Видит око далеко, да власть неймет* (РГ, 29.08.08), ср. Видит око далеко, а думка еще дальше; *Служба службой, обед по распорядку* (РГ, 25.10.08), ср. Дружба дружбой, а служба службой; *Синица в руках, буревестник в небе* (РГ, 22.12.08), ср. Лучше синица в руках, чем журавль в небе; *Кризиса бояться - счастья не видать* (РГ, 24.10.08); *Сколько волка ни прячь* (РГ, 25.04.08) - о том, что монумент „Тамбовский волк” нашелся, ср. Как / сколько волка ни корми, он все в лес глядит (смотрит). Потеряв часть своих компонентов, обобщенность значения, пословица в своем сокращенном виде может превратиться в поговорку, т.е. в незавершенную структурно-семантическую структуру, не имеющую аргументационной функции, образно и метко называющую явления окружающего мира [Занглигер 2006: 290]: *Заварили кашу* (РГ, 15.04.08), ср. Заварили кашу, что и не расхле-

баешь; *Не хлебом единым* (РГ, 23.04.08), ср. Не хлебом единым сыт / жив человек.

На основе пословичных суждений создаются при помощи синтаксических трансформаций (добавлений, редукций, лексических замен) непословичные структуры, имеющие конкретного адресата, но не сохраняющие их ритмико-мелодической организации и афористического характера, прагматической функции поучительности. Следующие конструкции являются примером создания подобных непословичных структур:

- конструкции, снимающие значение афористичности, формы определенной темпоральной ориентации (вопрос, будущее время глагола): *Стоит ли игра свеч?* (РГ, 13.01.09); *Есть ли дым без огня?* (РГ, 20.11.08), ср. Нет дыма без огня; *Кто выметет сор из избы?* (РГ, 14.02.08), ср. Не выноси из избы сору, так меньше будет вздору;

- конструкции, создающие квалификативный характер структуры: *Наше дело правое*, ср. Наше дело - сторона. (МК, 19.01.09);

- форма прошедшего времени, деепричастия, сокращенная или распространенная структура, снятие антитезы: *Наших отмерили семь раз* (РГ, 15.01.08), ср. Семь раз отмерь - один отрежь; *Не вынося сор из избы* (РГ, 16.08); *Виртуальных цыплят посчитали по осени* (РГ, 11.11.08); *Закон не писан* (РГ, 30.07.08), ср. Дуракам закон не писан; *Обожглись на молоке* (РГ, 02.04.08), ср. Обжегшись на молоке / на ухе, дуют на воду; *Что немцу хорошо* (РГ, 24.04.08).

Коммуникативные преобразования организации фразы включают эллипсис как средство компрессии, перестановку компонентов, грамматические преобразования: *Летят щепки* (РГ, 05.02.08) – о том, что власть бессильна в борьбе против черных лесорубов.

Характерны именные словосочетания - части пословиц на основе вычленения фрагментов образной картины прототипа из состава пословиц и функционирования их как самостоятельных единиц: *Сор из избы* (РГ, 24.06.08) – о том, что прокуратура взялась за сборщиков мусора; *Яблоко от яблони* (РГ, 09.06.08) – о британском спецназовце, обвинившем сына Маргарет Тэтчер в организации переворота, ср. Яблочко / яблоко от яблоньки / яблони недалеко падает / откатывается / катится; *Платежом красен* (РГ, 06.11.08); *Долг платежом* (РГ, 24.09.08); *На вкус и цвет* (РГ, 05.12.08) - о контроле за оборотом лекарств, ср. На вкус и цвет товарища нет; *Деньги к деньгам* (РГ, 16.12.08); *Журавль в небе* (РГ, 20.11.08) / - об образах А.Баталова, за которыми хочется тянуться.

Возможны также следующие трансформации:

- синонимические субституции: *Мусор из избы* (РГ, 13.11.08) - об экологическом форуме, ср. Сор из избы;

- лексические преобразования (конкретизация - генерализация: абстрактное - конкретное слово, гиперонимия – гипонимия): *Тень на плетение* (РГ, 29.01.08), ср. Не наводи тень на плетень; *Птица в руках* (РГ, 21.11.08), ср. синица;

- падежные трансформации: *Дым без огня* (РГ, 22.10.08), ср. дыма; *Семь няnek для мамы* (РГ, 27.03.08), ср. У семи няnek дитя без глаза / глазу;

- синтаксические трансформации (предикативное определение – атрибутив): *Пусто место* (РГ, 07.10.08) – о том, что поиском пропавшего мэра займется депутатская комиссия, ср. *Свято место пусто* не бывает.

Сферу пословичных новообразований составляет активный, непрерывно пополняющийся пласт русского языка. Русские пословичные трансформы как форма языковой игры ситуативно детерминированы и в то же время они полифункциональны, применимы к разным ситуациям. Окказионализмы как явление речевое, выражающее шутливо-ироническое отношение к новым явлениям – результат творческих интенций авторов текстов.

Вариативность новых пословиц строится на обновлении смысла и модификациях инвариантной структуры, языкового прототипа, на индивидуальном творчестве, лингвистическом эксперименте, намеренном, целенаправленном манипулировании языком. Языковая игра предполагает новую языковую компетенцию, определенный уровень общекультурной и лингвокультурной эрудиции, владение языком [Цонева 2002: 199], умение творческого, нестандартного использования единиц с целью добиться определенного эстетического воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

Береговская 2006: *Береговская. Э.М. Пословицы как продуктивные единицы языка и фольклора. Электронная версия. 2006.*

Вальтер, Мокиенко 2005: *Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005.*

Даль 1979: *Даль В. Толковый словарь живаго великорусского языка. Т. II, М., 1979.*

Даль 1981: *Даль В. Толковый словарь живаго великорусского языка. Т. I, М., 1981.*

Жигарина 2006: *Жигарина Е.С. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов. Автор. дисс. на соиск. ученой степени канд. фил. наук. М., 2006.*

Занглигер 2007: *Занглигер В.Ф. Определение пословицы как паремиологическая проблема. //Болгарская русистика, 2007, 1-2.*

Занглигер 2006: *Занглигер В.Ф.* Разграничение пословиц и поговорок на функциональной основе. // *Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры*. Сб. докладов. Т. 1. Пловдив, 2006.

Константинова 2008: *Константинова А.А.* Особенности употребления пословиц и поговорок в дискурсе современной англо-американской прессы. *Журналистика и медиаобразование*. Сб. трудов III международной научно-практической конференции. Т. II. Белгород, 2008.

Пантелеева, Попова 2005: *Пантелеева В.Г., Попова Е.А.* Стилистические особенности современного газетного заголовка (на материале газет „Удмуртская Правда” и „Совершенно конкретно”). *Вестник Удмуртского ун-та*, 2005, №5.

РПП 1983: *Русские пословицы и поговорки*. Под ред. В.П.Аникина. М., 1983.

Пермяков 1986: *Пермяков Г.Л.* 300 общоупотребителни пословици и поговорки. „Народна просвета”, С., 1986.

СРЯ: *Словарь русского языка* (в четырех томах). АН СССР, ИРЯ. М., 1981, 1982, 1983, 1984.

Федорова 2007: *Федорова Н.Н.* Современные трансформации русских пословиц. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук. Великий Новгород, 2007.

Хун 2007: *Хун С.И.* Вариативность паремических единиц: прагмалингвистический аспект. Автореферат на соискание уч. степ. канд. фил. наук. Краснодар, 2007.

15. Цонева 2002: *Цонева Л.* О сущности и функциях языковой игры. *Русский язык (проблемы истории, теории и методики преподавания)*. Ун. изд. Еп.К.Преславски. Шумен, 2002.

Дора Иванова

СОЦИОПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА (на материале драматургических произведений)

Речевой этикет включает микросистему стилистически маркированных лингвистических средств, реализующих вежливость. “Это система устойчивых формул общения, предписанных обществом для установления речевого контакта между собеседниками, для поддержания общения в избранной тональности, соответствующей социальным ролям и ролевым позициям коммуникантов относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке” [ЛЭС 1990: 413].

В более узком смысле речевой этикет составляет функционально-семантическое поле единиц доброжелательного вежливого общения в ситуациях обращения, привлечения внимания, знакомства, приветствия, прощания, извинения, совета, отказа, комплимента, просьбы, сочувствия и т.д. Самые частотные ситуации общения, в которых реализуются формулы речевого этикета, описываются в виде тематических групп. В эти наборы ситуативных номинаций входят как общеупотребительные, так и синонимически разнообразные, а также стилистически маркированные выражения.

Особое место среди тематических групп занимает микрополе обращения. Оно реализуется в прагматических координатах ситуации общения и поэтому определяется как перформативное, т.е. речевой акт равняется действию. Тематическая группа обращений формируется множеством номинаций, которых объединяет аппелятивно-вокативная функция. Ее предназначение – назвать адресата и привлечь его внимание. Обращение - самая большая тематическая и интенциональная группа, представленная в речевом этикете, которая обозначает прежде всего начало включения контакта с собеседником. Выбор обращения содержит очень существенную и многообразную информацию, манифестируя широкий диапазон значений, которые отражают социальную роль и статус адресата и адресанта, а также их взаимоотношения.

Цель данной работы – выявить социально обусловленные речевые стереотипы употребления повышено вежливого обращения по имени и отчеству в русском дискурсе начала XX века. Анализ речевых стереотипов в вежливом общении осуществляется на материале драматургических произведений (“На дне” и “Дети солнца” Горького, “Дни Турбиных” и “Зойкина квартира” Булгакова, “Савва” Андреева), в которых зафиксиро-

вана социальная стратификация русского общества исследуемого периода. В драмах наблюдается разнообразие форм социального поведения и социального взаимодействия коммуникантов. Диалогическая речь отличается динамичностью и последовательностью высказываний, в которых содержатся социально-маркированные единицы языковой системы.

Выбор эпохи продиктован следующими обстоятельствами:

- в начале XX века осуществляется не только политическая, но и культурная революция в России, что предполагает сосуществование этикетных систем разных поколений и разных социальных групп;

- в исследуемых произведениях зарегистрированы этикетные нормы и правила русского общества и их крах в эпоху революции; в драмах отразилось становление новых социальных взаимоотношений, новой социальной структуры русского общества; слуги и аристократы меняются ролями, поскольку кризис власти часто приводит к тому, что она переходит к “лакеям”;

- предполагается, что именно в кризисе тех времен можно искать корни современных языковых процессов и факторов, ими управляющих.

В исследовании анализу подвергается речевое поведение представителей основных социальных групп в России начала XX века – привилегированных и непривилегированных. Прослеживается процесс общения между коммуникантами в самой группе и между группами. Таким образом, по признаку позиционной роли говорящего и слушающего намечаются следующие варианты:

- симметрическое общение между равными партнерами – представителями одной и той же группы;

- асимметрическое, т.е. общение между представителями разных социальных сословий.

Особое место в анализе общения занимает речевое поведение представителей среднего сословия или “выскочки”, которые происходят из социальных низов, но стремятся, в силу политических сдвигов и своего материального состояния, занять место в высшем обществе.

В данной работе анализ ориентирован на говорящее лицо. Основные критерии оценки особенностей речевого поведения и степени вежливости следующие:

1. Употребление *ты/Вы*-формы общения;

2. Соблюдение / несоблюдение литературной и грамматической нормы употребления формул речевого этикета, обращения по имени и отчеству.

Отношения между участниками коммуникативного взаимодействия выясняются в самом начале контакта при помощи выбора подходящего или неподходящего обращения, а также *ты/Вы*-формы. Выбор *ты/Вы*-

формы, имени или обращения и вокатива, титула и т.д. двузачен – с одной стороны, выбор характеризует самого говорящего и его отношение к адресату, а с другой стороны, информирует об адресате и отмечает его возраст, социальное положение, пол и некоторые другие характеристики.

Выбор *ты* или *Вы*-формы – очень сложный механизм в процессе общения, который отражает отношения уважительности или фамильярности между коммуникантами. Это предполагает, что нарушение предписаний в употреблении *ты* или *Вы*-формы может быть намеренным и возможно преследует особые прагматические цели, как, например, охлаждение взаимоотношений, дистанцирование, обиду, или, наоборот, – близость и солидарность, сочувствие и т.д. Например, выражение близких, дружеских взаимоотношений в начале диалога:

Алексей. – *Здравствей, Володя.*

Тальберг. – *Здравствей, Алёша. Видишь ли ...* (Дни Турбиных).

И немного позже, когда говорящий демонстрирует свое осудительное отношение к адресату.

Алексей. – *Это значит, что командировка Ваша мне не нравится.*

Тальберг. – *Вы мне ответите за это, господин брат моей жены.*

С точки зрения прагматики, демонстрация вежливости и почтительности означает, что адресат воспринимается высшестоящим, а говорящий ставит себя в подчиненном положении. Таким образом, удовлетворяются так называемые отрицательные желания адресата высказывания и осуществляется манипуляция социальными ролями.

Шервинский. – *Елена Васильевна, разрешите снять бурку.*

Елена Васильевна. – *А если бы я сказала, что не разрешаю.*

Шервинский. – *Я бы просидел всю ночь у ваших ног* (Дни Турбиных).

По существу, это эксплуатация асимметрического употребления почтительности через перенос асимметрических социальных различий. Двойственная натура почтительности, через которую говорящий возвышает адресата и ставит себя ниже, обнаруживается в этикетных системах многих языков, где сосуществуют эти две формы – почтительность и самоунижение. Примером этого может быть широко распространенное в мире употребление множественного числа для одного лица, а также общепринятый тип отношения к гостю и партнеру в восточных странах и грамматикализованная вежливость в некоторых других языках, например, в японском.

Употребление личного местоимения множественного числа для одного лица в вежливой коммуникации является основным правилом в манифестации уважительности и почтительности. Оно мотивировано желанием выразить конвенционально принятую непрямоту в процессе общения. Не-

прямота расценивается как особая стратегия со стороны говорящего, при помощи которой он хочет продемонстрировать свое желание не нарушать личную территорию своего партнера в общении. Эта стратегия оценивается исключительно высоко в прагматических теориях. Анализируемый нами материал показывает, что это способ смягчения иллокутивной силы речевых действий. Таким образом, подчеркивается отсутствие риска для адресата при помощи добавления вежливого маркера. “Переключение от *ты* к *Вы*-форме тоже очень значимо по отношению к разрушительной силе речевых актов. Отсутствие такого переключения означало бы симпатию” [Браун, Левинсон: 1987]. Сравним в следующих примерах:

Зоя. – *Ах, Павлик, вы неподражаемый человек!* (Зойкина квартира).

Мелания. – *Вы уж очень деликатны, Павел Федорович!* (Дети солнца).

Употребление *ты*-формы в русском дискурсе исследуемого нами периода расценивается как агрессивная грубость и допускается в общении с одним лицом только в том случае, если партнеры находятся в очень близких отношениях. Во всех остальных случаях *ты*-форма воспринимается как грубое и фамильярное поведение коммуникативного партнера. В результате этого этикетного предписания в русском языке появился глагол *тыкать*. В словаре Ожегова этот глагол дефинирован следующим образом: “неодобрительное поведение при обращении на *ты* вместо на *Вы*, когда это предписывается нормой” [Ожегов 1952: 755].

Основная лингвистическая реализация обращения – это имя. “Личное имя – своеобразный паспорт национальной принадлежности человека” [Васева 2005: 48]. У каждого члена языкового коллектива несколько имен. “Каждое имя переносит как индивидуальную, так и групповую информацию. Имена в этом смысле имеют яркую национально-культурную семантику, так как и групповое и индивидуальное значение прямо проистекают из истории и культуры народа – носителя языка” [Верещагин, Костомаров: 1990].

Самая яркая характеристика русского этикета – это употребление обращения по имени и отчеству. С древних времен употребление отчества в России было символом принадлежности соответствующего индивида к сословной аристократической верхушке. Суффикс *-ич*, при помощи которого образуется форма имени-отчества, служил таким символом. В словарях русского языка XI -XVII веков отмечается, что это “суффикс для мужских имен привилегированных лиц и сословий” [Горбаневский 1987:122].

Суффикс *-ич* считался знаком благороднического, аристократического происхождения. Во времена правления Екатерины II был издан указ, согласно табели рангов, выработанной Петром I, в которой говорилось,

что “особ первых пяти классов следовало писать с отчеством на **–ВИЧ**” [Горбаневский 1987: 123].

В современном русском языке форма имени и отчества образуется при помощи суффиксов **–ич, –ович, –евич** и **–овна, –евна, –ична, –инична**. Это, по существу, сложные суффиксы, состоящие из суффиксов **–ов** и **–ев**, при помощи которых образуются притяжательные прилагательные, и суффикса благороднического происхождения – **ич**. Указанные суффиксы прибавляются к имени и отчеству в его полной официальной форме.

Обращение по имени и отчеству в современной коммуникации характерно для асимметрического общения. Говорящий является старшим по возрасту, а также он может быть представителем образованных интеллигентских кругов.

Национально-специфическое обращение по имени и отчеству образуется при помощи прибавления к полному личному имени притяжательного прилагательного, составленного из имени отчества и суффикса, согласно правилам грамматики. Словообразовательную модель можно представить следующим образом:

- полное личное имя + притяжательное прилагательное на основе отчества с суффиксами **–овна, –евна** и **–инична** для лиц женского пола;
- полное личное имя + притяжательное прилагательное на основе отчества с суффиксами **–ич, –ович, –евич** для лиц мужского пола.

На основании анализа более 600 эксцерпированных диалогических единств намечаются два стереотипа употребления имени и отчества в качестве обращения в исследуемых социальных группах.

Представители привилегированных сословий чаще всего употребляют повышенно вежливые и официальные обращения, преимущественно обращение по имени и отчеству. Это последовательная характеристика общения между интеллигентными и высоко образованными представителями высшего общества. В большинстве случаев обращения по имени и отчеству сопровождаются употреблением *Вы*-формы.

Выбирая повышенно вежливую форму, говорящий демонстрирует свое одобрительное отношение и уважение к положительным желаниям своего партнера в коммуникативном процессе. Например:

Ларион. - *Елена Васильевна, дорогая! ... Хотите я оденусь и отправлюсь их искать?* (М. Булгаков, Дни Турбиных).

Выбор представителями высших классов повышенно вежливой формы обращения по имени и отчеству в начале XX века сигнализирует об уважении, почтении, высокой оценке действий адресата, и это не связывается с возрастом коммуникативных партнеров.

Имя и отчество употребляется в соответствии с литературной нор-

мой без стяжений и усечений личного или отеческого имени, что отличает его от употреблений в непривилегированных социальных группах.

В аристократическом обществе литературная норма и грамматическая правильность обязательны в речевом поведении коммуникантов. Дополнительным акцентом в употреблении имени и отчества интеллигентными сословиями является сопутствующая *Вы*-форма во всех случаях, т.е. и в симметрических и асимметрических ролевых позициях коммуникативных партнеров.

Ниже приводится пример знакомства представителя среднего сословия с представителем высшего общества. Из диалога становится ясным, насколько важно в русской речевой традиции знание имени и отчества. Нужно заметить, однако, что формальная вежливость, а тем более напыщенность и наигранная важность в поведении партнера, не ценятся высоко в высших обществах.

Миша. - *Извините... не имею удовольствия знать имени и отчества вашего...*

Чепурной. - *Ничего. Ведь и я вашего тоже не знаю...*

Миша. - *Михаил Назаров Выгрузов - к вашим услугам!*

Чепурной. - *Какие же услуги? Мне от вас ничего не нужно...*

Миша (покровительственно). - *Это из вежливости говорится.*

(М. Горький, Дети солнца).

Интересно заметить, что во всех случаях, когда адресант нарушает норму употребления обращения по имени и отчеству, адресат санкционирует его, так как для высшего общества нормативное употребление расценивается как вопрос чести и достоинства. Следуя норме, адресант демонстрирует свое желание считаться членом группы. Кроме того, адресат, который занимает соответствующую роль в обществе, может охарактеризовать такой тип поведения как вторжение в его территорию, как демонстрацию неуважительности и обиды. Такой тип поведения воспринимается непочтительным и недостойным.

Анна. - *И прошу не говорить мне "ты", и... Или вы полагаете, будто у меня нет чести? Вы тоже так полагаете, вы?*

Приведем еще один пример общения между партнерами одной и той же социальной группы, "одного круга". Потомственный аристократ выражает свое неодобрительное отношение к речевому поведению представителя новой буржуазии. В диалоге продемонстрировано историческое столкновение двух эпох, двух этикетных кодов, идеологический спор между "товарищем" и "именем и отчеством". В этом столкновении каждый из коммуникантов манифестирует свою социальную сущность, свое культурное мировоззрение.

Аметистов. - *Маэстро, мое почтение.*

Обольянинов. - *Простите, я давно хотел попросить вас: называйте меня по имени и отчеству.*

Аметистов. - *Чего ж вы обиделись? Вот чудак человек! Между людьми одного круга... Да и что плохого в слове “маэстро”?*

Обольянинов. - *Просто это непривычное обращение режет мне ухо, вроде слова “товарищ”.*

Аметистов. - *Пардон-пардон. Это большая разница. Кстати о разнице: нет ли у вас папиросочки?*

Обольянинов. - *Конечно, прошу вас.*

Аметистов. - *Мерси боку.* (М. Булгаков, Зойкина квартира).

В общении непривилегированных сословий употребление имени и отчества в качестве обращения регистрируется очень редко, но все-таки не является исключением. То, что отличает употребление этой формы обращения в неинтеллигентных группах, – это манера употребления имени и отчества или личного имени. Отклонение от нормы выражается в стяжении или усечении форм личного имени и/или имени и отчества. Чаще всего утрачивается начальный гласный в личном имени или упрощается группа согласных в слого, формирующем отчество. Словообразовательная модель требует прибавления суффиксов *-овна / -евна* к женским именам и *-ович / -евич* к мужским именам. Представители непривилегированной социальной группы почти без исключения отклоняются от нормы, упуская суффиксы притяжательности *-ов, -ев* упомянутого сложного суффикса.

Заметим также, что суффикс престижности *-ич*, как правило, прибавляется к усеченной или стяженной основе отчества, а это еще более снижает стиль используемой формы и причисляет выражение к разговорному, даже к просторечному регистру. Указанный стереотип нарушения словообразовательной модели обращения по имени и отчеству последователен во всех анализированных диалогах. Поскольку речь идет о письменных текстах анализируемых литературных произведений, нельзя считать, что указанные стереотипы являются результатом разговорности и диалогичности общения. Выбирая подобный стереотип, адресант манифестирует свой социальный статус, малограмотность, а также фамильярность или равенство во взаимоотношениях с партнерами в коммуникативном акте. Реже может быть продемонстрировано уважительное отношение с прибавлением *Вы*-формы. Ниже приводится пример, который отражает традиционное конвенциональное обращение супруги к своему супругу. Обратим внимание на характерное сокращение формы обращения, а также на целостное звучание разговора.

Анна. - *Андрей Митрич* (вм. Андрей Дмитриевич), *на покушайте.*

Клещ. – *Что еще?* (М. Горький, На дне).

Второй элемент высказывания реализован эллиптически, и это относит его к разговорному стилю. Стилистический регистр подчеркивается разговорными формами – в данном случае непочтительной глагольной формой “*на*” под ударением (вм. *пожалуйста, кушайте*). Отношение уважения сигнализируется *Вы*-формой. Эллиптическая разговорная реализация обращения по имени и отчеству не является помехой для сообщения почтительности к супругу, который в славяноязычных обществах (как и в некоторых других) имеет более высокий статус по сравнению с супругой. Это дает ему право требовать более уважительного к себе отношения не на реципрочном основании, как видно из следующего высказывания:

Трошин. – *Жена принадлежит своему мужу, милостивый государь!.. Очень просто!* (М. Горький, Дети солнца).

Упрощение имени и отчества – преобладающий стереотип в общественных низах, но наблюдаются и исключения. Заметна тенденция в общении с представителем высшего общества, например, урожденного аристократа в отличие от представителя среднего сословия, употреблять полную форму обращения по имени и отчеству. В этих случаях не наблюдается демонстрация отрицательной оценки, иронии или осуждения, а наоборот, сигнализируется уважение, симпатия и положительное отношение к адресату речи. Например:

Кондратий. – *Савва Егорович, благодарю покорно за одолжение.* (Л. Андреев, Савва).

В большинстве случаев, однако, представители непривилегированных сословий предпочитают эллиптическую форму имени и отчества и в симметрическом и в асимметрическом общении, например:

Кондратий. – *Извольте, Антон Егорыч* (вм. Егорович).

Другой вариант манифестации речевого стереотипа – это сокращение личного имени при помощи утраты начального гласного, как видно из данного ниже примера. Разделение фразы на несколько синтагм внушает разные значения. В высказывании используется субъективный порядок слов, чтобы подчеркнуть важную часть фразы, рему высказывания, ориентированного на адресата.

Фима. – *Лизавета Федоровна, здравствуйте!* (М. Горький, Дети солнца).

Часто в непривилегированных сословиях в выборе обращения по имени и отчеству ощущается оттенок иронии, насмешки или даже намеренное перемещение социальных ролей, принижающее достоинство адресата общения. В некоторых случаях наблюдается демонстрация осудительного отношения, выражается чувство презрения к коммуникативному

партнеру, особенно когда речь идет о представителе среднего сословия, или так называемого “парвеню”, “выскочки”, например:

Алеша. – *Василиса Карповна...*, *хошь, я тебе ... похоронный марш сыграю?*

Василиса (толкает его в плечо). – *Вон!* (М. Горький, На дне).

Очень часто представителями непривилегированных сословий используется черный юмор для того, чтобы выразить неодобрение, отрицательную оценку поведения адресата общения. Сущность повышенно вежливой формы обращения по имени и отчеству полностью изменяется, т.е. это уже не повышенная вежливость, а скорее форма, манифестирующая презрительные отношения к поведению новых богатых людей.

Ниже представлена схема, в которой обобщаются отличия социально обусловленных стереотипов употребления обращения по имени и отчеству в начале XX века, согласно принятым критериям.

Привилегированные	Непривилегированные
<ul style="list-style-type: none"> - <i>Вы/ты</i>-форма; - последовательное соблюдение литературной нормы употребления обращения по имени и отчеству, - сложный суффикс прибавляется к полному мужскому имени, согласно словообразовательной модели; - отсутствует сокращение личного имени и/или отчества. 	<ul style="list-style-type: none"> - <i>ты/Вы</i>-форма; - последовательное нарушение нормы употребления обращения по имени и отчеству; - сокращение суффикса притяжательности в сложном суффиксе; - стяжение и усечение личного имени и/или отчества.

В привилегированных группах обращение по имени и отчеству в большинстве случаев сопровождается *Вы*-формой, в непривилегированных – *ты*-формой. Представители высшего общества соблюдают без исключения литературную норму употребления имени и отчества в качестве обращения, прибавляя полный сложный суффикс к официальному отчеству. Форма личного имени не сокращается.

В непривилегированной группе наблюдается последовательное нарушение словообразовательной модели. Суффикс притяжательности утрачивается, а суффикс **-ич** прибавляется к усеченной форме отчества. Отличительной особенностью данного речевого стереотипа является стяжение или усечение личного имени даже если обращение по имени и отчеству сопровождается *Вы*-формой.

Социально обусловленные стереотипы общения в привилегиро-

ванных и непривилегированных сословиях исследуемого периода представлены набором характеристик, обобщенных на основании анализа эксцерпированного литературного корпуса. Следует отметить, что анализ речевого поведения представителей привилегированных и непривилегированных сословий дает возможность выявить некоторые особенности моделей поведения, относящиеся к их ценностной системе. В привилегированных группах вежливость ценится очень высоко и всегда связывается с уважением, почтительностью и высокой оценкой действий партнера общения. Управляющим фактором выбора повышено вежливого обращения по имени и отчеству часто выступают моральные категории типа чести, достоинства, ответственности и др. Общение характеризуется последовательным стремлением к эстетике речи. Нарушение этикетных предписаний и несоблюдение общепринятых норм речевого поведения подвергаются санкциям. Часто манифестируется неодобрительное отношение к новым богатым людям, “парвеню” и их грубое поведение, но не нарушаются правила этикета общения.

В непривилегированных группах сигнализируется одобрение изначальных ценностей аристократического общества и во всех случаях манифестируется неодобрительное и осудительное отношение к представителям среднего сословия. В диалогах демонстрируется оригинальность и образное мышление в духе народно-разговорной традиции. Свобода духа ценится очень высоко, воспринимается высшим идеалом среди общественных низов.

Социолингвистическое исследование речевого этикета дает возможность выявить модели речевого поведения людей разных эпох и разных социальных групп. С дистанции времени можно оценить совершившиеся в начале XX века сдвиги в языке и в обществе и сравнить их с современным состоянием этикетной системы языка. Как было сказано в начале статьи, можно провести определенную аналогию между лингвистическими реализациями отношений вежливости начала и конца XX века, так как кризис часто приводит к огрублению речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев 1906: *Андреев Л. Н.* Савва, 1906.
 Браун, Левинсон 1987: *Brown P & Levinson S.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge University Press, 1987.
 Булгаков 1926: *Булгаков М.* Дни Турбиных, 1926.
 Булгаков 1925: *Булгаков М.* Зойкина квартира, 1925.
 Васева 2005: *Васева И.* Русские личные имена сквозь призму бол-

гарской культуры. Болгарская русистика, № 3 - 4, 2005.

Верещагин, Костомаров 1990: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

Горбаневский 1987: *Горбаневский М.* В мире имен и названий. М., 1987.

Горький 1905: *Горький М.* Дети солнца. 1905.

Горький 1972: *Горький М.* На дне. Пьесы. М., 1972.

Лингвистический 1990: *Лингвистический* энциклопедический словарь. М., 1990.

Ожегов 1952: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1952.

Формановская 2006: *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 2006.

Литературоведение

Вера Земскова

**ЕВАНГЕЛЬСКИЕ И БЫЛИННЫЕ СЮЖЕТЫ В
РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»**

Писатель Достоевский вовлекал в свои сочинения опыт человека Достоевского; насколько можно судить, весь опыт: личных размышлений, событийный и литературный, почерпнутый из разнообразного чтения, — и каждый персонаж его сочинений представляет собою сплав составляющих этого опыта — всегда особенный и, для своей характеристики, самодостаточный.

В романе «Бесы» заметное место занимают христианские и мифологические мотивы, но только в небольшой мере они отмечены в исследовательской литературе, так как основное внимание всегда обращалось на политическую составляющую его сюжетных источников¹. Из христианской тематики указывают на отдельные евангельские аллюзии. Так, давно отмечено, что имя главного героя романа, Ставрогина, происходит от греческого слова «ставрос» (крест)², а также сходство Ставрогина и князя Мышкина (признанного воплощения Христа в понимании Достоевского), — однако в чертах, не имеющих прямого отношения к христианству³. Проговариваются о соответствии героев евангельским персонажам, но больше в метафорическом смысле⁴, за одним, насколько нам известно, исключением: К. А. Степанян видит ассоциацию Ставрогина с Мессией (Христом), в частности указывает на «практически вакантное место отца в его жизнеописании» и некоторые другие детали, но сам называет свою гипотезу зыбкой, оставляя ее разработку на будущее⁵. С мнением, что отсутствие в романе отца Ставрогина напоминает такое же «отсутствие» истинного отца Христа, мы совершенно согласны и еще вернемся к ней, а в нашей работе попытаемся доказать более тесную связь романа «Бесы» и Евангелия.

Зачин романа неуловимо напоминает евангельский зачин: «приступая к описанию недавних и столь странных событий, происшедших в нашем доселе ничем не отличавшемся городе...» (7) — «как уже многие начали описывать происшествия, известные между нами, как то предали нам первоначальные самовидцы и служители Слова» (Лк. 1:1–2; ср.: Лк. 24:17–18)⁶ — и продолжается сходно с Евангелием: *родословной* главного героя (ср.: Мф. 1:1–17, Лк. 3:23–38). И рассказчик в романе — Хроникер — сходен с эта-

ким «евангелистом», отстраненным повествователем, очевидцем и неучастником одновременно; необычность такого повествователя отмечалась, хотя последнего слова — «евангелист» — о нем не произносили⁷.

Отец Ставрогина, генерал Ставрогин, умер, когда Ставрогин-младший был ребенком, а еще раньше расстался с его матерью, Варварою Петровной, — то есть мальчик отца никогда не видел; и читателю о Ставрогине-старшем ничего неизвестно, только то, что этот легкомысленный *старец* умер по дороге в Крым в действующую армию (17). То есть отец Ставрогина в романе *невидим*.

Варвара Петровна, после того как рассталась с мужем, сошлась в *самой тонкой и деликатнейшей связи*, кою следовало *разуметь в самом высоконравственном смысле* (11), со Степаном Трофимовичем Верховенским, который и стал *воспитателем* ее сына (11)⁸.

Буквально о Верховенском говорится: «стал плоть от плоти ее» (16), — расхожее выражение, в основе которого цитата из книги Бытия (2:23) о творении Евы из ребра Адама, тем самым — первой супружеском пары. Понимание брака как единства плоти супругов еще более выпукло проведено в Новом завете, так, что и богословие Церкви как Тела Христова объясняется по подобию брачного союза Христа и Церкви (Еф. 5:23, 30–32); следует помнить, что эти смыслы глубоко укоренены в христианском сознании, на уровне рефлекторного цитирования.

Можно отметить некоторую перверсию пола, перемену ролей — но в границах библейского представления о происхождении первой брачной пары: Степан Трофимовичем стал *созданием* Варвары Петровны (16). А позже, когда Варвара Петровна предложила ему жениться на Даше, он протестует: «вы решитесь выдать меня... за другую... женщину!» (61). То есть Верховенский стал *мужем* Варвары Петровны. Но их союз следовало *разуметь в одном лишь самом высоконравственном смысле* (11), как платонический брак.

Примечательны в эпизоде возможной женитьбой на Даше и слова Степана Трофимовича: «не могу же я жениться на чужих грехах!» (86). Они резко оживляют в памяти евангельскую историю об Иосифе Обручнике, пожелавшем отпустить жену, чтобы не позорить ее публично, когда узнал, что Мария еще до брака имела во чреве (Мф. 1:18–20), — отменяя «платоническую» роль Степана Трофимовича в этом «браке».

Ассоциация с Евангелием не заканчивается: Варвара Петровна (написанное ей Степаном Трофимовичем) *слагала в сердце своем* (13), — цитата из Лк. 2:19, 51 о Марии. В Евангелии о Богородице почти не упоминается, поэтому те несколько фраз, что говорят о ней, особенно врезаются в память, — самое их употребление не оставляет места для другого объяснения, кроме прямой отсылки.

Содержательно имя Николая Всеволодовича Ставрогина. Святитель Николай в русском фольклоре уравнивается Христу или даже понимается Его заместителем, это доказано на широком этнографическом материале и не требует отдельного разбора⁹ (и мы еще обратимся к фольклорной составляющей романа), а значимость имени «Николай» отмечена, пусть в шутку, в романе: *с таким чудотворцем всё сдеется* (Липутин: 214).

Еще более примечательно отчество – Всеволодович: отец Ставрогина «владеет всем», – но, одновременно, о нем самом ничего определенного не сказано, его как бы нет вовсе, он невещественен. – Уместно так говорить только о всемогущем Боге, еще точнее — если принять, забегая вперед, предположение об уподоблении Ставрогина Христу, — о Боге-Отце в Св. Троице. Причем, впечатление невещественности отца Ставрогина настолько отчетливое, а замечания о Варваре Петровне: «ангел чести» (13) и т. п. настолько частые, что они наводят на мысль о *безмужном* рождении (Н. В. Ставрогина), а повторение применительно к Варваре Петровне Ставрогиной цитаты из Евангелия о Богоматери заставляет вспоминать и богословские выражения о *бессеменном* зачатии¹⁰.

Итак, в имени «Николай Всеволодович Ставрогин» мы получаем совершенную кальку с имени «(Иисус) Христос—Сын Божий—Распятый (σταυρός, крест)».

И тогда, в целом, в семействе Ставрогина невозможно не увидеть черт Святого Семейства, где Варвара Петровна — Богоматерь, Степан Трофимович — Иосиф Обручник, Ставрогин — дитя Христос¹¹.

И еще одно небольшое наблюдение. В образе Степана Трофимовича есть скрытое, дополнительное указание на то, что он воспитатель именно Христа. В несколько маскарадном дорожном костюме Верховенского-старшего, покидающего имение Скворешники — в руках дубина, за плечом сума, — видится типичное описание св. Христофора, великана, которые *переносил через реку* на плечах путников и однажды перенес ребенка Христа, едва не утонув под Его тяжестью. У нас нет прямых указаний на знакомство Достоевского с этой легендой (хотя св. Христофор чрезвычайно популярен в западно-христианском мире и много раз репродуцировался в западноевропейской живописи), однако есть косвенные, весьма веские, доказательства. Достоевскому был знаком с мифологической школой этнографии, хотя относился к ней насмешливо¹², — что, наоборот, указывает, прежде всего, на порядочное знание учения этой школы. Крупнейшей фигурой в русской этнографии того времени, а также автором самого подробного изложения языческих представлений славян, был А. Н. Афанасьев¹³. В этом труде есть и пересказ легенды о Христофоре с прямым переводом его имени: носитель Христа¹⁴.

Однако и на этом соотнесённость Ставрогина с Христом не заканчивается. Уподобление союза Бога и избранного народа браку проходит через весь Ветхий завет, почти навязчиво проводится в Новом завете (Еф. 5:23–25, 32), богослужение бесконечно повторяет о Церкви—«Богоизбранной Отроковице». Патриарх Иаков является преимущественным символом избранного народа, после борьбы с Богом (Быт. 32:24–32) получил имя Израиля — и этим именем в Писании называется весь избранный народ, ветхозаветный и новозаветный, который и есть непрерывная и единственная Церковь; в этом единоборстве Бог *повредил* Иакову *состав бедра* (Быт. 32:25).

Жена Ставрогина, Марья Тимофеевна Лебядкина, — хромая, под прозвищем «Хромоножка», без имени, она часто и поминается в романе¹⁵. Хромоноготь ее настолько важна в глазах претенденток на ее место, что ревнующая Лиза Дроздова мечтает охрометь (108, 157).

Подчеркивается, что Марья Тимофеевна девица (194), — и это важная деталь, если вспомнить, что в романе несколько недевиц, обязанных тем Ставрогину. «Девственность» как брачный идеал — в буквальном смысле или аскетическо-дисциплинарном — глубоко укоренена в христианстве и представление о ней как об образце выводится из базового комплекса христианских идей¹⁶. Впрочем, роман устроен так, что его многослойные цитатные аллюзии на священные тексты свести в единовременную плоскость: Ставрогин женится на Марье Тимофеевне *после пьяного обеда, из-за пари на вино* (211) — брак в Кане Галилейской (Ин. 2:1–11).

Для Петра Верховенского, имя и фамилия которого созвучны богослужебному обозначению апостола *Петра* как *первоверховного*, можно предложить еще одно объяснение, захватывающее и его родство со Степаном Трофимовичем: он апостол Иаков, родной сын Иосифа Обручника (= Степана Трофимовича), глава первой христианской общины в Иерусалиме. По сути, он и был первоверховным апостолом (дважды — в лице Петра и Иакова) той «церкви», главой которой, по общему мнению в романе, был Ставрогин, — связь главных героев — на «евангельском слое» повествования — получает дополнительное оправдание и осмысление.

Победное плавание-шествие на ладье, восторженно нарисованное младшим Верховенским, подобно победному плаванью Церкви, которая всегда (со II в., по меньшей мере) уподоблялась кораблю. О провале планов Петр Верховенский говорит со злобою, однако не отступает от взятого образа: *Какая вы «ладья», старая вы, дырявая дровяная барка на слом!* (408).

Сравнение Ставрогина с солнцем (193, 195, 327), видение в нем чего-то нечеловеческого (*оставьте ваш тон и возьмите человеческий* (Шатов, 201), *от меня ждут чего-то* (227), *вы — папа* (П. Верховенский,

323 и др.) показывают, что Ставрогина принимали за существо высшее, иноприродное окружению, — но сравнение Бога (или Христа) с солнцем — общий троп текстов Писания и богослужения.

Однако сходство Ставрогина с Христом подобно искаженной мелодии: вроде та же, но в другой тональности (*казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен* (37)), вроде аллюзии всё евангельские, а получается не Евангелие, а анти-Евангелие, и проступают черты не Христа, а какого-то анти-Христа, антипода Христу: *вдруг зверь показал свои когти* (37), *зверь вдруг выпустил свои когти* (38), упоминание о его *зверском поступке* (36). «Зверь» имеет совершенно однозначные коннотации для христианского сознания (Откр. 11:7, 13:1–8 и др.). В этот ряд становятся и обозначения Ставрогина: *премудрый змий* (83) и *князь* (215–219), — все три определения прямо отсылают к одному персонажу — к дьяволу¹⁷, который еще в Ветхом завете был назван змеем: «змий же бе мудрейший всех зверей, сущих на земли» (Быт. 3:1), а в Новом завете — «князем мира сего» (Ин. 12:31, 14:30, 16:11; Еф. 2:2). Общее впечатление о Ставрогине: *для зла людям живет* (Липутин, 214), ему свойственны приступы бесконечной злобы (164).

Этот анти-Христос Ставрогин выбирает в конце романа добровольную смерть – самоубийство, — подобно добровольной смерти Христа (и в исследовательской литературе этот его поступок, как равнозначное окончание его жизни, подобной ношению некой тяжести, некоего Креста, трактуется, метафорически, как «Голгофа»¹⁸).

Голгофа Ставрогина — светелка мезонина — похожа на гроб: *гражданин кантона Ури висел тут же дверцей* (516), маленькое тесное помещение, дверь в которое одновременно и крышка гроба, и самая верхняя часть дома, чердак, вершина строения... горы... Голгофа. Перечисление сопровождавших смерть Ставрогина предметов — *на столике лежал и молоток, кусок мыла и большой гвоздь, очевидно припасенный про запас <...> крепкий шелковый снурок, очевидно заранее припасенный и выбранный* (516) — без упущения деталей описывает способ распятия Христа: прибывание гвоздями, повешение на кресте.

Ирония *гражданин кантона Ури висел тут же дверцей*, возможно, пародирует канцелярский стиль швейцарского делопроизводства (столь ненавистный Достоевскому); по отзывам бывавших в Швейцарии, Ури — самый мрачный, дикий район страны¹⁹. Возможно, регистрирующий стиль «евангелиста»-Хроникера романа находит во фразе законченное выражение.

Вернемся к тому пласту романа, о котором мы уже упоминали — к фольклору. С О.Ф. Миллером Достоевский познакомился после написа-

ния романа, в 1874 г., однако это никак не повлияло на его мнение о мифологической школе²⁰; в личной библиотеке писателя литература по этнографии отсутствовала²¹; считают, что Достоевскому мог быть известен сборник онежских былин А. Ф. Гильфердинга (1873)²², но сборник вышел после того, как роман был написан. Этим, кажется, исчерпываются точные сведения о знакомстве Достоевского с фольклором, — несмотря на то, что ко времени выхода романа существовали уже богатые собрания народных песен и исследования о них²³. Указывая ниже на совпадение черт у романских героев и фольклорных, мы исходим из предположения, что Достоевский *мог* читать — а скорее всего, читал — перечисленные издания — как человек, чувствительный к новому в умонастроениях; к тому же крупнейшее собрание песен П. Н. Рыбникова произвело глубокое впечатление на современников²⁴.

В романе есть мотив, и он сквозной, происхождение которого и самое содержание выводится из фольклора: это мотив силы. Он навязчиво сопровождает Ставрогина с первого упоминания о нем (*...он отличался чрезвычайною физическою силой* (35)) до последней страницы (*я пробовал везде мою силу <...> на пробах <...> она оказывалась беспредельною* (514)).

В русском, шире — славянском и европейском, фольклоре из самых распространенных сюжетов — богатырская похвальба и, одновременно, неспособность поднять «сумочку переметную» или преодолеть «тягу земную»²⁵. Демонстрация силы Ставрогиным (пощечина, дуэль с Гагановым) напоминает богатырскую похвальбу — в соответствии с мотивом зазнавшихся богатырей²⁶, и, одновременно, его сила терпит поражение: *вы не сильный человек* (228).

В русском фольклоре носителем безмерной силы является Святогор²⁷, главный герой киевского цикла былин, его силы не выносит «мать сыра земля», но сам он не может преодолеть силу земной тяги и уходит под землю:

Грузно от силушки, как от тяжелого бремени.

Вот и говорит Святогор:

Как бы я тяги нашел,

Так я бы всю землю поднял!²⁸

(и далее рассказывается, как он не поднял «сумочку»).

Ставрогин коррелируется и с более широким былинным материалом, в романе образуется смысловая евангельско-былинная амбивалентность: а именно, слова «змей», «гад» в романе упоминаются с такой частотой, с какой они встречаются только в былинах и других рассказах о змеборстве (Добрыня Никитич по преимуществу змеборец в русских былинах); даже для смерти Ставрогина, сходной с евангельской смертью-жертвой,

можно найти фольклорную параллель: в былинах о Михаиле Потыке его распинает и прибывает гвоздями жена *Марья Лебедь Белая*.

Имя жены Ставрогина, Марьи Тимофеевны Лебядкиной, созвучно не только с именем жены Михаила Потыка, прозвище «Лебедь Белая» встречается часто у жен и других богатырей²⁹. Сюжет с женой Михаила Потыка включает несколько линий, плохо соотносящихся между собою, но в целом она коварная, злоумышляет на мужа, опивает его вином, тащит в погреб и там *прибывает четырьмя гвоздями*³⁰ (опять, и в былинке, и в романе сплетение христианского и фольклорного), в некоторых былинах ее отчество — Лиходеевной; в повествовании о ней присутствуют змеи³¹. Былины о Михаиле Потыке оканчиваются тем, что его спасает другая женщина, на которой он и женится (ср.: «Лиза: “воскресать?”», 399). Созвучие имен «князь» и «Лебядкина» с обычным свадебным присловьем «у нас молодой князь, а у вас белая лебедушка» и подобными³² придает более глубокие обертоны фольклорной подложке текста; совпадает мотив женитьбы на неожиданной (не круга Ставрогина) невесте: невеста чужая (богатырь Самсон), невеста Святогора 30 лет лежала на гноище³³.

Отмечалось, что «Ставрогин» может происходить от имени богатыря Ставра Годиновича³⁴. Но мы убедились, как синкретичная литературная основа образа Ставрогина включает в один контрапункт и греческий «ставрос», и Ставра (можно добавить: и Сварога, огненного змея и сына Солнца в славянской мифологии), и повторяет звукоряд имени Святогора (за исключением суффикса «ин»). Уместно говорить об *интертекстуальности* героев романа и прежде всего Ставрогина, в котором множество текстов переплавилось в единый и, насколько позволительно говорить такое о героях Достоевского, непротиворечивый жизнеспособный субъект.

Толчок к написанию романа «Бесы» — коллективное убийство революционной террористической группой С. Нечаева человека ради того, чтобы «скрепить» членов группы участием в этом убийстве, — содержал совершенно ясный намек на ритуальное убийство, поэтому аллюзии на евангельскую жертву в романе ожидаемы, можно продолжить: весь роман — как бы «новое евангелие» «новых христов», «евангелие-перевёртыш».

Однако столь прозрачные, как в романе, отсылки к священному тексту, прямые аналогии его героев евангельским персонажам, — при том, что в Российской империи существовал прямой запрет³⁵ играть на сцене царствующих лиц и негласный (насколько известно) — главных евангельских персонажей³⁶, — ставят книгу Достоевского вне своего времени и исторической действительности. Через сто лет после «Бесов» (1871) рок-опера Э. Ллойда Уэббера «Иисус Христос — суперзвезда» (1970, первая постановка — 12 октября 1971 г.) показала очеловеченного Христа без

воскресения, Христа, соответствующего культурному контексту 1970-х гг.; главный вопрос пьесы: «Do you think you're what they say you are?» остается в ней без ответа. Рок-опера произвела сильное впечатление на умы и стала эпохальным событием в истории западной (прежде всего англоязычной) культуры. На осознание этого культурного опыта потребовалось немало времени, только лет через 15 после экранизации (1973) стали появляться фильмы, усвоившие гуманизированного Христа рок-оперы Уэббера, и только совсем недавно стали появляться новые постановки самой оперы и стала возможной новая рефлексия вопроса «Do you think you're what they say you are?»³⁷. Криптонарушение Достоевским религиозного и культурного запрета на сто лет раньше, в 1871 г., почти прямое включение священных сюжетов в светскую литературу, хочется сказать: беллетристику, остались неоцененными — как сюжет в истории русской мысли и как сюжет мысли и творчества Ф. М. Достоевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Краткий пересказ истории кружка С. И. Нечаева см.: *Евнин Ф. И.* Роман «Бесы» // Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959, с. 219; подробный разбор политических реалий, отраженных в романе, см. в книге: *Сараскина Л. И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990.

²*Иванов Вяч. Ив.* Экскурс: основной миф в романе «Бесы» // *Он же.* Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. М., 1916, с. 69.

³*Catteau J.* Le Christ dans le miroir des grotesques (Les Demons) // *Dostoevsky Studies.* 1983. Vol. 4, p. 34.

⁴*Szilard L. (Силард Л.)* Своеобразие мотивной структуры *Бесов* // *Ibid*, p. 160.

⁵*Степанян К. А.* Категория существования в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура. СПб., 2001. № 16, с. 52–53. В границах политического толкования остается наблюдение Б. В. Соколова, что Ставрогин — «своеобразный Христос революции», а Петр Верховенский, соответственно, новый апостол; свою мысль исследователь не развивает (см.: *Соколов Б. В.* Расшифрованный Достоевский. Тайны романов о Христе. «Преступление и наказание». «Идиот». «Бесы». «Братья Карамазовы». М., 2007, с. 245), — ср. ниже.

⁶Мы намеренно даем евангельскую цитату по переводу Библейского общества, как наиболее известному Достоевскому (и ввиду будущей отдельной работы о роли этого перевода в жизни писателя).

⁷М. М. Бахтин: «...хроникеры Достоевского пишут свои записки после окончания всех событий и будто бы с известной временной перспективой <...> но на самом деле рассказ свой он [рассказчик «Бесов»] строит без всякой перспективы» (Проблемы творчества Достоевского. Цит. по изд.: *Бахтин М. М.* Проблемы творчества/поэтики Достоевского. М., 1995, с. 128). Такое отсутствие

временной перспективы в романе весьма сходно с евангельской манерой повествования; то, что Хроникер является *очевидцем*, отмечено как особый прием (*Евнин Ф. И.* Роман «Бесы» // Там же, с. 261); быстрой летописью, стенограммой называет письмо Хроникера Д. С. Лихачев (раздел «“Летописное время” у Достоевского» в книге: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1971, с. 322). Трудно учесть все тонкие, интонационные цитаты из Евангелия, например: «неисследима глубина женского сердца и *до сего дня!*» (18). Ср.: Мф. 28:15: «и пронесся слух сей между иудеями *до сего дня*» (отдельно). Мы не можем проверить написание этих слов в рукописи; в первом издании романа «сегодня» написано вместе (Русский вестник. Т. 91, 1871, № 1, с. 17).

⁸Соблазнительно продолжить ассоциации и указать на значение имени Степана Трофимовича — «венец питомцев», как об этом пишет Т. А. Касаткина, видимо, опираясь на церковный календарь (*Касаткина Т. А.* Об одном свойстве эпилогов пяти великих романов Достоевского // Достоевский в конце XX века / Сост. и ред. К. А. Степанян. М., 1996, с. 83 (о романе «Бесы» — с. 82–93)). Однако точнее было бы перевести имя «Трофим» как «питающий», что верно и для субстантивированного троφίμος — питающий, кормилец (значение «питомец» — второстепенно), и соответствует правилу словообразования: τρέφω, питаю, дает чередование е/о только в перфекте действительного залога (см.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. А. И. Соболевского. Т. II. М., 1958. s. v. τρέφω). Такое значение больше соответствует месту Степана Трофимовича в романе, хотя Достоевский не знал греческого языка и тут мы можем рассчитывать только на чутье художника в данном выборе имени героя.

⁹См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. О. Ф. Миллером замечено, что в нескольких случаях и богатыри отождествляют себя со святителем Николаем, называют себя святителем Николаем (*Миллер О. Ф.* Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1870, с. 469: ссылается на П. Н. Рыбникова. Ч. IV. № 12 и Киреевского. Вып. 4. С. XL–XLIV (выходные данные см. ниже, в примеч. 24)), — ср. ниже.

¹⁰В наиболее концентрированном в виде, словесно и понятийно, эта мысль представлена в одном из известнейших песнопений, в ирмосе на 9-й песни канона преп. Андрея Критского среды первой седмицы Великого поста: «*Безсеменнаго зачатия Рождество несказанное, Матере безмужныя нетленен Плод, Божие бо Рождение обновляет естества. Темже Тя вси роди, яко Богоневестную Матерь, православно величаем*». Этот текст из тех, что «на слуху» человека с минимальной церковной практикой, и вообще богородичное богословие занимает едва ли не самое заметное место в богослужении. Достоевский свидетельствует в «Записках из Мертвого дома», что знал великопостную службу с детства (4:176). И хотя пара цитат из церковного обихода, приводимые писателем, неточны (спутаны утреннее и вечернее молитвенное правило (4:130.17 (не отмечено в Комментарий)) и молитва перед подачей причастия, которую читает священник (4:177.12; в Комментарий неправильно указано на молитву Василий

Великого из Последования ко святому причащению), самого общего вовлечения в православный быт достаточно, для того чтобы описанные представления навсегда запечатлелись в сознании.

¹¹Другие объяснения фамилии «Ставрогин» нам кажутся неосновательными: *Пашаева Ф. Ш.* Функционирование антронимов в языке произведений Ф. М. Достоевского. Автореф. дисс. ... уч. ст. к. филол. н. Баку, 1988, с. 21: «ставры точить» = ласы точить; *Kjetsaa G. Dostoevsky and His New Testament.* Oslo; New Jersey, 1984 (Slavica Norvegica, III). P. 14: от «рог» — рог Зверя из Апокалипсиса. Разве что можно в дополнение предположить, что слог «ог» в фамилии Ставрогина навеян звуковым сходством со словом «каторга» либо взят из греческого –ω –веду, по образцу «стратег» – воевода: Ставрогин – ведущий Крест, ведомый (?) Крестом. Множественность ассоциаций только лишней раз подтверждает синтетичность приемов Достоевского, но не всегда дает возможность принять определенное решение о прототипе. О возможном дополнительном – фольклорном – источнике для имени «Ставрогин» мы скажем позже.

¹²Ср. 10:306: идеи мифологической школы пародируются в рассуждении студентки о происхождении религии, а также 18:71: язвительное замечание Достоевского о сочинении А. Н. Афанасьева «Религиозно-языческое значение избы славянина», напечатанном в «Отечественных записках» (1861, № 6), в очерке «Г-н —ов и вопрос об искусстве» (1861) (18:70–104).

¹³*Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865–1869. Т. 1–3.

¹⁴Там же. Т. 1, с. 721–724 (с. 723 – перевод имени); Т. 2, с. 741, 770. Св. Христофор родственен богатырям, гибнущим под собственной силой, – мотив, магистральный в образе Ставрогина (об этом ниже). О богатырях, не могущих вынести данной им силы и погибающих, см.: *Жданов И.* К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881, с. 118–191.

¹⁵Комментарий справедливо указывает на сходство черт Лебядкиной с описанной И. Г. Прижовым юродивой с созвучным именем: Татьяной Степановной Босоножкой (12:292 к 10:79).

¹⁶Собственно, девственное рождение Христа и положило основание такому идеалу, монашество как выражение его является важнейшим институтом христианской церкви.

¹⁷*Сильвестрони С.* 1) Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб., 2001, с. 91; 2) Новый завет в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Христианство и русская литература. М., 2002. Т. 4, с. 339. Евангельские аллюзии не ограничиваются употреблением евангельских выражений в прямом смысле, но образуют некий оркестр созвучий, мелодических повторов евангельского текста, ср. призыв быть премудрыми подобно змеям: Мф. 10:16. В многосоставном образе Ставрогина также можно усмотреть амбивалентность змея — как символа Христа (Ио. 3:14) и как губителя (Откр. 12:9, 20:2 и др.).

¹⁸*Пашаева Ф. Ш.* С. 21; *Силард Л.* С. 160.

¹⁹Возможно, в памяти русского путешественника (Достоевского) Ури осо-

бенно запечатлевается из-за того, что именно там находит перевал Сен-Готар, который проходил А. В. Суворов. Перечисленные замечания о Швейцарии сделаны С. В. Александровой.

²⁰Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. Т. I. СПб., 2001. s. v. О. Ф. Миллер.

²¹Библиотека Ф. М. Достоевского. СПб., 2005. Две книги, Н. В. Гербеля (1871) и В. П. Авенариуса (1876) (с. 18), строго говоря, не этнографические и не подходят по времени издания.

²²Николаев О. Р., Тихомиров Б. Н. Эпическое православие и русская культура. (К постановке проблемы) // Христианство и русская литература. М., 1994. Т. 1, с. 46, примеч. 13. Очень ценно там же, с. 15, замечание о становлении своеобразного православного этоса богатырства, наибольшую системность обретшего в этикетной структуре былинного мира. К похожему сюжету мы вернемся.

²³Мы намеренно указываем издания, современные написанию романа: [*Рыбников П. Н.*] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861–1867. Ч. I–IV.; [*Киреевский П. В.*] Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1–10. М., 1860–1874. Помимо трехтомника А. Н. Афанасьева (примеч. 13), см.: Миллер О. Ф. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1870. Связь текстов Достоевского с фольклором почти не изучена, только недавно стали появляться работы, авторы которых такую связь наблюдают, однако наблюдения их самого общего или отрывочного характера и не дают законченного представления о том, что был фольклор для писателя: Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994; Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Достоевского. Челябинск. 1994; Телегин С. М. Философия мифа. Введение в метод метареставрации. М., 1994.

²⁴Исследователь пишет: «Публикация Рыбникова произвела на ученый мир и на читающую публику сильнейшее впечатление. По свидетельству Срезневского, Пыпина и других современников, всем казалось удивительным уже то, что такое огромное количество старинных былин, известных до того времени почти только из старинных сборников Кирши Данилова и т. п., оказались бытующими среди народа, и не где-нибудь в далекой Сибири, а вблизи от столицы, в Олонецком крае». (Токарев С. А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М. 1966, с. 248). В издании П. Н. Рыбникова много былин киевского цикла записано в Олонецкой губернии.

²⁵Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1902. Т. 67. s. v. Тяга земная.

²⁶Жданов И. С. 199.

²⁷В мотиве силы и того, что с силою происходит, со Святогором сходен целый ряд богатырей, хотя в рассказах о них свое сюжетное ядро: уже упоминавшийся Христофор, Самсон (взаимозаменяем со Святогором, см.: Миллер О. Ф. С. 218; Рыбников П. Н. Ч. III. № 25), Михаил Потык (Рыбников П. Н. Ч. II. № 38. Ч. II. № 15, 17), Оника-воин (Он же. Ч. II. № 48), Ставр Гоудинович (Он же. Ч. I. № 41, 42).

²⁸См.: Рыбников П. Н. Ч. I. № 7, а также № 8. Ч. III. № 2.

²⁹Авдотья Лебедь Белая, невеста Ивана Гоудиновича (см.: *Киреевский П. В.* М., 1861. Вып. 3, с. 9–19, 67–76, 143, 159, 206, 212 и др.), имя Марина (тоже Лебедь Белая) — это ополяченное «Мария» (*Миллер О. Ф.* С. 415).

³⁰*Рыбников П. Н.* Ч. I. № 36–38. Ч. II. № 15–17.

³¹Замечательно, что Л. И. Сараскина убедительно возразила против традиционной интерпретации Марьи Тимофеевны Лебядкиной как воплощения Вечной женственности, Богородицы и т. п., и наоборот, отметила ее одержимость, симпатию к бесовскому, а также указала, со ссылкой на А. Н. Афанасьева, что тут возможно отражение мифа о женщине и змее и на предательское поведение Хромоножки по отношению к Ставрогину («Бесы»: роман-предупреждение. С. 130–158, особ. 134, примеч. 1; 137–138. 147–148 (ссылка на Афанасьева — примеч. 2 на с. 147), 150 (предательство)). Справедливо наблюдение, что брак Ставрогина и Хромоножки — центральная романная интрига, вокруг которой разворачивается мистерия «Бесов» (Там же, с. 156).

³²Русская свадебная поэзия Сибири. Новосибирск, 1984. № 17, 20, 24, 28, 32, 34, 52–54 и др.

³³*Жданов И. С.* 138–139, 151–152.

³⁴*Пашаева Ф. Ш.* С. 21.

³⁵Устав о цензуре и печати // Собрание законодательства Российской Империи. СПб., 1890. Т. 14. Отделение 5. § 73. Также устный (насколько удалось установить) запрет Николая II в 1837 г. выводить в операх царствовавших особы из дома Романовых, это разрешалось только в драмах и трагедиях.

³⁶Яркий пример — пьеса К. Р. (великого князя К. К. Романова) «Царь Иудейский» (1913), в которой Христос не появляется на сцене. О цензурных препятствиях к постановке см.: *Кузьмина Л. И.* Августейший поэт. К. Р. Стихи разных лет. Личность. Творчество. СПб., 1995, с. 179–180. Пьесу разрешили поставить любительской труппе в Эрмитажном театре.

³⁷См. статью известного американского специалиста по Новому завету: *Goodacre M.* Do You Think You're What They Say You Are? Reflections on *Jesus Christ Superstar* // *Journal of Religion and Film.* 1999. Vol. 3, No. 2 October. Доступна в электронном виде: <http://www.unomaha.edu/jrf/jesuscss2.htm>

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865–1869. Т. 1–3.

Бахтин М. М.: Проблемы творчества Достоевского (цит. по изд.: Бахтин М. М. Проблемы творчество/поэтики Достоевского. М., 1995, с. 9–179).

Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. Т. I. СПб., 2001. s. v. О. Ф. Миллер.

Библиотека Ф. М. Достоевского. СПб., 2005.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. А. И.

- Соболевского. Т. II. М., 1958. s. v. τρέφω.
- Достоевский Ф. М. Бесы // ПСС. Т. 10.
- Достоевский Ф. М. Бесы. Рукописные редакции. Наброски 1870–1872 // ПСС. Т. 12.
- Достоевский Ф. М. Бесы. Первая публикация: Русский вестник. Т. 91. 1871. № 1.
- Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // ПСС. Т. 4, с. 5–232.
- Достоевский Ф. М. Г-н —ов и вопрос об искусстве // ПСС. Т. 18, с. 70–104.
- Достоевский. Ф.М Полное собрание сочинений (ПСС) в 30-ти томах. Л., 1972—1988.
- Евнин Ф. И. Роман «Бесы» // Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959, с. 215–264.
- Жданов И. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881.
- Иванов Вяч. Ив. Экскурс: основной миф в романе «Бесы» // Он же. Борозды и межи. Опыт эстетические и критические. М., 1916, с. 61–72.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Касаткина Т. А. Об одном свойстве эпилогов пяти великих романов Достоевского // Достоевский в конце XX века / Сост. и ред. К. А. Степанын. М., 1996, с. 68–136.
- [Киреевский П. В.] Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860–1874. Вып. 1–10.
- Кузьмина Л. И. Августейший поэт. К. Р. Стихи разных лет. Личность. Творчество. СПб., 1995.
- Лихачев Д. С. «Летописное время» у Достоевского // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1971, с. 347–363.
- Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994.
- Миллер О. Ф. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1870.
- Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Достоевского. Челябинск. 1994.
- Николаев О. Р., Тихомиров Б. Н. Эпическое православие и русская культура. (К постановке проблемы) // Христианство и русская литература. М., 1994. Т. 1, с. 5–49.
- Пашаева Ф. Ш. Функционирование антропонимов в языке произведений Ф. М. Достоевского. Автореф. дисс. ... уч. ст. к. филол. н. Баку, 1988.
- Русская свадебная поэзия Сибири. Новосибирск, 1984.

[Рыбников П. Н.] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861–1867. Ч. I–IV.

Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990.

Сильвестрони С. Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб., 2001.

Сильвестрони С. Новый завет в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Христианство и русская литература. М., 2002. Т. 4, с. 336–363.

Соколов Б. В. Расшифрованный Достоевский. Тайны романов о Христе. «Преступление и наказание». «Идиот». «Бесы». «Братья Карамазовы». М., 2007.

Степанян К. А. Категория существования в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура. СПб., 2001. № 16, с. 51–60.

Телегин С. М. Философия мифа. Введение в метод метареставрации. М., 1994.

Токарев С. А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М. 1966.

Устав о цензуре и печати // Собрание законодательства Российской Империи. СПб., 1890. Т. 14. Отделение 5.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1902. Т. 67. s. v. Тяга земная.

Catteau J. Le Christ dans le miroir des grotesques (Les Demons) // Dostoevsky Studies. 1983. Vol. 4, p. 29–36.

Goodacre M. Do You Think You're What They Say You Are? Reflections on Jesus Christ Superstar // Journal of Religion and Film. 1999. Vol. 3, No. 2 October (= <http://www.unomaha.edu/jrf/jesuscss2.htm>).

Kjetsaa G. Dostoevsky and His New Testament. Oslo; New Jersey, 1984. (Slavica Norvegica, III).

Szilard L. (Силард Л.). Своеобразие мотивной структуры Бесов // Dostoevsky Studies. 1983. Vol. 4, p. 139–164.

Екатерина Суровцева (Россия)

ОБРАЗ АДРЕСАТА В «ПИСЬМАХ ВОЖДЮ» (1920-е – 1950-е гг.)

Письма представителей русской интеллигенции вождям являются интереснейшими и важными документами советской эпохи, в которых «отразился век» и с иной стороны предстаёт личность писателя. Есть в этих текстах и ещё один существенный аспект. Это то, каким предстаёт адресат, личность не менее реальная, чем автор письма, однако отмеченная в эпистолярном контексте субъективным авторским отношением.

При анализе эпистолярного материала первой половины XX века мы выделили в группе адресатов тех, чей образ принципиально индивидуализирован (автор письма апеллирует не только к лицу, наделённому властными полномочиями, но и собственно к человеку) и тех, у кого он исчерпывается служебной функцией. Среди первых, безусловно, В. Ленин, И. Сталин, Ф. Дзержинский, А. Луначарский и некоторые другие крупные представители власти, среди вторых – А. Енукидзе, А. Андреев, А. Щербаков, Г. Маленков и другие проводники политики партии и воли вождей. Степень индивидуализации образа адресата зависит от многих факторов. Играет роль масштаб личности адресата, степень близости его и адресанта, мотивация и жанр письма и особенности творческой манеры писателя-адресанта.

Автора письма могут связывать с адресатом дружеские отношения, годы общей революционной или иной деятельности (Богданов – Луначарский, Богданов – Бухарин, Раскольников – Сталин), в конце концов – положение соратников, товарищей по партии или – шире – людей, служащих одной высокой цели: построить новую Россию и новую культуру (Маяковский – Луначарский, в определённом смысле Шолохов – Сталин), при этом сохранив лучшие завоевания прошлого и памятуя о ценностях общечеловеческих (Короленко – Луначарский). В другом случае расчёт на проявление вождём человеческих качеств (мудрости, гуманности) или здравого смысла мотивирован жанром письма (просьба), целью которого является восстановление справедливости. В таких текстах нередко формируется идеализированный образ адресата (Зощенко, Булгаков и др. – Сталину). Иного рода индивидуализация характерна для писем, относящихся или близких к жанру памфлета. Здесь в человеческом облике адресата вычленяются как раз слабые стороны, дающие повод для иронии (Маяковский – Луначарскому) и для сатирических обобщений (Аверченко

– Ленину).

Мы бы отметили существенное отличие текстов 1920-х годов от большей части текстов 1930-х – 1950-х – разная степень допустимой демократичности отношений адресанта и адресата: письма, адресованные одним представителям власти, предполагают или во всяком случае не исключают диалог на равных, возможность изложить достаточно свободно соображения, как правило, не совпадающие с позицией властей; письма, предназначенные другим, сдержанны и осторожны, если же высказывается прямая критика в адрес верховных властей, – то лишь в ситуации когда «нечего больше терять». Можно условно отметить два психологических «полюса» этой ситуации, персонифицированные соответственно Луначарским и Сталиным; с одной стороны, нарком просвещения, интеллигент, представитель «ленинской гвардии», писатель и критик; с другой – вождь партии, хозяин страны, вершитель судеб, лицемерный тиран.

Луначарский – единственный представитель власти, к которому (уже в этом качестве) адресант обращается на «ты» («Дорогой Анатолий. Письмо твоё...» и под.) [Богданов 1990: 352]. Имеется в виду Богданов, подхватывающий тон письма самого Луначарского. Луначарскому писали многие (в том числе Богданов, Короленко, Маяковский), и его образ в этих письмах имеет, как нам кажется, три ипостаси: во-первых, соратник-оппонент и при этом друг (Богданов), во-вторых, коллега, но тоже оппонент (Короленко), в-третьих, лицо, ответственное за культуру Советской России (Короленко, Маяковский).

Так, Богданов ведёт с Луначарским открытую полемику и критикует позиции большевиков по ряду вопросов, сохраняя при этом дружеский тон. На лексическом уровне это проявляется в постоянной смене форм личных и притяжательных местоимений: там, где речь идёт о действиях большевистского правительства (и Луначарского на этом поприще), используются формы местоимения «вы», «ваши», где же автор письма высказывает соображения в расчёте на бывшее единомыслие адресата, звучит «мы» и «наше». Кроме того, Богданов ссылается на некоторые факты общего прошлого; сообщает Луначарскому о том, какие свои труды уже выслал ему, а какие планирует выслать в скором времени [Богданов 1990: 352 – 355].

Богданов заметно выделяет Луначарского из ряда его соратников, среди которых «грубый шахматист» Ленин и «самовлюблённый актёр» Троцкий. В письме возникает тема постановки собеседника на место говорящего. И наоборот: Богданов как бы представляет самого себя в роли члена большевистского правительства, и это воспринимается им как компромисс. Эти же ощущения, по его мысли, должен испытывать Луначарский. Отметим непосредственную реакцию Богданова на предложение ра-

боты со стороны наркома образования: в конце письма адресату делается даже как бы «встречное» предложение вернуться к рабочему социализму, т.е. на позиции самого Богданова.

Очевидно, что адресант чувствует себя свободно, общаясь с представителем власти, они не дистанцированы, человеческий аспект отношений является в письме преобладающим. Есть ощущение уверенности адресанта в том, что собеседник в состоянии правильно понять его позицию. Разумный собеседник, наделённый властными полномочиями, – то лицо, которое может донести боль интеллигентных людей властям и, возможно, позитивно повлиять на них.

Эта же мысль читается (и одновременно подвергается сомнению) в письмах Короленко. Он обращается к Луначарскому по имени-отчеству, но без чинов. Тон его обращений более сдержан, но уже в первом из шести писем он называет адресата «товарищ писатель» (обратим внимание – не «товарищ нарком»). Тем самым подчёркивается особое отношение автора как прозаика и правозащитника к интеллигентному и образованному представителю новой власти.

Шесть достаточно объёмных писем [Негретов 1990: 232 – 268] рассчитаны на широкую публику: письма, безусловно, публицистичны, и автор их надеялся на публикацию, обещанную Луначарским. Однако они рассчитаны и на вдумчивое прочтение того единственного адресата, в них упомянутого: не только большевистского министра, но и литератора, человека, не лишённого совести. Уважение к личности Луначарского проявляется, несмотря на инвективную направленность мысли автора в целом, в открытости и доверительности тона, когда писатель неоднократно строит фразу, вводя в неё образ предполагаемого собеседника («Вы скажете: вольно же во время междоусобия проповедовать кротость» [Негретов 1990: 234] и т.п.). Обстоятельность и большой объём писем тоже, на наш взгляд, являются не только следствием установки автора на их публичный характер. Обратим внимание на то, что в текстах второго – шестого писем отсутствует традиционное обращение к адресату; каждое из них является продолжением начатого разговора. Это развёрнутое обсуждение «большевистского максимализма», по словам Короленко, ведущего Россию к катастрофе, рассчитано на собеседника, способного если не принять, то понять позицию оппонента.

Уже в первом письме прямо высказывается мысль о пропасти, разделившей адресанта и адресата после того, как во время пребывания Луначарского в Полтаве там были бессудно расстреляны пять человек: «Пять трупов легли между моими тогдашними впечатлениями и той минутой, когда я со стеснённым сердцем беру за перо» [Негретов 1990:

232]. Энергично выступая против большевистского террора, Короленко упрекает Луначарского в нерешительности в тех вопросах, которые касаются человеческих жизней.

Выбор адресата для Короленко, конечно, во многом вынужденный и особых иллюзий на счёт Луначарского у писателя нет. Он в значительно меньшей степени, чем Богданов, склонен выделять наркома просвещения из ряда его коллег по партии. Скептические ноты звучат уже почти в записке первого письма: «Уже приступая к разговору с вами... перед митингом, я нервничал, смутно чувствуя, что мне придётся говорить напрасные слова...» [Негретов 1990: 232].

Вообще Луначарский для Короленко – сильное (читай: человеческое) звено большевистской цепи и слабое (соглашательское) звено в лагере интеллигенции. Непоследовательность в действиях Луначарского, несколько примеров которой приводится в письмах, рождает у автора письма сомнения в том, что его голос будет услышан.

В письмах Короленко (и в этом их сходство с богдановскими) даже на формальном уровне внятно подчёркнута идейная дистанция между собеседниками: «ваша диктатура» и под. В тех же случаях, когда речь идёт об общероссийских реалиях, автор письма солидаризируется с адресатом: «наш народ сразу перешёл к коммунизму» и т.п. Если сравнить модели отношений адресанта и адресата в текстах Богданова и Короленко, то в первом случае автор ощущает приоритетность дружеских связей с адресатом, несмотря на ряд идейных расхождений, а во втором – подчёркивает принципиальность идейных расхождений, но стремится найти общий язык с собеседником.

Именно к Луначарскому обращается с открытым письмом В.Маяковский («Петроградская правда» от 21 ноября 1918 г.) в ответ на негативную рецензию критика А.Левинсона на пьесу «Мистерия-буфф» в постановке В.Мейерхольда с участием самого поэта, призывая наркома, высоко оценившего пьесу в своё время, «достойно оборвать речистую клевету». В этом письме наркому отводится роль объективного судьи. То есть Луначарский в контексте первого письма призывается скорее в единомышленники, чем в оппоненты, а вся сила авторского сатирического пафоса обрушивается именно на Левинсона. Однако резковатость и требовательность тона выдаёт внутреннее напряжение и, вероятно, сомнения автора письма в наркомовском единомыслии. Поэтому Маяковский спешит напомнить «товарищу комиссару» обо всех его положительных отзывах на пьесу, напоминает ему о необходимости усиленной пропаганды нового искусства и обращает внимание адресата на организованный характер осуждения «Мистерии» в газете «Жизнь искусства». Позднее, в 1920

г., на диспуте о постановке Мейерхольдом и Бебутовым пьесы Верхарна «Зори», выявилась несхожесть взглядов Маяковского и Луначарского на футуризм: последний высказался в том смысле, что футуризм отстал. Во втором открытом письме Луначарскому поэт в ироничной манере формулирует положения оппонента – именно в этом качестве теперь выступает нарком просвещения – и методично их опровергает. Фактически здесь это полемика не столько с представителем власти, определяющей политику в сфере искусства (хотя и эта ипостась адресата актуализирована в письме Маяковского), сколько с консервативным в своих эстетических предпочтениях оппонентом, недооценивающим значение авангардного искусства.

Если в первом письме есть единственное, но весьма значимое обращение («Товарищ!») и нарком в этом контексте мыслится скорее именно «товарищем», то во втором письме ситуация существенно меняется. Обращение к собеседнику в нём более личностное, по имени-отчеству, но без чинов и без выражений единомыслия. Полемический тон, присущий текстам Богданова и Короленко, создаётся здесь за счёт иронии лично в адрес собеседника, чего в вышеназванных текстах не было. Иронией и одновременно гиперболизацией отмечены уже первые строки письма, где Маяковский утверждает, что выступает от лица «целого класса людей». Однако опровержение претензий оппонента к футуризму Маяковский начинает с не очень серьёзной фразы: «Начну с хвоста». И далее тезисы наркома иронично обыгрываются: «Нужен пророк... А как же “ни бог, ни царь, ни герой”?» и т.п. [Маяковский 1959: 18 – 19].

Луначарский как адресат выглядит в письме весьма непоследовательным в своих оценках оппонентом, которого автор без труда уличает в противоречивости суждений. Левое искусство представляется ему «компрометирующим» – почему же «канонизирован академией Камерный театр?» Запретить Мейерхольда – тогда логично запретить всё левое искусство, всю экспериментальную живопись. Футуризм устарел – в чём же живительные силы старого искусства? Даются положительные отзывы из статьи Луначарского по поводу постановки «Мистерии» (1918) и с ними сопоставляется сказанное им о футуризме на диспуте в 1920 г. По воле автора письма Луначарский как бы опровергает самого себя. Маяковский не без иронии констатирует противоречие: Луначарский-художник как будто опережает Луначарского-наркома, ибо в пьесе «Иван в раю», принадлежащей его перу, возможно выделить элементы футуризма, по мнению автора письма.

С грубоватой снисходительностью представитель «искусства будущего» разъясняет не очень осведомлённому министру различия между направлениями авангардного искусства; подчёркивает его непрозорливость

в оценке перспектив футуризма. Образ адресата приобретает даже комические черты: он как будто не совсем уверенно разбирается в тех областях деятельности, которыми призван руководить. Поэт иронизирует над расширительной трактовкой термина «футуризм», которой, по его мнению, придерживается Луначарский, и, используя приём гиперболы, подчёркивает нелепость такой трактовки, позволяющей назвать футуристическим всё неклассическое искусство в России. Для Маяковского алогичен сам по себе тот факт, что революционный министр питает непростительную слабость к «старому» искусству и современному «академизму». Как видим, в письмах поэта наркому усиливается и закрепляется дистанцированность адресанта и адресата. Здесь она мотивирована не идейно-политическими разногласиями, а разными эстетическими пристрастиями и для её преодоления нет дополнительных стимулов (дружба, общее прошлое и др.).

Таким образом, в письмах, обращённых к Луначарскому, вырисовывается личность довольно противоречивая: большевистский министр, отвечающий за культуру и просвещение, а значит, проводящий политику огосударствления, – и писатель, человек, интеллигент. Он воспринимается многими адресантами именно как такая противоречивая личность, но к нему обращаются как к «своему», как к вменяемому оппоненту.

Среди адресатов писем, которые нам хотелось бы проанализировать, есть и образ оппонента иного рода. Это недоброжелательный оппонент, подающий идеи или личность автора письма в заведомо извращённом виде. Письма, обращённые к нему, выдержаны в более официальном тоне, сквозь который прорывается негодование автора. Тексты такого рода адресованы, например, Богдановым Н.Бухарину и Е.Ярославскому. Это два открытых письма, в которых автор отклоняет упреки в «меньшевизме» и уличает оппонентов в откровенном незнании его дореволюционной деятельности, его трудов и научных положений, на которые они опираются в своей критике «богдановщины». Автор тем более уязвлён, что узнал об этих нападках, находясь за границей и не имея возможности выступить с адекватным опровержением, а на публикацию своих открытых писем оппонентам в России он слабо надеется.

Испытывая немалый пиетет к Бухарину, обращаясь к нему «уважаемый товарищ» и на «Вы», Богданов с высоты своего давнего революционного опыта и научных достижений опровергает критические доводы своего оппонента и указывает ему на недопустимость возводить в принцип суждения, высказанные в тех шуточных частных беседах, которые между ними были, и подтасовывать его высказывания. Сам Богданов отказывается обсуждать то, в чём не очень хорошо осведомлён. Эта позиция открыто выражена им и звучит как урок оппоненту: «О “платформе коллективи-

стов” я не могу, конечно, говорить, не имея её перед собою, ибо говорить о ней, исходя из Ваших цитат и комментариев, было бы – Вы согласитесь с этим – едва ли научно» [Письма вождям...]. Корректно, но решительно возражая Бухарину, Богданов воспринимает его именно как недоброжелательного оппонента, но человека компетентного и опытного. Однако ещё больше, чем нападки на себя лично, волнует автора письма то обстоятельство, что выступление Бухарина в «Правде», о котором идёт речь, отражает опасную тенденцию огульного очернительства инакомыслящих.

Как уже отмечалось, Богданов подчёркнуто корректен при обращении к собеседнику: «Вы согласитесь с этим», «я просил бы Вас указать», «Вы, очевидно, имеете в виду», – но в этой корректности чувствуется холодок и тон несправедливо обиженного оппонентом учёного и мыслителя. Тем же холодком овеяна и синтаксически усложнённая последняя фраза письма, хотя и содержит «товарищеский привет».

Личность Е.Ярославского вызывает у адресанта более негативные чувства. Называя оппонента, к которому он в начале письма специально не обращается, «лично вполне честным человеком и искренним работником», Богданов выражает (конечно, в большей мере риторически) уверенность в том, что «честный человек» сделает всё от него зависящее, чтобы ответ дошёл до тех же читателей, которым были адресованы антибогдановские выступления Ярославского. В письме иронично подчёркивается поверхностность знаний оппонента, берущегося судить о философских взглядах автора. Богданов упрекает автора «популярной книги о богах и богинях» в незнании «богдановщины», идеи которой он и сам охотно использует: «Произвели Вы научно-марксистский анализ моих теоретических положений и показали, как они логически ведут к оппортунизму?» [Письма вождям...].

В письме, как мы уже знаем, речь идёт главным образом о вопросах идейно-политического характера, обсуждаются разные трактовки марксизма, в рамках которого в сущности остаются и творчески развивающий его положения Богданов, и более догматически мыслящий Ярославский. Автор ставит Ярославскому ряд вопросов и уличает его в элементарном незнании существа предмета. Он открывает оппоненту ту нехитрую истину, что не только он, Ярославский, верит в свою правоту и искренне защищает свои позиции. Богданов «учит» адресата уважать оппонентов и противников или – по меньшей мере – знать их позиции. Не сомневаясь в искренности слов и действий своего оппонента, Богданов предостерегает лично его и ему подобных от участия в таком огульном и невежественном шельмовании идейных оппонентов, лишённых к тому же возможности публично ответить на критику.

В письмах Богданова вычленяется и ещё один тип адресата – честный человек и профессионал. Таков Дзержинский, которому адресовано заявление из Внутренней тюрьмы ГПУ [Письма вождям...]. Начальник ГПУ тех лет предстаёт в этом тексте человеком умным, честным, способным разобраться в деле – Богданов излагает ему кратко, но не поверхностно свои идеи. В разговоре с таким адресатом уместно апеллировать именно деловыми соображениями, обосновать ошибки обвиняющих аргументированно (так автор заявления и поступает). Богданов строит аргументы в свою защиту от несправедливых обвинений в сотрудничестве с оппозиционной «Рабочей Партией» на противопоставлении масштабов его собственных научных замыслов и «какого-нибудь маленького подполья». Он не вступает в политические или теоретические дискуссии с адресатом. Таким образом, Дзержинский оказывается в ситуации, когда он и его подчинённые держат в застенках крупного учёного и мыслителя, а между тем он полон готовности быть полезным стране именно как учёный. Письмо это возымело быстрое действие, требование Богданова справедливости было в этом случае удовлетворено. Текст письма имеет формальные признаки заявления, хотя намного превышает объём этого обычно компактного документа. Суховатость и деловитость тона обусловлена главным образом законами делового стиля и лишь во вторую очередь – отношением к адресату, с которым автор письма мало знаком. В этом обращении к лицу, наделённому властными полномочиями, нет неприязни, как нет и заискивания. Действует харизма Дзержинского, жёсткого, но честного профессионала, и в словах Богданова чувствуется уверенность в том, что этот человек сумеет беспристрастно подойти к делу. Обратим внимание, что в письме не чувствуется подчёркнутой иерархичности между властным адресатом и опальным адресантом. Ведётся скорее профессиональный разговор, при этом Богданов готов продолжить его при личном контакте. И перед лицом истории они будут на равных. Более того, нельзя не отметить мужество и принципиальность автора, который в письме на имя начальника ГПУ, затрагивающем судьбоносные для него вопросы, до конца дистанцируется от большевистской власти, которую представляет адресат.

В письмах-памфлетах Аверченко [Аверченко 1990] в неожиданном ракурсе представлен образ вождя пролетарской революции. Тексты Аверченко по цели и форме близки сатирическим произведениям писателя. Образ Ленина, в них создающийся, близок персонажу сатирической литературы, с ним связаны элементы вымысла («я знаю тебя по Швейцарии») и домысла (автор предполагает, чего хочется его адресату, о чём он ностальгирует в Кремле). Однако арсенал сатирических приёмов помогает

эмигрировавшему писателю передать реальное восприятие им человека (в письмах актуализируется именно человеческий аспект), ставшего у руля власти в России, а через призму этого восприятия выразить своё отношение ко всему происходящему на Родине. В изображении сатирика Ленин «очень сухой человек», лишённый простых человеческих радостей, зато ставший «неограниченным властителем всея России». Грандиозности амбиций, масштабности социально-политической и исторической роли вождя комически противоречат снижающие детали внешности и поведения («плутоватые глазёнки» и под.), биографии («... ты без кафе, без “бока” ... – жить не мог»). В том же стиле представлены предполагаемые размышления «председателя Советской республики»; «Небось, хочется иногда снова посидеть в биргалле, поорать о политике, затянуться хорошим кнастером...» [Аверченко 1990: 20]. Для автора письма Ленин является как объектом для едких насмешек, так и объектом для жалости: «неуютно ты, брат, живёшь, по-собачьему» [Аверченко 1990: 20].

В первом письме автор обращается к «председателю Советской республики» на «вы», хоть и без всякого пиетета. Иронично само по себе это смешение разностильных обращений (господин, брат), призванное подчеркнуть неопределённый статус вождя новой России, автора катастрофического социального эксперимента. Во втором письме автор с адресатом исключительно на «ты», идут в ход фамильярности. При этом делаются намёки на якобы общее прошлое («я знаю тебя по Швейцарии»), общих знакомых (Луначарский, «знаменитая курсистка товарищ Хайкина», и др.) и звучат дружеские предложения: «плюнь ты на это дело... приезжай ко мне» [Аверченко 1990: 21] и т.п. Стиль и язык текстов сатирика характеризуется преобладанием просторечно-разговорных элементов, живых интонаций: иронически окрашенных восклицаний, вопросов. В результате Ленин предстаёт в письмах-памфлетах Аверченко неким «зарвавшимся приятелем» автора, натворившим много безобразий, которого автор в иронической форме призывает одуматься, прогнать плохих советников и отказаться от бредовых планов. Тогда автор гарантирует адресату свою посильную помощь в приятном процессе приобщения к простым радостям жизни. Спасительная ирония и гуманистический пафос писем Аверченко не скрывают, конечно, горького и негативного отношения их автора к властителю, из-за которого лишился Родины не только он один.

Бесконечно многолик в письмах писателей «наверх» образ Сталина: это тиран, сатрап (Раскольников, Фадеев), высший судья, наделённый мистическими качествами (Булгаков), просто высокое официальное лицо (Замятин), великий человек, достойный иметь личного писателя (Ларри),

мудрый правитель, чья миссия сближается с миссией поэта (Пастернак), добрый, справедливый человек (Зощенко), рачительный хозяин и дальновидный руководитель (Шолохов).

Раскольников обращается к нему «Сталин, вы...» [Осмыслим культ Сталина 1989: 609 – 611] и абсолютно отрицает какую бы то ни было целесообразность в действиях вождя, кроме преступной деятельности по укреплению личной диктатуры. Целый каскад соответствующих выражений, полных сарказма, обращает автор адресату, подчёркивая самодержавные амбиции властителя («у подножия вашего престола» и под.). Будучи объявлен «вне закона», дипломат и писатель считает себя таким образом уравниваемым в правах («точнее, в бесправии») со всеми советскими людьми. Жизнь вне закона, власть вне закона – лейтмотив письма, и он связан в первую очередь с личностью Сталина. По сути, в письме Раскольникова первое лицо в СССР предстаёт как преступник у власти. Раскольников одним из первых проводит крамольную по тем временам параллель между Сталиным и Гитлером. Не только тирания, но и лицедейство становятся в письме Раскольникова основными качествами адресата. Опытный дипломат и журналист, человек трезвого ума, Раскольников, лишён каких-либо иллюзий по отношению к личности Сталина, но и не демонизирует её. На страницах его письма создаётся чудовищный и в то же время адекватный историческому масштабу прототипа образ жестокого самодержца, паразитирующего на цинично попорченных идеях социализма, расцвета культуры и т.д. В представлении автора письма именно Сталин является истинным «врагом народа».

Негативный образ адресата (в данном случае коллективного) создаётся в письме А.Фадеева инвективной направленности. Это письмо адресовано ЦК КПСС, свидетельствует о глубоком духовном кризисе, переживаемом писателем, и содержит критику литературных и партийных властей. Оценивая состояние современной литературы как критическое («лучшие кадры... истреблены», «литература... отдана на растерзание бюрократам...»), Фадеев утверждает, что нынешние советские власти, в том числе литературные, – «группа невежд». При таком руководстве, по его словам, «литература... загублена». Автор письма сравнивает нынешних людей, стоящих у власти, и Сталина и утверждает, что от нынешних «можно ждать ещё худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды» [Фадеев 1990].

Ассоциация Сталина с единоличным монархом проводится и в письме Замятина [Замятин 1955: 276 – 282], в котором писатель обращается к «Уважаемому Иосифу Виссарионовичу» с просьбой об отмене «высшей меры наказания». Этой метафорической «высшей мерой» для него как ху-

дожника является полная творческая изоляция и невозможность писать и печататься в СССР. В целом же в этом тексте выдерживается тон и стиль обращения к официальному лицу – но никаких попыток человеческого контакта со Сталиным Замятин не предпринимает. Чтобы убедить властного адресата в том, что лишь ситуация «на краю» вынуждает его обратиться в высшую инстанцию, Замятин подбирает наиболее кричащие факты идеологической кампании против него. Писатель рассчитывает на то, что почти гротескные ситуации, описанные им, будут адекватно восприняты и адресатом. Он апеллирует к интеллекту последнего, стараясь вызвать чувство абсурдности происходящего (здесь можно усмотреть и некую игру писателя, который не мог не понимать, что в письме обращается к одному из главных творцов этого абсурда в масштабах страны). Замятин не делает попыток оправдаться. Он признаёт, что не собирается изменять свою «неудобную привычку говорить не то, что в данный момент выгодно», а то, что ему «кажется правдой» [Замятин 1955: 277].

Он наделяет адресата чувством юмора (свойственным самому Замятину), приводя примеры абсурдных обвинений критики в свой адрес и допуская самоиронию. Болезненно-обострённую реакцию критики на своё имя Замятин называет фетишизмом: «... критика сделала из меня чёрта советской литературы» [Замятин 1955: 278]. Замятин иронизирует над неизменными поисками в каждой его вещи «дьявольского замысла». Ироничными токами пронизан тот абзац письма, в котором автор рассказывает адресату о заседании художественного совета Ленинградского Большого драматического театра. Положительные отзывы пролетарской аудитории Замятин приводит как сильный довод в пользу «Атиллы», что, конечно, не выводит разговор из абсурдистского контекста.

Наконец, автор письма обращается к Сталину с надеждой на внимание к его просьбе о выезде и удовлетворительное решение его вопроса, упоминая при этом об «исключительном внимании», которое встречали с его стороны «другие... писатели», обратившиеся с аналогичной просьбой. При всей любезности последней фразы письма в ней, как нам кажется, тоже звучит ирония: во-первых, далеко не все обратившиеся были удостоены «исключительного внимания» (пример тому – бесплодные хлопоты о выезде Булгакова), во-вторых, «исключительное внимание» властей к просьбам русских писателей о выезде за пределы страны звучит как сомнительная похвала этим властям.

Очень сложно выглядит образ адресата (Сталина) в письмах Булгакова, одного из тех писателей, чьи обращения к вождю были не единичны и рассчитаны на установление со Сталиным личного контакта. В конце 1920-х годов, когда в жизни Булгакова начинается полоса травли, он ли-

шается работы, впадает в страх, погружается в мистическое переживание мира. На этом фоне и развивается диалог писателя с правительством и лично Сталиным. С одной стороны, он бросает вызов власти, определяя себя как сатирика, «мистического писателя», не могущего создать «коммунистическую пьесу», и настойчиво просит выслать его за пределы СССР. С другой стороны, поговорив со Сталиным по телефону и ощущая с ним некую невидимую связь через пьесу «Дни Турбиных», как известно, любимую вождём, Булгаков с неизбежностью погрузился в атмосферу общей заворожённости личностью Сталина, создавшуюся в 1930-е годы. Поэтому общение со Сталиным было для Булгакова событием не бытовым, но бытийным.

Доверительность и эмоциональность тона при обращении к Сталину появляется в письме на его имя от 30 мая 1931 г. с просьбой о зарубежном отпуске для поправки здоровья и возобновления писательской работы. Писатель откровенен с вождём: сообщается диагноз, описывается душевное состояние. Говорится о подступившем творческом бессилии: «во мне есть замыслы, но физических сил нет» [Булгаков 1990: 457]. Писатель апеллирует, таким образом, к человечности и мудрости вождя. Он подчёркивает, что осознаёт всю ответственность такого своего обращения к «высшей инстанции». «Перед тем, как писать Вам, я взвесил всё». В конце письма произнесены заветные слова: «чисто писательское моё мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам...». Это знаменательное «Ваш разговор со мной» (а не «наш разговор») подчёркивает иерархичность отношений адресата и адресанта.

Т.Вахитова, исследовавшая письма Булгакова властям, делает очень важное наблюдение о том, что для писателя не было существенной границы между творчеством и официальным письмом Сталину. Исследовательница делает вывод о том, что «...Булгаков включал ...Сталина в сферу творческого познания» [Вахитова 1995: 23 – 24].

Свои основания для сближения поэта и вождя находим в переписке со Сталиным Б.Пастернака. Однако приведём сначала фрагмент из воспоминаний О.Ивинской о первом впечатлении Пастернака от встречи с вождём по поводу переводов грузинской поэзии. Ивинская дословно записывает портрет вождя, запечатлевшийся в памяти писателя: «На меня из полумрака выдвинулся человек, похожий на краба. Всё его лицо было жёлтого цвета, испещрённое рябинами. Топорщились усы. Этот человек – карлик, непомерно широкий и вместе с тем напоминавший по росту двенадцатилетнего ребёнка, но с большим старообразным лицом» [Ивинская 1992: 75]. Первое отталкивающее впечатление, произведённое на поэта властителем, не могло не закрепиться в сознании художни-

ка, однако в дальнейшем история его взаимоотношений со Сталиным, претерпела значительную эволюцию – «заворожённость» личностью вождя испытал и Пастернак. Как и Булгаков, он искал контактов с властью. Пастернак пережил сложную гамму надежд и переживаний, связанных со Сталиным, пытался использовать установившийся зыбкий диалог для спасения попавших под репрессии друзей и коллег. В письмах поэта нет, пожалуй, ничего, что воскрешало бы первое зловещее впечатление от вождя. Его портрет, складывающийся из приведённых выше воспоминаний и текстов писем поэта «наверх», – плод его долгих размышлений о процессах, происходящих в стране. Пастернак, как кажется, и по-своему любил его, и боялся, и восхищался, и ненавидел, и недоумевал.

В письме «Дорогому Иосифу Виссарионовичу» (отметим сердечный тон обращения), небольшом тексте, которым поэт сопровождает книгу своих переводов «Грузинские лирики», звучат сразу несколько важнейших в контексте взаимоотношений поэта со Сталиным, тем выявляются знаковые черты образа адресата. Автор благодарит его за «чудесное молниеносное» освобождение мужа и сына Ахматовой: вождь наделяется как будто чертами божества. С таким же трепетом произносится фраза о давнем желании автора «поднести» адресату «плод трудов», достойный его, но то, что есть, «... бездарно...». Книга переводов тоже оценивается как слабая. Все эти слова можно было бы принять за неизбежное славословие в адрес тирана. Кажется очевидной мысль о влиянии на Пастернака панегирических традиций восточной поэзии. Однако каскад восторженных эпитетов завершается фразой, необычной для такого рода переписки. Пастернак пишет: «...решил затаить про себя... чувство горячей признательности... уверенный в том, что всё равно, неведомым образом, оно как-нибудь до Вас дойдёт» [Шнейберг, Кондаков 1995: 203]. Эта таинственная связь обусловлена, по его ощущению, близостью миссий поэта и вождя. Эта тема настолько поглощает поэта, что является основным лейтмотивом письма. Заключительная фраза подхватывает этот лейтмотив: «Именем этой таинственности горячо Вас любящий и преданный Вам Б.Пастернак».

Образ, во многом противоположный «инферальному» владыке, формируется в письмах Зоценко. Он использует то же тёплое обращение: («Дорогой Иосиф Виссарионович!»), однако его видение адресата, как кажется, принципиально иное. Писатель делится своими горестями с человеком, хоть и очень высокопоставленным, что подчёркивается рядом соответствующих языковых конструкций («...беру на себя смелость просить Вас ознакомиться с моей работой...» и под.), но при этом воспринимаемым как близкий, способный посочувствовать. Адресат – человек занятой («я не посмел бы

тревожить Вас...») и очень авторитетный для автора письма («Все указания с благодарностью учту»). Писатель просит его оценить труд. Адресат для Зоценко – прежде всего человек, которому, например, возможно «сердечно пожелать здоровья» на прощание [Зоценко 1988: 169].

Подчёркнуто неформальный, без попыток выхода к философским обобщениям, тон обращения к вождю как к доброму человеку, возможно, как-то смягчает оправдательный пафос второго письма Сталину (26 августа 1946 г.), фактически отречение писателя от своей сатирической музыки. Автор оправдывается за свой талант, словно школьник, желающий угодить требованиям учителя. Уверяя адресата в своей благонадёжности («Я никогда не был антисоветским человеком»), писатель переходит на его язык, точнее, язык официальной прессы, которым написано сталинское открытое обращение к В.Билль-Белоцерковскому: «я никогда не был... человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров» и т.п. [Зоценко 1988: 173 – 174].

Образ справедливого и человеческого руководителя, которого дезинформировали клеветники, который непременно разберётся, который способен понять несправедно гонимого писателя – таков Сталин в письмах Зоценко, такова ещё одна иллюзия, создающаяся в безответной переписке художника с вождём.

Лишён мистического аспекта образ Сталина как адресата и в письмах Шолохова [Писатель и вождь 1997], чему способствовали встречи, ответные письма вождя писателю, а также индивидуальная манера последнего: Шолохов был одинаков в обращении со всеми, от простого казака до руководителей государства. В письмах на имя вождя, особенно в тех, что касаются хозяйственных проблем Вёшенского района и репрессий против односельчан, Шолохов игнорирует аспект занятости адресата, он излагает материал очень подробно. В письмах Шолохова адресат – союзник, понимающий руководитель, который в состоянии разобраться в вопросе и поступить по справедливости. Та же скрупулёзность деталей, обилие фамилий и фактов местного масштаба – в письмах Шолохова конца 1930-х гг., в которых он бьётся за репрессированных земляков. Занятость вождя не понуждает его к лаконизму, когда речь идёт о благосостоянии района и жизни людей; в письмах же личного характера (например, в ответ на критику Сталиным «Тихого Дона») Шолохов немногословен.

При обращении к адресату в письмах Шолохова, как уже отмечалось, нет подчёркнутой почтительности или ощутимой «дистанции»: «т. Сталин», «тов. Сталин» – таковы в большинстве писем обращения к вождю. В одном из писем Сталину 1931 г. вообще не содержится прямого обра-

щения к адресату, но лишь указание на него: «т. Сталину». Единственное исключение – письмо Шолохова вождю (11 декабря 1939 г.) по поводу юбилея последнего и в связи с окончанием «Тихого Дона», короткое и сердечное по тону и характеру обращения к адресату: «Дорогой т. Сталин!» [Писатель и вождь 1997: 127]. Шолохов апеллирует к Сталину и в ипостаси руководителя, и как к человеку, способному почувствовать чужую боль, но при этом подразумевается боль не столько адресанта лично, сколько многочисленных рядовых тружеников, которые стоят за фигурой известного писателя. С целью вызвать возмущение Сталина как руководителя и сострадание его как человека описаны, например, изощрённые пытки колхозников, применявшиеся краевыми властями в период хлебозаготовок (письмо от 4 марта 1933 г.). С тем же пафосом писатель обращается к вождю в письме от 16 февраля 1938 г. в защиту своих земляководителей, пересказывая с их слов сцены допросов в областных органах НКВД, рассчитывая на то, что адресат возьмёт его сторону в оценке «постыдной системы пыток, применяющихся к арестованным» [Писатель и вождь 1997: 101].

Образ человеческого и хозяйственного руководителя – так, на наш взгляд, следовало бы определить образ адресата в большинстве писем Шолохова к Сталину.

Мы попытались проанализировать в данной статье многообразие типов адресатов, формирующихся в «письмах вождю» первой половины XX века, выделить наиболее значительные, определённо очерченные. Творческая и человеческая индивидуальность каждого писателя как автора письма, история его взаимоотношений с властями, конкретная мотивация обращения к представителю власти – все эти факторы определяют образ адресата в письме. Доверие и готовность к диалогу в одних случаях и, напротив, принципиальная оппозиционность – в других обуславливают отношение к адресату и влияют на его образ в письмах. В ряде текстов мы отметили перенесение некоторых черт самого автора на властного собеседника, наделение последнего личными качествами адресанта: чувством юмора (Замятин), хозяйственной сметкой (Шолохов), сердечностью (Зощенко), способностью к мистическому постижению мира (Булгаков, Пастернак). В большинстве случаев происходит неизбежная мифологизация образа адресата, особенно в ситуации, когда обращения писателя к вождю остаются безответными.

ЛИТЕРАТУРА

Аверченко 1990 – *Аверченко А.Т.* – Ленину И.В. // Столица. 1990.

№ 1.

Богданов 1990 – *Богданов А.А.* Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990.

Булгаков 1990 – *Булгаков М.А.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. М., 1990.

Вахитова 1995 – *Вахитова Т.М.* Письма М.Булгакова Правительству как литературный факт // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Кн. 3. СПб., 1995.

Замятин 1955 – *Замятин Е.И.* Лица. Нью-Йорк, 1955.

Зошенко 1988 – *Зошенко М.М.* Сталину И.В. // Дружба народов. 1988. № 3.

Ивинская 1992 – *Ивинская О.А.* Годы с Борисом Пастернаком. М., 1992.

Маяковский 1959 – *Маяковский В.В.* ПСС. В 13 т. Т. 12. М., 1959.

Негретов 1990 – *Негретов П.И.* В.Г.Короленко: летопись жизни и творчества. 1917 – 1921. Под редакцией А.В.Храбровицкого. М., 1990.

Осмыслим культ Сталина 1989 – *Осмыслим культ Сталина.* М., 1989.

Писатель и вождь 1997 – *Писатель и вождь:* Переписка М.А.Шолохова с И.В.Сталиным. 1931 – 1950 годы. Сб. док. из личного архива И.В.Сталина. М., 1997.

Письма вождям... – *Письма вождям.* Русская интеллигенция и советская власть. Составители Е.Б.Скорospelова и Е.В.Суровцева. М.: Русская энциклопедия (в печати).

Фадеев 1990 – *Фадеев А.А.* – ЦК КПСС // Литературная газета. 10.10.1990. № 41.

Шнейберг, Кондаков 1995 – *Шнейберг Л.Я., Кондаков И.В.* От Горького до Солженицына. М., 1995.

Магдалена Костова – Панайотова

КЛАСИКАТА – СЛОВО И МЪЛЧАНИЕ

Сред нещата, които ни помагат да разберем самите себе си, литературата и културата на своето време в една по-широка културна перспектива несъмнено са класическите текстове. Пастернак ги сравнява с “бележника на човечеството”, към който всяко поколение прибавя своите “черти и резки”.

Ако стихотворенията на Вергилий за Данте са своеобразна утопия по справедлива монархия, на Петрарка му говорят за една нежна чувственост, за романтиците и позитивистите от XIX век просто спират да говорят. Но за нас тези текстове все още са своеобразен бележник на европейското човечество и “гласовете им” продължават да звучат и да провокират различни интерпретации. Върху много творби от културната история лежи отчетлив отпечатък от дадено произведение и често даже заглавието указва връзката, например “Приключенията на Телемах” на Арагон, “Улис” на Джойс, “В навечерието на навечерието” на Ев. Попов, “Главата на Гогол” на Ан. Корольов... Този списък може да бъде продължен със стотици заглавия.

Но за да “говори” една творба, за да бъде жива, то несъмнено тя трябва да намира отклик в стремежите и тежнението на читателя и не бива да се възприема от него като нещо насилствено налагано. В епохата на социализма кохортата на класиците е част от системата и в Русия митът за Пушкин, например, е институционализиран, името на твореца функционира главно като знак, маркиращ “високото” пространство, като синоним на литературността. Така възприето през призмата на ритуализирания дискурс, понякога то бива осмислено като олицетворение на висшите ценности в тоталитарната система, отблъсквайки онзи читател, който иска да види поета на “Руслан и Людмила” като една незавършена, противоречива и многостранна личност.

Възприемането на класиката като възплъщение на културата и нравствеността, като нещо, според което трябва да се строи живият живот – е друг уклон, който нанася не по-малко ущърб, доколкото изкуството не е и не може да бъде праобраз на действителността. Руската класика не може да служи за иконостас, защото тя самата е противоречива, динамична, не е благообразна и достолепна, в нея са отразени остри идейни и естетически спорове. Тя не е идиличен мир, в който писателите се разхождат по двойки, “спокойно, класически просто”, ако перифразираме Г. Иванов.

Класическият текст бавно “умира” и когато, превръщайки се в част от всеобщата образователна система, става част от задължителните за четене книги, част от канона, разбиран като “правилните книги”. По такъв начин регламентирането на интерпретациите е стандартизирано, еталонизирано и възприемането му е свързвано с очаквания за формиране на определено нормативно поведение у читателя и на определени нравствени категории. Така от средство за “инициация” на младия човек, класическият текст често се превръща в досадно ръководство по “правилно” четене.

При това, следвайки “буквата на класическите образци, използвайки ги като материал за своите построения, съвременните автори “в процеса на интертекстуална работа” значително опростяват претекстите” [Смирнов 1991: 89].

През XX век битието на класиката, представите за това кое е значимо се променят почти всяко десетилетие. В Русия през съветско време в някакъв смисъл класиката замества част от религията, служи като знак за отсъстващите институции, дава илюзията за свобода. И когато става дума за обръщането към класическото наследство днес, важно е и това, че самият процес на наследяване е крайно проблематичен. Усещането за “излязлото от бреговете време”, за разрива на епохите, за “изхвърлената от парахода на съвременността” литература, дава отражение десетилетия по-късно.

Особено ярко представите за променения литературен канон в Русия отразява литературната периодика, есеистика, книжните прегледи.

Може да се отсеят няколко събития, около които се организират дискусии за това кой е част от канона и как се формира този канон. Всички пътища отвеждат до Пушкин и в този смисъл през втората половина на 80-те години 150 годишнината от дуела на Пушкин, както и публикацията на “Разходка с Пушкин” на Абрам Терц (Синявски) в сп. “Октябрь” (1989) поражда бурни дискусии в пресата. Каноничният Достоевски също влиза в употреба, доколкото на него се опират привържениците на различните идеологически лагери. [Вж. по-подробно Каспе 2007 б]. Юбилеите, както твърдят участниците в литературните дискусии, са “вахти на дежурството, посветено на класиците” [Турбин 1989: 258]. Именно юбилейните публикации, според Каспе, спомагат за формиране на канона за “сребърния век” и за подбора на значимите имена в него [Каспе 2007 а].

Необходимостта от изработването на критерии, по които да се формира безспорен ценностен канон в руското литературознание през целия XX век свидетелстват за динамиката на научните парадигми, но

и за известна абсолютизация на определени персоналии, за патос, често свързан с дадена социална и културна ситуация. Така например Л.П. Егорова и П.К. Чекалов в учебника си “История русской литературы XX века”. [История русской литературы, 1998] отделят самостоятелни глави за Горки, Маяковски, Есенин, Фадеев, Леонов, Шолохов, докато през същата година в МГУ излиза учебник под редакцията на Кормилов “История русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена”, където името на Леонов липсва. Има подробни статии за Блок, Горки, Северянин, Ходасевич, Маяковски... Замятин е споменат мимоходом. Кое то пък е недопустимо за специалистите по Замятин С. Никоненко и А. Тюрин, които подготвиха 5-томно събрание на съчиненията на този “признат класик”, както те заявяват. От своя страна, проф. В. Смирнов от Института “М. Горки” пита нужен ли е отделен том изследвания за Замятин, ако няма том за Леонов, за Манделщам, за Пришвин? [Вж. Ямполски 1998].

Примери за дисонаси, много. Въпроси – също. Кои са авторите, без които канонът не може, онези жалонни имена, очертали важни посоки, идеи, мотиви за съвременници и следовници? Колкото и да е тъжно, за нас, живелите по-голямата част от своя живот през XX век, този богат, многообразен, скандален, страшен, дисонантен век е минало. И някои от авторите, за които широката общественост чу едва през 90-те години, също вече са част от историята. През 2003 година литературният салон със заглавие “Класици на XXI век” отбеляза своята десета годишнина и за ужас на част от литературните критици, които предпочитат да изчакаат с оценките, автори като Н. Искренко, В. Кривулин, Х. Сапгир, И. Холин, В. Уфланд са част от тази история.

За какво ни е класиката днес? Най-кратко определя нуждата от класиката още Томас С. Елиът. Според него класиката изисква зрелост на ума, тя има нужда от история и осъзнаване на историята, а историчността на съзнанието у поета може да се пробуди напълно, само ако у него редом със съзнанието за миналото на неговия народ, живее и миналото на друга цивилизация – това е необходимо, за да види мястото си в историята.

Съотнасянето на собствените културни достижения със световната културна съкровищница е движещият творчески импулс за редица творци от руския XX век. Ако футуристите в най-радикалната си разновидност хвърлят ръкавица на миналото, то ”тъгата по световната култура”, интересът към отдавна отминалите епохи, верността на културната памет, на праха на столетията се превръща в своего рода визитна картичка на акмеизма. Литературата на руския постмодернизъм в последната тре-

та на XX век нахлу преди всичко със скандалните си текстове, с импулса да се обръща към табуирани теми и да дискредитира модели и образци. Провокацията към класиката като форма на официозния етос, бунтът срещу традиционните форми на изкуството се превърна в един от начините на сбогуване с миналото.

Свързването на класиката с фекалната проблематика е една от формите на нейното отхвърляне. Да цитираме например разказа на Игор Клех “Инцидент с класик”, отпращащ към Чеховия “Случай с класик”, разказ, при който сарказмът на съвременника по отношение на безкористната любов към миналото, е водещ. Сходни мотиви можем да видим и при творци като Пелевин (“Деветият сън на Вера Павловна”), Сорокин (“Синя сланина”, “Сърцата на четиримата” и др.), Кибиров (“Клозети”) и др. [Катаев 2006:13-14]. Но дори нападките, зачертаванията, обвиненията и изопачаванията не могат да скрият факта, че първо: класиката днес и в постмодернистката литература, и извън нея (очевидно не всичко създавано в епохата на постмодернизма има отношение към него) присъства навсякъде в съвременността, във всяка сфера на културното пространство, а не събира “прах по лавиците” [Авдошин 2006; Катаев 2006; Фатеева 2006 и др.].

Второ, дори за такива емблематични фигури на постмодернизма като Игор Яркевич в крайна сметка литературната класика е абсолютна ценност, съотнасянето, с която оголва истината, дава представата за норма, спомага за личностното самоопределение, “без нея е тъжно и страшно да се живее”. [Яркевич 1991: 77]¹.

Говорят ли думите на класиците днес? Само резервоар на сюжети, мотиви и образи ли е класиката за съвременните писатели, художници, музиканти? Очевидно е, че онова, което обозначаваме като класика в руската литература, е нещо повече, че играта с образите, абсурдът, отгласването от предходната културна епоха не е изобретение на новата критика или на постмодерното четене, а е част от изначалния стремеж на литературата към радикални промени в полето на художествената словесност. Поетиката на негацията често е насочена срещу догматизацията на познатото, срещу стереотипите на възприемане на класиката в масовото съзнание.

---

¹“Ето и аз се мятам като Хамлет, като Катерина, като Лир, като малкия Лукчо, като Кихот, като Чичиков, като Ромео, като Жулиета, но няма спасение за мен, омотали са ме от всички страни тъмни страхове. Колко може именно така, а не иначе да тъгува нашата Русия!

Да я..., тази световна литература! Страшно и тъжно е да се живее без нея!”

Когато разглеждаме съвременното отношение към класиката, добре е да помним, че писателите и поетите от XIX век например също гледат по-често с насмешка и закачка към текстовете на своите предходници. Но, както пише Вл. Катаев, времето показва, че дори насмешката към класиката може да се превърне в класика, давайки за пример отношението на Д. Хармс към класици като Гогол и Пушкин [Катаев 2006: 32]. “Класиката не е нужна на децата, защото и възрастните престанаха да се съветват с нея” - така завършва една своя статия Дмитрий Биков, поет, прозаик, критик, за когото отдалечаващият се контекст прави все по-непонятна класическата руска литература за съвременниците ни и според него тя има вече само “тясно историческа ценност”, не можем да търсим в нея отговор на всички въпроси. [Биков 2007].

Под въздействие на времето самият материал на класиката губи актуалност, променят се реалиите, проблемите, конфликтите, а ако в книгата младият човек не може да намери отговор на въпросите, които го вълнуват, едва ли ще посегне пак към нея, освен по задължение. В този смисъл романите за съвременните “нови руснаци” са много по-близки до действителността днес от “Мъртви души” или “Под игото” например. И все пак, ако се вгледаме, ще видим, че въпреки казаното, причини за скептицизъм няма, класиката е проникнала във всяка сфера на съвременната култура, изпълва я под формата на скрити реминисценции, алюзии, цитати, перифрази... С нея непрекъснато спорят, пренаписват я, режат части от нея, “прочистват я”, но дори тогава, когато я отричат, противопоставянето преди всичко е свидетелство за това, че класиката е жива, за безсмъртието на “омразните” произведения. Може би, защото тези текстове се оказват “всеобщ комуникационен код” в литературата, език, съзвучен на хората от много епохи. Затова и съвременната литература не може да избяга от класиката, непрекъснато се убеждава в несвободата си от старите идеи, похвати, проблеми. Затова и непрекъснато се обръща към прашния ъ сандък в очакване там да открие златни ключета. В амплитудата между прекрасна и ужасна, отхвърляна или обожавана, класиката днес продължава да живее истински и пълноценен живот не само като резервоар на сюжети, мотиви, имена и цитати, не само чрез отгласването от нейните образци, но и като изпитателен полигон за ценностите в литературата, като коректив и безкраен източник за съвременната литература.

В руската класика не само се съдържат представите на нацията за самата себе си, за начина на осмисляне на света, за специфично руското и това се съхранява в подсъзнанието, според Арахангелски, “дори когато съзнанието къса с традицията”, но и подобно на “розата на Йерихон”

руската класика разцъфтява отново и отново, когато има жива културна среда [Архангелски 1996]. Затова не споделяме опасенията, че класическата литература се превръща в музейна реликва, че се капсулира. “Мълчанието” на класиката може да бъде само брънка от спиралата: в бележника на човечеството записът продължава.

ЛИТЕРАТУРА

Авдошин 2006: *Авдошин Г.* Русские классики в пыли // Октябрь, 2006, №12.

Архангелски 1996: *Архангельский А.* Классика школьного ряда // Новый Мир, 1996, №3.

Биков 2007: *Быков Дм.* Молчание классики // Огонек, 2007, №31.

История русской литературы XX века 1998: История русской литературы XX века”. Вып. 2. Советская классика: новый взгляд. М.-Ставрополь, 1998.

Каспе 2007а: *Каспэ И.* Классика как способ структурирования читательского опыта: образы и образцы «классического наследия» в литературной публицистике второй половины 1980-х годов. (http://www.hse.ru/temp/2007/files/20070302_igitti.doc)

Каспе 2007б: *Каспэ И.* Апокалипсис-1990: «Настоящее», «прошлое», «будущее» в литературной публицистике // Новое литературное обозрение., 2007, №83.

Катаев 2006: *Катаев В.* Игра с отломъци. Съдбата на руската класика в епохата на постмодернизма. София, 2006.

Смирнов 1991: *Смирнов И.* Aemulatio в лирике Пушкина // Пушкин и Пастернак. Будапешт, 1991.

Турбин 1989: *Турбин В.* Сын Отечества. К 175-летию Лермонтова // Новый мир, 1989, №10.

Фатеева 2006: *Фатеева Н. А.* Интертекст в мире текстов. М., 2006

Ямпольски 1998а: *Ямпольский М.* Беспамятство как исток. (Читая Хармса). (<http://lib.ru/CULTURE/YAMPOLSKIJ/harms.txt>)

Ямпольски 1998б: *Ямпольский М.* Литературный канон и теория “сильного” автора // Иностранная литература, 1998, № 12

Методика преподавания

Т.Аренова (Казахстан)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Революционный процесс в обучении иностранным языкам, начавшийся в конце 20-го века и продолжающийся сегодня, охватил, практически, весь мир. Готовность не только европейских стран – членов ЕС, но и других европейских, латиноамериканских и азиатских стран, в том числе бывших советских республик, объединиться в поисках путей повышения качества обучения иностранным языкам привела к созданию международного стандарта – Общеевропейских компетенций владения иностранным языком. Международный стандарт представляет собой продукт «коллективного разума *европейских* стран, учитывающего многообразие интересов, условий, социоэтническую специфику...» [Кунанбаева 2005: 15]. В указанном стандарте предлагается общий подход к формулировке целей, содержания и методов обучения, который делает «прозрачными» национальные стандарты, программы и критерии оценки и ведет к международному сотрудничеству в области обучения иностранным языкам: академической мобильности, международной сертификации, взаимному признанию квалификационных характеристик.

Международный стандарт пришел в Казахстан через практику преподавания английского и немецкого языков, а позже и французского языка: преподаватели стали использовать в своей профессиональной деятельности уровневые учебно-методические комплексы сначала как дополнительное средство обучения, а затем как основное. Сейчас Международный стандарт положен в основу казахстанских стандартов и типовых программ по иностранным языкам, а его внедрение становится необходимым условием для вхождения в единое образовательное пространство. Кроме того, научные исследования последних лет в области методики преподавания иностранных языков, как правило, также содержат ссылки на Международный стандарт. Международный стандарт – это открытая система, использование которой в практике обучения иностранным языкам в любой стране предполагает творческое начало, иначе говоря, он открывает для пользователей новые возможности, но не указывает пути их достижения.

В соответствии с Международным стандартом в процессе изучения иностранного языка обучающийся овладевает рядом **компетенций**, которые непосредственно или опосредованно связаны с изучаемым языком [Общеввропейские компетенции 2003]. В Международном стандарте компетенции разделены на общие (декларативные знания, практические и межкультурные умения и навыки, экзистенциальная компетенция, познавательные способности) и коммуникативные (лингвистическая, социалингвистическая и прагматическая). В общих компетенциях нам бы хотелось выделить декларативные знания и межкультурные умения, так как они непосредственно связаны с овладением иностранным языком. К декларативным знаниям относятся знания культуры определенной страны, которые охватывают повседневную жизнь носителей языка, их межличностные отношения, систему ценностей и убеждений, а также межкультурные знания, которые включают в себя понимание разнообразия обеих стран – родной и страны изучаемого языка, а также представление друг о друге в форме стереотипов.

Межкультурными умениями являются следующие: умение преодолеть сформировавшиеся стереотипы, умение понять и принять другие культуры, умение выступить в роли посредника между разными культурами. Общие компетенции представляют собой основу для формирования коммуникативных компетенций, хотя в процессе обучения они также развиваются. Коммуникативные компетенции формируются в процессе изучения иностранного языка и имеют достаточно сложную структуру. В настоящей статье рассматриваются возможные подходы к формированию социалингвистической компетенции как составляющей коммуникативных компетенций.

Социалингвистическая компетенция - это способность использовать язык в определенном социальном контексте. Особенности речи носителя языка проявляются тогда, когда он общается в своем социальном или профессиональном окружении, и именно поэтому обучающемуся необходимо овладеть различными регистрами общения, правилами вежливости, лингвистическими маркерами социальных отношений и т.д. На уроке иностранного языка социалингвистическая компетенция может быть сформирована с помощью технологий, имитирующих условия страны изучаемого языка. К таким технологиям можно отнести метод глобальной симуляции, аутентичный метод или обучение на местности.

Метод глобальной симуляции является ролевой игрой, продолжающейся от 50-ти до 70-ти часов в режиме интенсивного обучения. В течение этого времени обучающийся играет роль **носителя языка**, он проходит через реальные ситуации общения, типичные для носителей изучаемого

языка, а преподаватель корректирует поведение студента и выбор языковых средств в соответствии с нормами социокультуры. Обучение по методу глобальной симуляции возможно после предварительного курса, объем которого должен быть не менее 200 часов. Весь курс делится на 3 этапа:

- 1) создание места действия и персонажей, формирование коллектива,
- 2) повседневная жизнь и отношения между персонажами,
- 3) экстремальная ситуация, решение которой приводит к разрушению коллектива, т.е. к финалу игры.

Местом действия может быть любое ограниченное пространство - многоквартирный дом, отель, университет, банк. В качестве примера приведем фрагмент симуляции «Квартал». В начале игры студентам предлагается закрыть глаза и «увидеть» то, о чем рассказывает преподаватель. Студенты слушают преподавателя и «видят» маленький уютный квартал небольшого городка в Германии (Франции, Англии). В квартале только 4 улицы, небольшая площадь, два магазина, одно многоэтажное здание. Преподаватель дает канву места действия, т.е. рассказывает о квартале в общих чертах. За рассказом следует обсуждение места действия, уточнение деталей, во время которого преподаватель поясняет характерные черты той страны, в которой происходит действие.

Обсуждение начинается с ответов на вопросы преподавателя: Какие улицы вы видите? Как расположены дома? Где находится площадь? Что вы увидели на площади? и т.д. После уточнения места действия наступает очередь распределения ролей. Сначала студенты выбирают себе лицо: на одном листе расположены фотографии мужчин и женщин в возрасте от 18 до 60 лет. Это жители квартала. Выбрав себе лицо, студенты «заполняют» удостоверение личности, графы которого отличаются от казахстанского удостоверения, что также требует комментария преподавателя (что такое личный код? этническая принадлежность? каким может быть название улиц? сколько цифр в номере телефона данной страны?).

Далее студенты строят характер своего персонажа и находят его место в коллективе жителей квартала. После того как все действующие лица определяют свое семейное положение, профессию, выберут дом (квартиру, машину), наступает очередь «строительства» отношений между супругами, отцами и детьми, соседями, продавцами и покупателями. Преподаватель только направляет студентов, формулируя ситуацию и уточняя место и время, а студенты действуют в соответствии со своим представлением о поведении носителей языка. Так как развитие событий предугадать невозможно, план каждого последующего урока корректируется, а сценарий игры в разных группах имеет свои особенности. Однако следует отметить, что основные ситуации, включающие в себя необходимые грамматиче-

ческие конструкции и активный словарь, не меняются. Например, телефонный звонок (числительные), планирование выходных дней (будущее время), обсуждение происшествия на работе (прошедшее время).

Второй этап игры предполагает воспроизведение повседневной жизни носителей языка, во время которого обучаемым предлагается пройти через основные ситуации и сформировать речевое поведение, адекватное поведению жителей страны. Кроме рутины, это могут быть ситуации, связанные с проблемами на работе (недовольство начальства, зависть коллег), с бытовыми проблемами (сложные взаимоотношения с соседями, потеря и поиск работы, поломка бытовой техники). Отношения между персонажами в повседневной жизни формируются в зависимости от их поведения в конкретной ситуации. Если кто-то из обучающихся повел себя некорректно с точки зрения культуры страны изучаемого языка, преподаватель должен остановить игру и дать образец корректного поведения. Роль преподавателя заключается также в том, чтобы вовремя направить поведение персонажей и не допустить развития негативных отношений между участниками игры.

Как на первом, так и на втором этапе обучаемые «погружаются» в большое количество нового языкового материала, характерного как для устной речи, так и для письменной, для чего используются аутентичные образцы – короткие тексты описательного характера или блоки в виде странички одноязычного словаря. Если обучаемые самостоятельно знакомятся с новой лексикой во внеурочное время, то на занятиях обязательно организуется ее включение в речь.

На третьем этапе участники игры становятся свидетелями (но не действующими лицами!) происшествия, которое заставляет их обратиться в полицию или скорую помощь. Так как ни один учебник иностранного языка, как правило, не дает образца поведения носителей языка в экстремальных условиях, этот этап необходим для его демонстрации. Преподаватель строит ситуации на свидетельских показаниях, обсуждении событий в семье и с соседями, комментариях радио- и тележурналистов. Финал игры обязательно несет в себе разрушение коллектива, которое может быть вызвано переездом, разводом, продажей дома, судебным разбирательством, увольнением.

Как видно из сказанного выше, метод глобальной симуляции позволяет связать знания иностранного языка с социальным контекстом его использования. Этот метод может широко применяться в разных учебных заведениях, там, где изучается базовый или профессиональный иностранный язык. Обучение профессиональному языку необходимо проводить в рамках контекста будущей профессии. В этом случае ограниченным пространством

будет служить рабочее место обучающегося – школа, банк, прокуратура и т. д. Большой объем профессионального языкового материала, с одной стороны, и роли от рядового сотрудника до руководителя, с другой стороны, превратят курс обучения иностранному языку в деловую игру.

Другим примером технологий, имитирующих реальное общение в стране изучаемого языка, является аутентичный метод. Этот метод также предполагает формирование коммуникативных умений в типичных ситуациях общения, но связанных с пребыванием студента за рубежом. В отличие от метода глобальной симуляции, в аутентичном методе обучающийся играет **самого себя**, но в условиях страны изучаемого языка. Исходя из условий, «пучки» ситуаций могут быть составлены следующим образом:

1. Аэропорт: паспортный контроль – получение багажа – в справочном бюро – в городском транспорте.
2. Отель – прогулка по городу – ресторан – универмаг.
3. Языковая школа: знакомство с персоналом и помещениями – расписание – урок – посещение библиотеки.

Преподаватель планирует ситуации в той последовательности, в которой иностранец, приехавший в страну впервые, обычно в них оказывается. Цель «поездки» может быть любой, но она обязательно должна быть связана с деятельностью обучающегося. Отличительными особенностями аутентичного метода являются отсутствие опоры на какой-либо учебник, полное исключение языка - посредника, опора на реальные ситуации, использование в обучении только аутентичных материалов. Что касается последнего, то в течение всего курса обучения студенты должны работать с теми материалами, которые будут им необходимы во время визита в страну: меню, билет на автобус или поезд, инструкции по использованию телефона или банкомата, проспект и карта города, рекламные проспекты, каталоги.

Следует рассмотреть еще одну технологию, с помощью которой можно эффективно сформировать социолингвистическую компетенцию, – это обучение на местности. Предполагается, что студенты находятся в стране изучаемого языка. При этом обучение организуется следующим образом:

- на уроке преподаватель предъявляет новую тему через аутентичный текст, фильм или ситуацию;
- студенты выполняют задания, посещая какое-либо учреждение города для получения информации;
- полученная информация подробно обсуждается на следующем уроке.

В качестве примера приведем работу над темой «Путешествия», изучение которой предполагает посещение городского вокзала. После предъявления аутентичного текста о проблемах французских железных дорог преподаватель предлагает студентам посетить городской вокзал и получить там следующую информацию:

1. Где можно узнать об отправлении и прибытии поездов?
  2. Что обязательно нужно сделать перед тем, как сесть в поезд?
  3. Сколько часов идет поезд из Тулона в Марсель? Сколько стоит билет?
  4. Можно ли на вокзале купить сэндвич? Взять машину напрокат?
- Забронировать отель в другом городе?
5. Вернут ли Вам деньги за билет, если Вы опоздали на поезд?
  6. Вернут ли Вам деньги, если Вы отказываетесь от поездки?

Чтобы ответить на все вопросы, студент должен не только посетить вокзал и прочитать информацию на табло, но и поговорить со служащими в кассе, в справочном бюро, с пассажирами. На следующем занятии по теме «Путешествия» студенты обсуждают полученную информацию, и преподаватель предлагает им другое задание – посетить туристическое бюро.

Необходимо отметить тот факт, что аутентичный метод и обучение на местности вполне применимы и вне страны изучаемого языка. Например, прогулку по городу можно заменить на «прогулку» по Интернету. В этом случае студенты будут искать ответы на вопросы преподавателя на сайте страны изучаемого языка, что позволит им сформировать не только язык повседневного общения, но и профессиональный иностранный язык.

Технологии, представленные в настоящей статье, могут также служить источником отдельных приемов обучения, дополняющих имеющиеся в аутентичных учебно-методических комплексах. Например, для презентации нового языкового материала преподаватель может провести беседу на основе конкретного предмета. Показывая телефонную карточку, он предлагает студентам определить ее назначение. Студенты высказывают свои догадки на изучаемом языке, компенсируя недостаток языкового материала жестами. Преподаватель подсказывает недостающие слова, записывая их на доске и формируя лексический минимум темы. В приведенном примере это будет следующий словарь: телефонная трубка, положить трубку, набрать номер, оставить сообщение, звонить по телефону, сотовый телефон, автоответчик, телефон-автомат. После предъявления словаря-минимума преподаватель может предложить студентам изображение 2-х и более сотовых телефонов разных моделей с заданием указать их приеи-

мущества и недостатки, а затем объяснить собеседнику, как пользоваться телефонной карточкой в стране изучаемого языка и в Казахстане. После 3-х, 4-х заданий, активизирующих новый языковой материал, студенты приступают к работе с аутентичным текстом.

В заключение следует отметить, что формирование социолингвистической компетенции является неотъемлемой частью современного урока иностранного языка и должно учитываться при планировании учебного процесса, начиная с уровня А1 и заканчивая уровнем С2 Международного стандарта.

ЛИТЕРАТУРА

Кунанбаева С.С. Современное иноязычное образование: методология и теории. Алматы, 2005.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. – Московский государственный лингвистический университет (русская версия). М., 2003.

Теория перевода

Владимир Манчев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

Контакты между различными культурами имеют очень давнюю историю, но в XXI-м веке они приобрели особенно массовый характер. Это объясняется большей открытостью современного мира и возросшей мобильностью живущих в нем людей. Достаточно привести в качестве примера такие ситуации межкультурного общения, как туристические поездки, стажировки преподавателей, международные научные конференции и совместные проекты, экономическое сотрудничество, гастролы, олимпийские игры и иные спортивные мероприятия. Сведения о жизни других обществ становятся доступны нам и благодаря различным СМИ, фильмам, литературе, музыке, интернету. Процессы, происходящие при этом в нашем сознании, наше восприятие данной информации, реакция на нее, возможные психологические преобразования являются существеннейшими моментами изучения феномена межкультурной коммуникации.

Глобализация и трансформационные процессы, происходящие в России и странах Восточной Европы, привели к активизации контактов во всех областях жизни, включая и сферу культуры. Общение представителей различных культур стало неотъемлемой частью современной жизни и выдвинуло на передний план проблему преодоления культурного барьера. Всю серьезность вопроса о специальной подготовке к межкультурной коммуникации подтверждает уже тот факт, что даже в процессе общения с представителями своей культуры человек может столкнуться с непредвиденными трудностями, вызванными разницей в возрасте, социальном положении, интересах, политических пристрастиях, профессии. Но преодолеть эти трудности и достичь взаимопонимания гораздо легче представителям одной культуры, владеющим одним языком, чем людям, выросшим в различных культурах и общающимся на неродном для них (или, по крайней мере, для одного из них) языке.

Отсутствие языкового барьера далеко не всегда является достаточным условием для успешного преодоления барьера культурного. Знание языка не дает автоматически “ключа” к овладению навыками и стратегия-

ми, необходимыми для преодоления культурного барьера.

Следовательно, весьма актуальной становится проблема подготовки к межкультурной коммуникации. Необходимо учитывать то обстоятельство, что мировосприятие и система ценностей нашего партнера по коммуникации сформировались в иных географических, политических, экономических и общественных условиях, оказавших влияние на его мышление, поведение и привычки. Сказанное выше относится даже и к таким близким культурам, как русская и болгарская.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о взаимодействии русской и болгарской культур представляется логичным дать определение таким понятиям, как культура и взаимодействие культур.

Понятие **культура** толкуется неоднозначно. Количество ее определений “измеряется сегодня четырехзначными числами” [Гуревич 1996: 10]. Некоторые исследователи считают, что “...все, что есть в человеке как человеке, предстает в виде культуры, и она оказывается столь же разносторонне богатой и противоречиво дополнительной, как сам человек – творец культуры и ее главное творение” [Каган 1996: 20]. Другие, в свою очередь, определяют культуру как “...человеческую среду, все то, что помимо выполнения биологических функций придает человеческой жизни и деятельности форму, смысл и содержание” [Бенвенист 1974: 30]. Представляется целесообразным подход тех ученых, которые при определении **культуры** пытаются установить ее наиболее характерные черты и функции, воспринимаемые как ее компоненты. В таком смысле **культура** понимается как совокупность таких компонентов, среди которых выделяются:

1) результаты деятельности человеческого общества в материальной и духовной сфере, например, материальная культура, духовная культура [Тер-Минасова 2000: 12];

2) знания, образованность, например, человек высокой культуры [Тейлор 1989: 18];

3) ценность, то, что создано человеком “ради связанной с ним ценности” [Риккерт 1995: 69];

4) осознанность, то, что “человеческое сознание, в силу присущей ему разумности, вырабатывает из данного ему материала” [Видельбанд 1995: 62];

5) знаковая природа, “человеческий феномен – культура – целиком символичен” [Бенвенист 1974: 30];

6) коммуникативность, “культура есть форма общения между людьми” [Лотман 1994: 6];

7) кумулятивность, “культура есть память” [Лотман 1994: 8];

8) системность, культура – это форма коллективного негенетического опыта, определенным образом систематизированного и структурированного [Гудков 2000: 12];

9) общественный, социальный и индивидуальный характер, “культура, как и язык, явление общественное, то есть социальное” [Лотман 1994: 6].

Культура передается и развивается через общение, без которого немислимо обеспечение взаимопонимания между членами общества. В коммуникативную культуру входит система кодифицированных образцов и норм поведения и общения представителей данного общества. В свою очередь общение невозможно без языка, социального по своей природе, подчиняющегося в определенной мере тем же законам, что и поведение человека в целом. Как известно, в каждом обществе существуют этические нормы, традиции, ценности, социально регламентирующие поведение индивида, иными словами определенные социальные конвенции. Эти социальные конвенции, отражающиеся в языке, могут не совпадать не только в различных, но даже близких культурах.

Согласно двухтомной энциклопедии “Культурология. XX век”, **взаимодействие культур** – это “особый вид непосредственных отношений и связей, к-рые складываются между по меньшей мере двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, к-рые появляются в ходе этих отношений.” [<http://www.psylib.ukrweb.net/books/levit01/txt020.htm>].

Как известно, коммуникативная компетенция состоит из лингвистического, социолингвистического и прагматического компонентов, каждый из которых включает в себя все категории общей компетенции человека.

Следует подчеркнуть важную роль социолингвистического компонента, являющегося связующим звеном между коммуникативной и другими видами компетенций. Данный компонент коммуникативной компетенции, будучи ориентированным на социальные нормы, оказывает сильное влияние на языковое оформление общения между представителями различных культур.

Одним из условий успешной коммуникации представителей различных культур является сочетание лингвистической компетенции (знания языковых норм) и профессиональных и лингвосоциокультурных концептов “иностранной речевой общности” [Халева 1989: 39].

Для того, чтобы лучше понять представителей иной культуры нельзя, на наш взгляд, сбрасывать со счетов и влияние природных условий существования того или иного народа на формирование его национального характера и мировосприятия. Идею географического детерминизма в зачаточной форме мы обнаруживаем еще в рассуждении знаменитого

античного ученого и врача Гиппократ (ок. 460 — ок. 370 до н.э.) «О воздухах, водах и местностях» [Избранные книги 1936; 1994]. Влияние окружающей природы и климата на “дух народа” отмечали такие немецкие и французские философы XVIII века, как Шарль Монтескье (в “Духе законов”) и Гердер. К географическому детерминизму склонялись и некоторые русские историки и философы, например В. Ключевский видел «живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека» воплощенным «в основных стихиях природы русской равнины - в лесе, степи, реке» [Ключевский 1956: 66].

У Н. Бердяева можно встретить «соответствие между необъятностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной» [Бердяев 1990: 28].

В связи со сказанным выше можно привести в качестве примера влияния особенностей климата и географии на жизнь русских и болгар самые распространенные у этих народов типы жилищ. Так, в России традиционным типом жилища является деревянная изба. Это обстоятельство можно легко объяснить во-первых, доступностью материала (древесины) и, во-вторых, дефицитом времени – теплый период, в течение которого можно было построить дом, на большей части территории России краток. ... “В этом сказалась продолжительная переселенческая бродячестъ прежних времен и хронические пожары – обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке” [Ключевский 1956: 71].

Иначе обстоит дело с традиционным жилищем болгар – материалы, используемые при строительстве дома в Болгарии, по своей долговечности и устойчивости к огню существенно отличались от дерева – в силу особенностей рельефа страны, широко применялись камень, глина, известковый раствор, кирпич (как обожженный, так и кирпич-сырец) и черепица. Неудивительно поэтому, что в болгарском языке отсутствует лексема *погорелец*, наличествующая в русском. Кроме того, постройка дома являлась для болгарина очень важным событием в жизни, не случайно в болгарском языке бытует поговорка: “Турчин като забогатее, жена си взима, а българин – къща прави”.

Таким образом, при всей универсальности концепта “дом” в русской и болгарской культурах, существуют и различия, связанные как с некоторыми чертами его образно-мифологической сущности, так и с особенностями истории, жизни, быта русских и болгар [Манчев 2005].

Интересно, что в культуре каждого народа один и тот же символ может иметь разные проявления. Так, например, по утверждениям болгар-

ских исследователей [Георгиева 1983; Маринов 1981 и др.], в болгарской мифологии в роли покровителя дома выступала чаще всего змея, являвшаяся олицетворением родового духа-покровителя дома, семьи и имущества. Народная традиция запрещает убивать змею-хозяйку (болг. *стопан*) дома или нивы, т.к. считается, что это может привести к смерти кого-либо из домочадцев. Для змеи-хозяйки оставляют часть обрядового угощения во время всех значительных праздников.

В свою очередь, в русской мифологии мы обнаруживаем совсем иной, антропоморфный по своей сути образ духа-покровителя дома. Это *Домовой* – очень важный персонаж в крестьянском быте. Как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров: “... домовый – прямой пережиток языческих домашних богов Рода и Чура, т. е. он еще дохристианского происхождения” [Верещагин, Костомаров 2000: 71]. Упомянутое мифическое существо “...показывается людям стариком, ростом с пятилетнего ребенка, всегда в красной рубашке, опоясанной синим кушаком; лицо у него сморщенное, борода белая, волосы на голове желто-седые, а глаза, словно огонь горят” [Афанасьев I 1865 – 1869]. С Домовым связано немало суеверий, обычаев, примет. Согласно одной из них, Домовой иногда “наваливается” на спящих людей и начинает их душить. По тому, каков внешний вид Домового, “навалившегося” на спящего человека, судили о достатке в доме: если душит “мохнатой лапой” – дом богатый, либо это является предвестием скорого богатства; если же лапа “голая” (т. е. без шерсти) – к бедности.

Однако не следует ни слепо разделять точку зрения представителей “географического детерминизма”, однозначно обвязывающих развитие общества с географической средой, ни впадать в другую крайность – “географический нигилизм”. Безусловно, географическая среда оказывает определенное влияние на формирование, развитие и жизненный уклад определенного этноса, но принимая во внимание творческие возможности человека и связанное с этим развитие науки и техники, а также культурный обмен между народами, можно утверждать, что налицо определенная независимость человека от географического фактора.

Наряду с особенностями климата, рельефа, истории и культуры двух славянских народов нельзя не отметить специфические черты грамматического строя двух языков. Интерес представляет, например, отсутствие категории определенности в русской именной системе, что позволяет некоторым исследователям даже делать выводы о восприятии окружающего мира носителями русского языка как явления хаотического и в достаточной степени неопределенного.

Весьма примечательную мысль о влиянии грамматики русского

языка на ментальность его носителей высказал В. В. Колесов в своем интервью газете «Православный Санкт-Петербург», № 3, 2004: «Грамматика – это корень, который питает русскую мысль, русское мировосприятие, это коренные свойства языка...» [В. В. Колесов, в: <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=12915>].

В этом плане следовало бы отметить такую особенность болгарской грамматики, как наличие весьма разветвленной временной системы болгарского глагола. Здесь сам грамматический строй данной части речи эксплицитно выражает, в какой промежуток времени происходило то или иное событие, действие, в то время как русский глагол, обладая лишь тремя временными формами, выражает данную информацию имплицитно.

Можно отметить также наличие в болгарском языке особой формы глагола – т. н. несвидетельского наклонения (болг. преизказно наклонение). Помимо основного значения – выражения того факта, что говорящий не является свидетелем действий, о которых сообщает (По улицата *минавали* много хора), данная глагольная форма имеет и дополнительные: сомнение, недоверие по отношению к чужому мнению, несогласие с ним (Иван *бил се върнал* от чужбина с много пари. Не *съм възпитавал* децата си правилно!) и удивление (Я, небето съвсем *се изяснило*!). В свою очередь в русском языке для передачи чужих слов и выражения дистанцированности, недоверия, сомнения используются лексические средства. Можно было бы предположить, что для носителей русского языка приоритетной является сама информация, а не ее источник.

Имплицитное выражение многих частных временных значений (как уже отмечалось выше) и большая роль вида, а также контекста в их реализации обусловлены простой системой времен русского глагола. Данный факт объясняет и активное использование форм времени в переносном значении, например, формы настоящего могут использоваться для обозначения как прошедших (Звонит мне вчера Андрей и просит его сменить), так и будущих событий (На следующей неделе мы едем на дачу). Возможен также вариант использования формы будущего совершенного вида для выражения прошедшего события как неожиданного и вызывающего удивление (Придумают же такое!) или формы будущего времени не совершенного вида в значении настоящего, вызывающего неодобрительную оценку говорящего (И после этого ты мне еще будешь хвастаться?!). Встречается и употребление формы прошедшего в значении близкого будущего (Не волнуйся, я уже вышел) и др.

Особенности временных форм русского глагола стали причиной того, что многие грамматисты-славянофилы XIX века сделали вывод о том, что в русском языке временные формы не обладают постоянным зна-

чением, а зависят от вида и способов действия. Придавая данному выводу философский и идеологический смысл, представители славянофильства рассуждали “о различии между внешней, рационалистически отвлеченной категоризацией жизненного опыта, составляющей, согласно славянофильской концепции, сущность западной ментальности, и органическим подходом, стремящимся проникнуть в “жизненную” сущность явлений, — то, что составляет отличительное свойство русской культурной традиции” [Гаспаров 1999: 29], а также русского языка.

Конечно, можно спорить о том, оказывает ли грамматический строй того или иного языка влияние на ментальность его носителей, или ментальность отражается в языке, бесспорно одно – язык не существует изолированно от его носителей их духовности и культуры и их мировосприятия.

Не вникнув в народопсихологию носителей данного языка, нельзя должным образом изучить и сам язык. Это очень точно отметил в свое время Вильгельм фон Гумбольдт, писавший: “Языки - это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение... Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа...” [Гумбольдт 1985: 349].

Так, например, чтобы понять фразу: *Этот ваш Иванов - настоящий Плюшкин*, необходимо иметь хотя бы общее представление о творчестве Н.В. Гоголя и внимательно прочитать его поэму в прозе “Мертвые души”. Кстати, даже само название этого произведения давно превратилось в устойчивое словосочетание.

Аналогично, для понимания приводимого ниже отрывка из очерка В. Колыхалова “Проточные годы” требуется знание реалий, литературы, истории, в противном случае понимание текста (а, следовательно, и коммуникация) будет затруднено:

“Но **станочники-вахтовики** из Томска, Новосибирска, Юрги — профессионалы железного дела, люди точного мастерства, потому что высокой точности обработки деталей на «расхлябанной» станочной флотилии можно добиваться только при условии задатков **лесковского умельца Левши**.”

Расхождения между культурами, даже близкими, объясняют наличие лакун, или своеобразных пропусков, пробелов, отсутствующих лексем для выражения определенных понятий. Следует отметить, что “главной особенностью лакун является то, что они возникают в процессе общения, в ситуации контакта двух культур, обменивающихся текстами” [Марковина, Сорокин 1989: 112].

Приведем несколько примеров лексических лагун:

В русском языке:

закладка

крыльцо

прорубь

В болгарском языке:

лента, ширит, картонче и др.

за отбелязване на страница в книгата
[Влахов 2004: 204]

вход с няколко стъпала и площадка
[Влахов 2004: 293]

дупка в леда (на река, на езеро)
Влахов 2004: 597]

В болгарском языке:

пангар

В русском языке:

прилавок в церкви для продажи
свечей [Чукалов 1960: 638]

Говоря о взаимодействии русской и болгарской культур, нельзя обойти молчанием процесс формирования болгарского литературного языка в период становления болгарской нации. Еще с самого начала XIX века до освобождения Болгарии от османского ига в 1878 году болгарский литературный язык испытывает влияние как церковнославянского языка, так и разговорной речи. Весьма существенным в указанный исторический период было и влияние русского языка, сказавшееся, прежде всего, в сфере государственно-административного устройства и военном деле (см. лексемы русского происхождения или появившиеся в болгарском языке через посредство русского: *приклад, щик, караулка, постови, часовой, поручик, наряд, взвод, ударник, патронник, гилза* и мн. др.).

Не следовало бы забывать и об огромном влиянии русской культуры, которое болгарский ученый С. Стоянов определяет как «...один из самых мощных факторов восхода нашей (болгарской – В. М.) культуры и нашего национального возрождения в целом» [Стоянов 1993: 27].

По словам З. К. Шановой, “переводы XIX в. с русского языка на болгарский оказали большое влияние на духовное развитие болгарина, на формирование и развитие новоболгарского литературного языка и болгарской литературы” [<http://szanowa.narod.ru/perevod.htm>].

Как известно, практические нужды межкультурной коммуникации подчас приводят к переосмыслению традиционных идей и вызывают необходимость в поисках новой научной парадигмы, основывающейся на эвристических возможностях коммуникации и культуры.

Необходимо помнить также и о том, что межкультурная коммуникация обогащает национальные культуры, способствует формированию вторичной языковой личности и снятию противопоставления “свой – чужой”.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1974: *Бенвенист Э.* Семиология языка. М., 1974.
- Бердяев 1990.: *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990.
- Видельбанд 1995: *Видельбанд В.* Философия культуры и трансцендентальный анализ. Культурология. XX век. М., 1995.
- Влахов 2004: *Влахов С.* Нов руско-български речник. С., 2004.
- Гаспаров 1999: *Гаспаров Б.* Лингвистика национального самосознания // Логос. 1999. № 4
- Гудков 2000: *Гудков Д. Б.* Межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Гумбольдт 1985: *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985.
- Избранные книги 1936: *Избранные книги.* М., 1936.
- Каган 1996: *Каган М. С.* Философия культуры. М., 1996.
- Ключевский 1956: *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Сочинения в 8-ми тт.: Т. 1., М., 1956.
- Лотман 1994: *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
- Манчев 2005: *Манчев В.* Концепт “дом” в русском и болгарском языках с точки зрения лингвокультурологии и теории перевода. Пловдивски университет “Паисий Хилендарски”, България. Научни трудове, том 43, кн. 1, сб. А, 2005 – Филология, Лингвистични дискурси. Юбилеен сборник в чест на 70-годишнината на проф. д.ф.н. Стефана Димитрова, с. 193 – 198.
- Марковина, Сорокин 1989: *Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А.* Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989.
- Риккерт 1995: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. Культурология. XX век, М., 1995.
- Стоянов 1993: *Стоянов Ст.* Граматика на българския книжовен език. “Св. Климент Охридски”, С., 1993.
- Тер-Минасова 2000: *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Халеева 1989: *Халеева И. И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М., Высшая школа, 1989.
- Чукалов 1960: *Чукалов С. К.* Българско-руски речник. Трето издание. “Наука и изкуство”, С., 1960.
- Культурология. XX век. Энциклопедия в двух томах. Главный редактор и составитель С. Я. Левит. СПб. 1998. (<http://www.psylib.ukrweb.net/books/levit01/txt020.htm>)

Русская болгаристика

Елена Ю. Иванова

БОЛГАРИСТИКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Кафедра славянской филологии Санкт-Петербургского университета является одним из наиболее известных и динамично развивающихся центров болгаристических исследований в России. Болгарский язык преподавался в Петербургском (Ленинградском) университете в рамках общей подготовки студентов славянского цикла еще задолго до образования кафедры славянской филологии в 1944 г., однако углубленные научные исследования в области болгарского языка и литературы начались все же после объединения преподавателей славянских дисциплин в один коллектив и прежде всего с приходом на кафедру Юрия Сергеевича Маслова – без сомнения, наиболее яркой фигуры российской болгаристики.

В 1944 г. Ю.С.Маслов в составе армии провел несколько месяцев в Болгарии. Благодаря великолепному лингвистическому чутью и искреннему интересу к болгарскому языку Юрий Сергеевич, как будет написано впоследствии рецензентом его грамматики К.Ивановой, «е овладевал български в степен, която му позволява да съперничи с най-добрите наши автори» [Иванова К. 1982]. Глубокое проникновение в структуру болгарского языка предопределило и его дальнейшие научные интересы. В 1957 г. Маслов защищает докторскую диссертацию на тему «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление)»; основные положения его диссертации нашли отражение в работе [Маслов 1959]. В трудах конца 1940-х – начала 1960-х гг., до сих пор цитируемых и активно используемых в аспектологической литературе, получили фундаментальную разработку такие вопросы, как общий характер категории вида в славянских языках, обусловленность видовой непарности лексическим значением глагола, разграничение и взаимовлияние способов действия и глагольного вида, употребление граммем вида в различных временных планах (см. подробнее в [Бондарко и др. 2004]). Непосредственным продолжением данной работы явилась монография «Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке» [Маслов 1963а], в которой детально описываются морфологические средства выражения видовых значений, вводится понятие видовой

основы, устанавливается соотношение видовых основ разных типов.

Влияние именно болгарского языка на аспектологическую концепцию Ю.С.Маслова невозможно переоценить. Если бы не его знакомство с замечательной особенностью болгарского языка к почти универсальной имперфективации, вряд ли были бы сформулированы так давно и так отчетливо те положения, которые сейчас известны как «критерии, или тесты, Маслова» по определению видовой пары – критерии, без которых немыслима современная аспектология и лексикография: (1) глагол НСВ должен (возможно, помимо прочих своих значений) иметь значение многократного наступления ситуации, обозначенной глаголом СВ, (2) глагол НСВ должен заменять СВ в контексте настоящего исторического.

Определяющую роль болгарского языка в создании аспектологической теории подтверждает и доклад Ю.С.Маслова «Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида» на V Международном съезде славистов [Маслов 1963], в котором подчеркивается, что «именно болгарский язык показывает картину чрезвычайно последовательного осуществления ряда тенденций, в той или иной мере присущих развитию категории вида во всех славянских языках». Работа Ю.С.Маслова над теорией глагольного вида и смежными категориями обобщена в книге «Очерки по аспектологии» [1984].

Особое место среди трудов Ю.С.Маслова занимает небольшая статья 1948 г. о связи между видом и лексическим значением глагола [Маслов 1948]. В этой работе за 9 лет до выхода в свет классической статьи З. Вендлера «Verbs and times» Ю.С.Маслов заложил основы той группировки глаголов, которая известна сейчас как «семантические типы предикатов» и исключительно востребована не только современной аспектологией, но и лексической семантикой, и семантическим синтаксисом.

Даже после перехода Ю.С.Маслова на кафедру общего языкознания и в период углубленных занятий теорией языка в целом, он продолжает болгаристические исследования. В болгаристике удачно сочетались масловская эрудиция, оригинальность и глубина научных построений с блестящим знанием и пониманием болгарского языка. Еще в 1956 г. был издан «Очерк болгарской грамматики», который охарактеризован ведущими болгарскими исследователями как «най-добрата граматика на българския език, написана от чужденец» [Андрейчин, Иванова 1974]. Результатом фундаментальной переработки этого труда явилась «Грамматика болгарского языка» [1981] – как и первая, переведенная на болгарский язык [Маслов 1982]. Здесь Ю.С. Маслов подключает и свои общетеоретические исследования последних лет. Как отметил в предисловии проф. Св. Иванчев, в этой книге «блестящи анализи на българския материал намират отраже-

ние в общолингвистичните концепции на своя автор» [Иванчев 1982]. В грамматике особенно проявилась, как отмечено в рецензиях болгарских коллег, «многогранна научна компетентност, съчетана щастливо със задълбочени познания върху нашия език»; «граматиката обогатява българската наука както със самото си присъствие, защото е обобщаващ труд с много висок ранг, изпълнен на съвременно равнище и отразил досегашните най-добри постижения в изучаваната област, така и със специфичните си достойнства» [Иванова К. 1982]. Как известно, за выдающиеся заслуги перед болгарской наукой и культурой Ю.С.Маслов был награжден орденом Кирилла и Мефодия.

Велик вклад ученого и в общую морфологию. В 2004 г. в издательстве «Языки славянской культуры» в серии «Классики отечественной филологии» вышла книга «Ю.С.Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание» [Маслов 2004], в которой собрана значительная часть его научного наследия и прежде всего те работы, которые были опубликованы давно или в малодоступных изданиях. Книгу предваряет великолепное предисловие, подготовленное чл.-корр. А.В. Бондарко и его коллегами, в котором обобщены заслуги Юрия Сергеевича перед лингвистической наукой. В книгу включены биографические материалы, список научных трудов ученого, а также библиография материалов о Ю.С.Маслове.

Безусловно, самая значительная фигура литературоведческой болгаристики в Санкт-Петербургском университете – проф. Всеволод Дмитриевич Андреев. В.Д.Андреев – выпускник кафедры славянской филологии ЛГУ, но его кандидатская диссертация о творчестве Георгия Караславова написана в Софийском университете под руководством акад. Г.Цанева. В 60-70-е гг. основное внимание В.Д.Андреева направлено на проблематику реализма. Докторская диссертация «Литература демократического единства и проблемы реализма (на материале болгарской прозы 1920-1930-х гг.)» представила объективный, целостный взгляд на литературное развитие Болгарии межвоенного двадцатилетия. Его интересовали более всего такие вопросы, как преемственность, развитие демократических, реалистических традиций национальной литературы прошлого в новое время, диалектика взаимодействия между литературными направлениями. Наиболее значительное обобщающее исследование конца 80-х гг. – работа «Исторические судьбы реализма в болгарской литературе на рубеже XIX-XX веков» [1989].

Но это не единственная область интересов проф. В.Д.Андреева. Много сил было отдано пропаганде наследия великих славянских вероучителей Кирилла и Мефодия. Делом жизни ученого стала популяризация болгарской литературы. Им написаны многие статьи о болгарских писателях для Крат-

кой литературной и Большой Советской энциклопедий, раздел о литературе Болгарии для Истории всемирной литературы, вводные статьи к русским изданиям сочинений болгарских писателей. Через его художественные переводы русский читатель познакомился с произведениями Георгия Райчева, Константина Константинова и других болгарских писателей.

В последние годы жизни его волновали судьбы славянской общности в эпоху кризиса. Он был убежденным сторонником того, что историческим опытом славянской языковой, этнической, культурной общности нельзя пренебрегать. В кризисные периоды он считал нужным фокусироваться на стержневом понятии – «славянская этнокультурная общность», полагая, что при таком срезе можно отграничиваться от политических интерпретаций и ориентироваться на единство огромного генетически родственного наследия, сосредоточившись на рассмотрении словесного творчества славянских народов дописьменной и письменной эпох. Сам В.Д.Андреев в последние годы много интересуется фольклором славянских народов, мифологией и ее влиянием на творческие процессы. Яркий пример этому – работа «О мифологических истоках образотворчества. Метафора вертикали в болгарской литературе» [1999], в сокращенном виде публикуемая в сборнике, подготовленном кафедрой славянской филологии посмертно и кратко представляющем научную деятельность проф. Андреева в 1990-е гг. [Метафора вертикали 2005]. Составители сборника выбрали именно этот период потому, что в последние годы века (и последние годы жизни ученого) его научное творчество отмечено фундаментальностью, аналитическим подходом, обобщающими сопоставлениями. Во вступительных обзорных статьях, подготовленных русскими и болгарскими коллегами (Н.К.Жаковой, А.Бучковым, Д.Крыстевым), можно найти более подробное изложение того, в чем успешно реализовал себя ученый.

Вся научная работа В.Д.Андреева проходила на фоне преподавательской деятельности. Несколько десятилетий на его плечах лежала подготовка и чтение лекций по литературе для всех курсов болгаристов. Невероятный педагогический опыт и великолепная литературоведческая основа позволили ему создать учебник «История болгарской литературы» [1978], – учебник был переведен на болгарский язык, по нему в свое время занимались и болгарские студенты. В дальнейшем проф.Андреев разработал и новую концепцию построения курса, обдумал и новые подходы к оценке ряда литературных явлений, однако успела увидеть свет только часть нового замысла – учебное пособие о становлении болгарской литературы [1997]. Этой работой профессор В.Д.Андреев утвердил себя не только как опытный педагог, но и как основатель петербургской школы сравнительно-исторического и типологического изучения зарубежных

славянских литератур. Деятельность проф. Андреева была отмечена многими болгарскими наградами, в т. ч. орденом Кирилла и Мефодия.

Несколько десятилетий на кафедре славянской филологии проработала доцент Елена Антоновна Захаревич. Научные исследования этого глубокого, серьезного ученого, как представляется, остались не вполне оцененными. Блестящим началом научного пути Елены Антоновны была публикация ее 100-страничного исследования «Производные основы со значением лица в современном болгарском литературном языке» [Захаревич 1959] в солидном академическом издании «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», подготовленном Институтом славяноведения Академии Наук СССР.

В 1963 г. Е.А. Захаревич защищает кандидатскую диссертацию «Словообразовательные суффиксальные типы личных имен существительных в современном болгарском языке». К тому времени вопросы словообразования заняли в науке о языке одно из важных мест, общая теория была обогащена целым рядом новых положений. Наиболее обсуждавшимися были вопросы самостоятельности словообразования как дисциплины, различения морфологического и словообразовательного анализа, продуктивности словообразовательных типов (а не элементов) и др. В диссертации Елены Антоновны эти новые положения были обобщены и применены к конкретным словообразовательным проблемам. В качестве объекта исследования была выбрана группа существительных – суффиксальных наименований лица – как одна из самых многочисленных и непрерывно пополняющихся неологизмами, причем различными путями. Это дало автору возможность включить в свою работу и те вопросы, которые обычно оставались вне внимания, а именно конкуренцию разных способов словообразования между собой (в том числе суффиксального с другими) и влияние со стороны заимствованных суффиксальных слов на систему болгарского словообразования. Анализ показал, что в современном болгарском языке суффиксальный способ словообразования личных существительных представлен 35 словообразовательными вариантами, для каждого из них автор выявил степень их продуктивности и конкурирующие типы.

Основные положения диссертации Е.А. Захаревич нашли свое раскрытие и развитие в ряде последующих публикаций, в каждой из которых предлагался новый поворот, новый взгляд на исследуемые вопросы. В основном этот поворот осуществлен в сторону сравнения рассмотренных ранее словообразовательных моделей существительных с другими средствами выражения тех же значений в языке. Так, в статье [Захаревич 1965] исследуются синонимические словообразовательные связи суффиксации и субстантивации. Объектом анализа являются такие две группы

наименований лиц, где работают обе словообразовательные модели. Это, во-первых, агентивные отглагольные наименования (наименования лица по действию, в какой-то мере случайному для него: *минувач–минуващ, докладвач–докладващ*) и, во-вторых, определительные наименования, производные от качественных прилагательных (*беден–бедняк, мъртъв–мъртвец, сляп–слепец*). На живом, современном материале и в сравнении с языковым материалом предшествующего периода развития языка была доказана для первой группы тенденция к ограничению употребления суффиксальных существительных (*летувач, обсаждач, пътувач*) за счет замены их причастиями (*летуващ, пътуващ*). У многих причастий в современном языке нет однокоренных синонимов среди существительных: *давец се, изоставащ, лекуващ се*. Совершенно другой оказалась ситуация во второй группе с парами типа *сляп–слепец*: здесь конкуренция словообразовательных способов не привела к вытеснению одного наименования другим.

60-е годы вообще оказались для Е.А.Захаревич чрезвычайно плодотворными. Помимо статей, связанных с ее кандидатским исследованием, она пишет еще несколько работ на другие темы – работ, существенно опередивших всплеск интереса к затронутым проблемам. Так, в журнале «Български език» была опубликована короткая статья «Признаци на неделимост на думите от типа *помощник–аптекарь*» [Захаревич 1967]. В статье впервые определен ряд важных морфологических критериев, по которым подобные языковые единицы должны быть отграничены от словосочетаний с приложениями типа *писател–историк*, а именно: место присоединения определенного артикля, показателя множественного числа, а также суффикса при образовании существительного женского рода. Как важнейший признак слова выдвигается критерий цельнооформленности – проблема, которая и сейчас, в начале XXI в., находит отражение в новейших исследованиях, посвященных проблемам выделения слова в отличие от морфемы, с одной стороны, и от словосочетания – с другой.

Одна из наиболее известных работ Е.А.Захаревич посвящена образованию причастий с суффиксами ЕН, Н, Т от непереходных, в т. ч. и возвратных по форме, глаголов [1968]. До появления данной статьи, как сейчас это ни кажется странным, лингвисты не обращали специального внимания на эти характерные для болгарского языка формы. В статье Елены Антоновны продемонстрировано, насколько свободно они образуются в языке и каковы их стилистические возможности. Важное внимание уделено и переводу данных форм на русский язык в связи с отсутствием словообразовательных эквивалентов. В русском языке этим формам, как правило, соответствуют причастия или деепричастия действительного залога: *запъхтян – запыхавшись, притиснат – прижавшись, изплашен – ис-*

пугавишсь, усмихнат – улыбаясь или предложно-падежные сочетания со значением образа действия: *уплашен – в испуге / с испугом, усмихнат – с улыбкой*. Более того, как показано в работе, болгарские причастия на –ЕН, –Н, –Т от глаголов СВ могут быть употреблены и в значении причастий настоящего времени, т.е. для обозначения одновременности действий: *засмян – смеющийся, усмихнат – улыбающийся*. В статье рассмотрен и вопрос перехода многих причастий в прилагательные, а также проблемы причастий-омонимов, которые возникают от соотносительных переходных и непереходных глаголов. Выведен список возвратных глаголов, у которых нет соответствий из группы невозвратных, поэтому нет и омонимии причастных форм: напр. *засмея се – засмян, засуетя се – засуетен, покатеря се – покатерен, усмихна се – усмихнат*. В статье практически полностью очерчен круг тех непереходных глаголов, от которых образуются причастия с суффиксами ЕН, Н, Т, а также значения, выражаемые такими причастиями, и их синтаксические функции в предложении.

Другая глубокая статья Е.А.Захаревич [1972] посвящена многоаспектному анализу особенностей субстантивированных прилагательных в форме среднего рода. Исследование выявило их семантическую и словообразовательную специфику, грамматические отличия и особенности синтаксического поведения. Таким образом, уже в 1972 году Еленой Антоновой были описаны все возможные случаи употребления столь характерных для болгарского языка субстантивированных прилагательных самых разных морфологических и семантических разновидностей: *бабиното, маминото* как ласковое обращение старшего к младшему, названия пищи *сладко, овнешко, печено*, сокращения сочетаний *парно, открито, приспивателно, разрешително* и многие другие специфические для болгарского языка употребления (*синьото на небето – «синева неба», изгорено – «ожог», натъртено – «ушиб»* и под.).

Большую не только методическую, но и научную ценность имеют учебные пособия Е.А.Захаревич: это учебники по синтаксису простого и сложного предложения [Захаревич, Крылова 1968, 1978] и другие учебные разработки по грамматике, см. [Учебные пособия].

На современном этапе на кафедре славянской филологии представлены разнообразные направления болгаристических исследований.

Олег Иванович Минин, ученик, многолетний помощник и единомышленник проф. В.Д.Андреева, основное внимание направил на литературу периода Национального возрождения. Особенно заметен интерес О.И.Минина к историческому роману, к исторической беллетристике XIX-первой половины XX в. [Минин 1962]. Более всего интересны ему фигуры И.Вазова [2006] и Ст.Загорчинова. Привлекает его исследовате-

льский интерес и творчество Г.Райчева, Св.Минкова, Эм.Станева и др. Важная область работы О.И.Минина – история славистики, прежде всего вклад в славистику Н.С.Державина [Минин 2005] – историка-болгариста, лексикографа, литературоведа, организатора системы изучения славяноведения на всех ступенях, начиная от кафедры славянской филологии до создания Института славяноведения.

Многие годы при словарном кабинете факультета работает коллектив авторов – болгаристов разных кафедр факультетов, создающий Словарь поэзии Николы Вапцарова в духе лексикографической школы Б.А.Ларина. В основе ларинской концепции словаря писателя лежит положение о том, что текст произведения представляет собой единую эстетическую систему, где каждое слово функционально направленно и обладает художественной значимостью, мера которого зависит от соотношения слова с мыслью художника, его картиной мира. Это предполагает создание полного алфавитного словаря отдельного произведения, дающего исчерпывающую характеристику стиля языка избранного автора через детальную разработку всех значений слов и их применений, стилистическую и грамматическую квалификацию, учет всех употреблений слова. Двухязычный толковый словарь поэзии Николы Вапцарова [Словарь 1998, 2004, Честотен речник 1996] – одна из реализаций ларинской концепции словаря писателя в аспекте двухязычной лексикографии. Этот особый жанр лексикографического исследования, с одной стороны, позволяет представить индивидуальный художественный и идеологический мир творца, с другой, – дает возможность решать разного рода филологические задачи, связанные с теорией перевода и сопоставительным изучением языков.

Общее руководство подготовкой Словаря осуществляется доц. Галиной Валентиновной Крыловой. Г.В.Крылова – автор ряда лексикографических работ, в частности [Крылова 2000, 2006], но и не только, см. напр. [Крылова 2002, 2006а]. Она же и соавтор разнообразных пособий по грамматике, подготовленных нашими преподавателями (см. список литературы), а кандидатская диссертация Г.В.Крыловой была посвящена вопросам синтаксиса. Доц. Крылова – почетный доктор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского.

Научные интересы доц. Зои Кузьминичны Шановой, ученицы Ю.С.Маслова, связаны прежде всего с изучением болгарского глагола, категориями времени и наклонения, особенно с перфектом и т. н. «перфектным комплексом» – формами со значением вторичной передачи информации, адмиративности и предположительности [Шанова 1985]. Свой интерес к глаголу она передала и аспирантке, а сейчас уже защищенному и опытному преподавателю Ольге Вадимовне Васильевой [Васильева

2002, 2005, 2006]. Одновременно с этим доц. Шанова – великолепный знаток теории и истории перевода, методологии перевода, опытный практик переводческой работы [Шанова 2004]. Многие ее научные труды [1993] посвящены именно этим вопросам. Ее перу принадлежат ряд ценных пособий по курсу перевода, по которым занимаются студенты-болгаристы [Пособия по курсу перевода]. З.К. Шанова направляет исследовательское внимание и на другие вопросы болгаристики: лексикография, балканистика [1992], история славистики, а ее заслуги в области популяризации болгарского языка и культуры, как кажется, не имеют аналогов: юбилейные выставки, рецензирование новых книг болгарских исследователей, информация в печати о различных научных, культурных событиях в Болгарии и др.

Научные интересы доц. Миры Русковой связаны прежде всего с исторической лексикологией и историческим словообразованием. В 1966 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Структурные типы и словообразовательные модели личных имен существительных в славянских языках XVII века». Доц. Рускова – автор около 40 статей по проблемам лексики и словообразования в болгарских памятниках XVI-XVII веков, а также монографий «Именное склонение в славянских языках XI-XIV веков» [1974, в соавторстве]; «Именное склонение в славянских языках XV-XVII веков» [1977]; «Членная форма в болгарском языке XVIII в.» [1989].

Сфера научных интересов автора данной статьи – сопоставительная грамматика. Наибольшее внимание уделяется синтаксическим системам русского и болгарского языков в аспекте их семантической типологии [Иванова 2003, 2006]. Кандидатская диссертация (1987 г.) была связана с проблемами экспрессивного синтаксиса болгарского языка, получившими развитие и воплощение в работе [Иванова 1999], а докторская (2003 г.) посвящена логико-семантическому аспекту предложения (в русском и болгарском языках) и защищена по двум специальностям: „Русский язык” и „Славянские языки”. Е.Ю. Иванова – автор синтаксического тома „Сопоставительной болгарско-русской грамматики” (под науч. ред. проф. Стефаны Димитровой), недавно вышедшей в изд-ве „Велес” [Иванова 2009]. Синтаксические системы болгарского и русского языков представлены в этой работе через призму семантического подхода, реализующего преимущества двух важнейших для славистики классификаций: логико-синтаксических типов предложений и семантических типов предикатов. Образованная на основе выбранных критериев классификационная сетка позволяет иначе взглянуть на уже известные особенности русской и болгарской синтаксических систем и установить новые межъязыковые соотношения.

Следует добавить, что исследования кафедры в области синтаксиса болгарского языка нашли подкрепление в нескольких диссертациях, завершённых в течение 2008-2009 гг. В мае 2008 г. успешно прошла защита диссертации М.О. Ступкиной (науч. рук. Е.Ю.Иванова), посвященной явлению парцелляции в болгарском языке, в том числе новым способам членения высказывания, которые наблюдаются в современной художественной прозе [Ступкина 2008]. В апреле 2009 г. с успехом защищена диссертация Н.В.Прасоловой (науч. рук. Е.Ю.Иванова), применившей семантический подход к исследованию биноминативных построений болгарского языка и показавшей, какими средствами и каким способом семантика проявляет себя в синтаксических построениях, имеющих одинаковую форму [Прасолова 2009]. В ближайшее время предстоит защита работы Н.Б.Ершовой (науч. рук. Г.В.Крылова), проследившей этапы становления системы сочинительных союзов в болгарском языке. Болгарский язык в функциональном и прагматическом сопоставительном аспекте представлен в докторской диссертации А.Ю.Масловой [Маслова 2009], в прошлом выпускницы кафедры, а сейчас преподавателя Мордовского государственного университета.

Значительная научная и просветительская работа ведется сотрудниками кафедры славянской филологии в рамках Петербургского отделения Межреспубликанской научной ассоциации болгаристов. Организация объединяет филологов, историков, философов, этнографов, археологов, искусствоведов из разных научных, культурных, образовательных учреждений Санкт-Петербурга, которые занимаются материальной и духовной культурой Болгарии, исследуют памятники письменности, болгарскую живопись, музыку, театр, кинематографию.

Помимо того, кафедра славянской филологии является коллективным членом Общества друзей Болгарии, которое входит как составная часть в Санкт-Петербургскую ассоциацию международного сотрудничества. Деятельность организации направлена на укрепление культурных взаимосвязей с зарубежными странами, в том числе и с Болгарией. Ассоциация регулярно организует городские и международные конференции со славянской тематикой, посвящённой исторической роли славянства в культурном многообразии Европы и в мире, современным проблемам славянских народов, напр. «Славянство в цивилизационном процессе», «Санкт-Петербург и славянский мир», «Цивилизационный процесс и взаимодействие национальных культур в Европе: место и роль славянства» и др. С этими и другими областями деятельности петербургских болгаристов подробнее можно ознакомиться в обзорах [Шанова 2005; Шанова 2009; Иванова, Шанова 2009].

ЛИТЕРАТУРА

Андреев 1987 – Андреев В.Д. История болгарской литературы. М., 1978. 2-е изд. 1987.

Андреев 1989 – Андреев В.Д. Исторические судьбы реализма в болгарской литературе на рубеже XIX-XX веков // Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы первой трети XX века: Художественные поиски, особенности развития. Л., 1989.

Андреев 1997 – Андреев В.Д. Становление славянской литературы. Болгарская литература. СПб., 1997.

Андреев 1999 – Андреев В.Д. О мифологических истоках образотворчества. Метафора вертикали в болгарской литературе // Славянская филология. СПб., 1999. Вып.8.

Андрейчин, Иванова 1974 – Андрейчин Л., Иванова К. Проф. д-р Юрий Сергеевич Маслов на шейсет години // БЕ. 1974. Кн.6.

Бондарко и др. 2004 – Бондарко А.В., Козинцева Н.А., Майсак Т.А., Плунгян В.А. Об этой книге и ее авторе // Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

Васильева 2002 – Васильева О.В. Изъявительный перфект и конклюдивный аорист в современном болгарском языке // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. 2002. Вып. 2 (10).

Васильева 2005 – Васильева О.В. Омонимичные формы типа *чел съм, чели сме* в современном болгарском языке (на материале романа И. Петрова «Облава на волков») // VI Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: Материалы международной научной конференции 9-11 сентября 2004 г. СПб., 2005.

Васильева 2006 – Васильева О.В. Функционирование перфекта изъявительного наклонения в современном болгарском литературном языке. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. СПб., 2006.

Захаревич 1959 – Захаревич Е.А. Производные основы со значением лица в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.

Захаревич 1965 – Захаревич Е.А. Суффиксация и субстантивация при образовании наименований лиц в болгарском языке // Очерки по словообразованию и словоупотреблению. Л., 1965.

Захаревич 1967 – Захаревич Е.А. Признаци на неделимост на думите от типа *помощник-аптекарь* // БЕ. 1967. № 4.

Захаревич 1968 – Захаревич Е.А. Причастия с суффиксами -ен, -н, -т от возвратных глаголов в болгарском языке // Вестн. Ленингр. ун-та. 1968. № 14.

Захаревич 1972 – Захаревич Е.А. К вопросу о субстантивации в болгарском языке: субстантивация прилагательных в форме среднего рода // Сла-

вянская филология. Л., 1972. Вып.2.

Захаревич, Крылова 1968 – Захаревич Е.А., Крылова Г.В. Болгарский язык (Методические указания, теоретический комментарий, тексты и упражнения по синтаксису простого предложения). Л., 1968.

Захаревич, Крылова 1978 – Захаревич Е.А., Крылова Г.В. Синтаксис болгарского языка: Сложные предложения. Л., 1978.

Иванова 1999 – Иванова Е.Ю. Конструкции экспрессивного синтаксиса в современном болгарском языке. СПб., 1999.

Иванова 2003 – Иванова Е.Ю. Логико-семантические типы предложений: Неполные речевые реализации. СПб., 2003.

Иванова 2006 – Иванова Е.Ю. Болгарский язык: Функционально-коммуникативный синтаксис. СПб., 2006.

Иванова 2009 – Иванова Е.Ю. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. / Под науч. ред. проф. Стефаны Димитровой. С., 2009.

Иванова, Шанова 2009 – Иванова Е.Ю., Шанова З.К. Год Болгарии в России: новости из Санкт-Петербургского университета // Acta Linguistica. Vol. 3, No. 2 (2009). Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2009.

Иванова К. 1982 – Иванова К. Ю.С. Маслов. Грамматика болгарского языка // БЕ. 1982. Кн.3.

Иванчев 1982 – Иванчев Св. Предговор // Маслов Ю.С. Грамматика на българския език. С., 1982.

Крылова 2000 – Крылова Г.В. Словарь поэзии Николы Вапцарова в ряду новых научно-лексикографических исследований // За думите и речниците. С., 2000.

Крылова 2002 – Крылова Г.В. Още веднъж за категорията степенуване // Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Научни трудове. Т.40. Кн.1. 2002.

Крылова 2006 – Крылова Г.В. Стиль писателя в лексикографическом аспекте (на материале 1-го и 2-го выпусков Словаря поэзии Николы Вапцарова) // Классика и авангард. С., 2006.

Крылова 2006а – Крылова Г.В. Обновление словосочетаний как одна из черт идиостиля Н.Вапцарова // Словоупотребление и стиль. СПб.: СПбГУ. Вып.3. 2006.

Маслов 1948 – Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т.7. № 4.

Маслов 1956 – Маслов Ю.С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

Маслов 1959 – Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.

Маслов 1963 – Маслов Ю.С. Значение данных болгарского языка для

общей теории славянского глагольного вида // V Междунар. съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). Славянское языкознание: Докл. советской делегации. М., 1963.

Маслов 1963а – Маслов Ю.С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.-Л., 1963.

Маслов 1981 – Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. М., 1981.

Маслов 1982 – Маслов Ю.С. Грамматика на българския език. С., 1982.

Маслов 1984 – Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии Л., 1984.

Маслов 2004 – Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. Сост. и ред. Бондарко А.В., Майсак Т.А., Плуныян В.А. М., 2004.

Маслова 2009 – Маслова А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским). Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 2009.

Метафора вертикали – Метафора вертикали. Исследования последних лет: Сб., посвященный 75-летию юбилею В.Д.Андреева. СПб., 2005. Вступительные статьи Н.К.Жаковой, А.Бучкова, Д.Крыстева.

Минин 1962 – Минин О.И. Стоян Загорчинов и исторический роман 20-30-х годов XX в. // Развитие реализма в славянских литературах. Л.: ЛГУ, 1962.

Минин 2005 – Минин О.И. Болгария в трудах академика Н.С.Державина // Материалы X Державинских чтений «Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики». 15-16 марта 2005 г. СПб: СПбГУ, 2005.

Минин 2006 – Минин О.И. Незавершённые работы Ивана Вазова // Материалы XXXV международной филологической конференции 13-18 марта 2006 г. Вып. 15. Славянские литературы и литературные взаимосвязи. СПб. Филологический факультет. СПбГУ, 2006.

Пособия по курсу перевода – Шанова З.К. Учебные задания и практические рекомендации к курсу “Теория и практика перевода” для студентов болгарского цикла (грамматические вопросы перевода). Л., 1987; Шанова З.К. Учебные задания по курсу “Теория и практика перевода”. Перевод текстов с общественно-политической тематикой. Л.: ЛГУ, 1988; Шанова З.К. Архитектурные и исторические памятники Петербурга. Часть I. 1993. Часть II. СПб., 1995 (в соавт. с Х.Трендафиловым); Шанова З.К. Разходки из Петербург (Прогулки по Петербургу): Пособие по болгарскому языку. Часть I. СПб., 2006.

Прасолова 2009 – Прасолова Н.В. Биноминативные предложения в болгарском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

Рускова 1974 – Рускова М.П. Именное склонение в славянских языках XI-XIV веков. Л., 1974 (в соавторстве).

Рускова 1977 – Рускова М.П. Именное склонение в славянских языках

XV-XVII веков. Л., 1977.

Рускова 1989 – Рускова М.П. Членная форма в болгарском языке XVIII в. Л., 1989.

Словарь 1998, 2004 – Словарь поэзии Николы Вапцарова: Опыт лексикографического описания болгарского художественного текста. Вып.1. А – дъщеря. / Захаревич Е.А., Иванова Е.Ю., Котова М.Ю., Крылова Г.В. (отв. ред.), Цуцкарева Е.В., Шанова З.К., СПб., 1998. Вып.2. Е – лято / Азарова А.А., Васильева О.В., Захаревич Е.А., Иванова Е.Ю., Кирееенкова Е.А., Котова М.Ю., Крылова Г.В. (отв. ред.), Цуцкарева Е.В., Шанова З.К. СПб., 2004.

Ступкина 2008 – Ступкина М.О. Парцелляция в современном болгарском языке (на материале художественной прозы). Автореф. дисс.... канд. филол. наук. СПб., 2008.

Учебные пособия – Учебное пособие. Болгарский язык: Имена существительные и прилагательные / Сост.: Захаревич Е.А., Крылова Г.В., Шанова З.К. М., 2003; Учебные задания по курсу современного болгарского языка (местоимения) / Сост.: Захаревич Е.А., Крылова Г.В., Шанова З.К. Л., 1988; Методическое пособие по курсу современного болгарского языка: Вид и время болгарского глагола / Сост.: Захаревич Е.А., Крылова Г.В., Шанова З.К. СПб., 1995.

Честотен речник 1996 – Честотен речник на Вапцаровата поезия / Крылова Г.В., Азарова А.А., Захаревич Е.А., Иванова Е.Ю., Котова М.Ю., Цуцкарева Е.В., Шанова З.К. Велико Търново, 1996.

Шанова 1985 – Шанова З.К. Адмиратив в болгарском языке и способы его передачи на русский язык // СЕ. 1985. № 6.

Шанова 1992 – Шанова З.К. Балканистический и сопоставительно-лингвистический аспекты проблемы пересказывания // Проблемы балканистики. Сборник статей / Отв.ред. чл.-кор. РАН проф. А.В.Десницкая. СПб., 1992.

Шанова 1993 – Шанова З.К. Грамматические вопросы в курсе теории и практики перевода // Славянская филология. Вып. VII. СПб., 1993.

Шанова 2004 – Ц.Марангозов. Гриб, или оборотная сторона оборотного / Перевод с болгарского З.К.Шановой // Современная болгарская драматургия. Вып.1. М., 2004.

Шанова 2005 – Шанова З.К. Державински четения в Санктпетербургския университет // Българистика. 2005. № 11.

Шанова 2009 – Шанова З.К. Роль петербургских болгаристов в укреплении интереса в русском обществе к болгарской культуре // България и Русия – посоки на взаимност. Сборник материалов междисциплинарного форума 14-17.12.2008. Русе, 2008 (2009) (в печати).

Дебюты

Радостина Велева

РЕКЛАМА И МИТОЛОГИЯ КАТО СПЕЦИФИЧНИ ВИЗИИ В РОМАНИТЕ „GENERATION „П” И „ДПП(NN)” НА ВИКТОР ПЕЛЕВИН

На „прага на времената”, както винаги се възприемат периодите на преход, литературата изцяло е обърнала поглед към новата реалност. Промяната на действителността, в която живеем, налага качествени изменения, от една страна, в естетическото възприятие на читателите, от друга – в техниките, с които си служат писателите. Това се отразява в цялостния вид на книгата и възприемането ѝ като културен продукт и нова медия, а не според традиционната до преди двацетина години представа за книгата като носител единствено на високото изкуство.

Виктор Пелевин всъщност вече работи в среда, създаваща и създадена от виртуалната култура, но се опитва чрез достъпната на традиционната култура книга да обозначи промените в нагласите на самата граница на вековете и да маркира момента на прехода. Той е много характерен пример на симбиоза между книжното и електронното битие на литературата, служещ на Мрежата и обслужван от нея. Еднакво ценен от юзърите и от „книжните” читатели.

Дълбоко заложено в природата на литературата е да обглежда заобикалящите процеси и феномени, да ги коментира и интерпретира. С промяната на актуалните явления закономерно се стига и до промяната в тематиката на литературните произведения.

Тук ще опитаме да маркираме как рекламата изгражда особената визия на света в текстовете на Виктор Пелевин. Също така, в контекста на рекламните и имиджмейкърските занимания, ще се спрем на „инсталирането” и „деинсталирането” на колективните халюцинации или как се формира общественото мнение, от една страна чрез реклама и PR, а от друга – през олитературяването на ежедневния опит на човек, който е едновременно инсталатор¹ и деинсталатор² на тези халюцинации.

Прозата на Виктор Пелевин се определя като увеличаща и позволяваща лесна идентификация на читателя с героя. В същото време под текста се крие една тиха, но изключително мощна интуитивна философия, ко-

ято по-скоро се усеща със сърцето, отколкото с интелекта. Има емоция, любов, омраза, сексуално привличане, насилие и ужас от насилието. Метафизиката е реализирана на „магическо” ниво, без да дразни, но и без да дава конкретни отговори, а по-скоро поставяйки въпросите, на които трябва да се отговори.

Всеки текст търси липса в пазара, ниша, ключова тема и код, където да намери своята, както пазарна, така и интелектуална реализация. И ако пазарната реализация е свързана повече с начина, по който ще се предложи продуктът (книгата), то интелектуалната ниша е свързана най-вече с интересите на аудиторията. Съвременните автори се стремят към нови, но добре познати теми от ежедневието на т.нар. „таргет групи”, към които е адресирано посланието, а и творбата. Актуалността е основна характеристика на медиите, към които литературата започва да се причислява, и респективно става и нейна същностна черта. Все по-трудно се четат и реализират в пространството текстове, които са насочени към някогашната, „остарялата” ценностна система, или поне коренно се променя начинът, по който литературата говори за тях (ценностите). Изобретателността на съвременните автори се състои в това, успешно да замаскират, да кодират говоренето си за идеали и ценност до такава степен, че читателите да го „прегълтнат” наред със зрелището, което им се предлага. От една страна, така се активизират подсъзнателните пластове на общественото съзнание и успешно се манипулира ценностната система на потребителите, като остават живи моралните и етичните категории, които продължават да работят, макар и с намален капацитет. От друга страна, произведенията звучат толкова съвременно и дори злободневно, че никой не би се усъмнил в достоверността им. Езикът, на който те говорят, също е кодиран, защото произведенията не трябва да звучат като пропаганда. Съвременният читател не би приел назиданието, което се отразява пряко върху начина на изговаряне на проблемите в произведението.

Всъщност, днешните автори са длъжни да кодират и т.нар. „проблеми” в текстовете си, защото освен всички други функции, които споменахме, „изящното слово” залага до голяма степен на забавлението от четенето. Това пряко влияе върху жанровото и стилово ориентиране на литературата в последните десетилетия. Основен проблем остава къде да се поместят авторите, които не искат да загърбят сериозната тематика, но и не могат да пишат самоцелно, като се абстрахират от читателските търсения. Изходът остава в кодирането. Шифрите се оказват единственият начин да се коментират проблемите на днешното общество на атракционна. В полушеговит или игрови тон звучат вечните човешки въпроси за същността на света, за смисъла на човешкото битие и изконния стремеж

на човека към хармония и щастие. Тези, макар и стари колкото света, ценности са валидни и днес, но на тях се гледа по съвършено нов начин. Те се виртуализират и стават възможни единствено в кибер пространството.

Увлечението по машините, характерно за почти целия XX век, вече е прераснало в бленуване на свръхинтелекта, който е достижим вън от човека, или поне традиционната представа за него. Ницшеанският „свръхчовек“ може да се въплъти единствено в компютъра, защото той (компютърът) е лишен от емоцията и слабостта на хората. Така се стига до създаването на нова категория – киберчовек. От една страна, това понятие може да се използва като синоним на Мрежовия човек, а от друга – да се мисли като близък до киборга. Мрежата е единственият начин индивидът да получи това свръх-знание, но то е повърхностно и по-скоро справочно. Може да бъде употребено във всеки момент и след това забравено и актуализирано, „научено“ пак след време. Това е пряко свързано с една основна черта на днешното общество – то е консуматорско. Използва цялото натрупано знание през вековете, но без да го осмисля, просто го прилага. Именно поради тази причина се стига до една от основните черти на постмодернизма – опита му да подреди и „направи налична“ цялата световна литература, философия и културата. Пост-постмодернизмът, както за улеснение можем да наричаме течението, появило се след постмодернизма, продължава започнатото дело и го развива с още по-бързи темпове, благодарение на технологическия напредък за краткия период на няколко десетилетия.

Рекламата, която се е превърнала в част от ежедневието, работи на сходен принцип, но в обратна посока. Тя използва ценностите, за да продава ежедневието. Взема „назаем“ натрупаните през вековете културни модели и ги обработва в съвременен контекст. Често обръща поглед не само към работата на философите, утвърдена и доказала се като работеща през изминалия двайсети век, но обръща поглед и далеч назад към митологията. Тя (митологията) е била културната интерпретация на живота, постигането на красотата и своеобразния баланс в битието и поради тази причина остава общовалидна и актуална, без оглед на изминалото време. Тя задава първите критерии за красота и морална стойност, а и се оказва регулатор на човешките действия. Обръщането на съвременния човек към митологията не е нищо повече от зов за помощ в търсенето на ценности и ефектен начин ценността да бъде предложена в ненаатрапчив вариант, което гарантира приемането ѝ от обществото.

Рекламните послания често се ползват от митологията и по още една причина. Те предлагат поле за широка интерпретация и дават възможност потребителят да „се открие“ сам в предлаганото. Тази многопластовост с пълна сила се отнася и до съвременната литература. Тя предлага мно-

гослойни, кодирани послания, които могат да се тълкуват и интерпретират според старото знание и натрупания индивидуален опит на всеки отделен човек. Разликата между рекламните и литературните „текстове”, които както видяхме имат сходен произход, се крие в това, че рекламата се опитва да обобщи, да масовизира вкуса и нуждите на аудиторията. Тя убеждава. Литературата, напротив, цели да покаже разликите и да даде на всекиго по нещо според нуждите и интелектуалните желания на читателите си (или поне така би трябвало да изглежда литературната ситуация в идеалния си вариант). А дали този идеален вариант е постижим?

Несъмнено има автори, които усилено работят в посока на постигане на това и смятаме, че Виктор Пелевин е един от тези творци. Може би именно балансирането на тези „вечни” категории (макар че статутът на вечността в творчеството на Пелевин е силно разколебан) и умелото замаскиране и кодиране с кодовете, които актуалната ситуация налага, и познаването, а от там и правилното прилагане на тези механизми са безспорно успешна рецепта не само за популярност, но и за качествена „манипулация” на аудиторията. Макар че „манипулация” тук трябва да се разбира по-скоро като инсталация и деинсталация

В романа си „Generation „П” Пелевин, чрез героя-криейтър Вавилен Татарски, разположен в центъра на сюжета и книгата, изказва възхищението си от хората, които „се изхитряха да продават най-святото си ежедневно, но го правеха така, че нямаше никакви формални поводи някой да каже, че са продали нещо, и на следващия ден можеха да започнат отначало” [Пелевин 2000: 25]. Ето тук механизмът, който Виктор Пелевин използва и за собствените си текстове, но изказан пряко, показан на повърхността на текста, поражда съмнението, че всичко може да бъде сведено само до това.

Като говорим за вечното и ценностите, не можем да не се спрем на паратекстовия фрагмент, с който започва романът „Generation „П”. Текстът е посветен на средната класа, което препраща към производствения съветски роман, стоящ далеч от модерната визия и съвременното разбиране за модерно изкуство. Това се оказва поредната игра на Пелевин с читателите и очакванията им. Особеното, което си струва да забележим, е че романът е „В памет на средната класа”. „Златната среда”, мечтана от поколенията, преди Поколението П е захвърлена на боклука. За нея можем само да си спомняме, но нея вече я няма и е заменена със съвсем нова, потребителска класа.

Още по-любопитно е продължението на посвещението, което се обръща към вечните категории „време” и „пространство” по прагматичен и абсурден начин:

„Дава се под наем:

1. *Времето*
2. *Пространството*”

Още на паратекстово равнище текстът започва играта с читателя, но не само това, той показва съвсем ясно, че категориите „време” и „пространство” ще са подложени на предефиниране и разколебаване на стандартните им позиции. Чисто формално текстът започва с рекламно послание. Обява, в която се жонглира с онова, за което не може чисто рационално да се прагматизира. Тук се задава основният тон на романа, че няма константни величини и всяко нещо може да бъде видоизменено. Също така се атакуват консервативните идеи за непоклатимост и неизменяемост на битието, за абсолютната стойност на абстрактните категории, които няма как да бъдат онагледени, което ще върви като сюжетна нишка през целия роман, а също така ще се разпростре и в следващия – „ДПП(NN)”, мислен от критиците и изследователите като продължение на „Поколението „П”.

Именно визуализацията помага на литературата да се разчупят тези стереотипи на съзнанието. Изображението има свои начини да „показва” дори неясните, абстрактни категории и литературата ги „взема под наем” за собствените си цели.

И все пак въпросът за вечността в двата романа на Пелевин, които тук обсъждаме, е решен по различен във формално отношение начин, макар и корените да са общи. Ако в „Generation „П” авторът залага на митологията и чрез нея олитературява натрупания опит в годините на Прехода в Русия, то в „ДПП(NN)” се предлага мъдростта и непоклатимостта на числата. Те се оказват толкова податливи на интерпретиране, въпреки константната им природа, колкото и древните митове. Можем да предложим и предположим хипотезата, че числата са съвременната митология на днешния човек. И двата похвата обаче се оказват част от инструментариума на рекламните и имиджмейкърските занимания и с тази цел ги привеждаме в интерпретациите на текстовете.

Произведенията на Виктор Пелевин, макар формално да се придържат към традиционната жанрова система (разказ, новела, приказка, роман), не остават безразлични към формите на новата словесност – тематично и жанрово – компютърните игри, рекламните послания и сценарии, слоганите, имиджмейкърските стратегии, а в последните му произведения дори се симулира интернет чат комуникация. В текстовете му прозира отличното познаване на механизмите, на които разчита новият изказ, и типично по пелевински тези механизми са показани на повърхността. Чрез рекламните послания той не търси „колективната халюцинация”, манипулацията, а напротив, показва я, за да бъде избегната. Тук се вижда желани-

ето за вписване на Пелевин в лоното на руските писатели, които показват, предупреждават и в този смисъл заемат своеобразна дидактична позиция спрямо читателите си. Отчасти назидателната стратегия, която отстоява писателят, цели да предупреди и предпази читателите от „производителите на пустота”, както сам той определя медиите и техните продукти.

Както казва Ал. Генис, “Пелевин върна на книгата гнусливо отлепилия се от нея читател”. И дори приносят му да се заключава само в притеглянето на читателя към литературата, пак е огромен успех за днешната медийна епоха. Но приносят му към литературата в никакъв случай не може да се ограничи само с тази характерна черта. Ще се опитаме да разгледаме някои негови заслуги в литературната парадигма, без да претендираме за изчерпателност.

В статията си, посветена на Пелевин, Иван Попов го нарича “хакер” на човешката душа, като го противопоставя на определението, дадено на писателите през Съветския период, „инженер на човешката душа”. Промяната на социокултурните условия, в които днес се създава изкуството, предефинира и функцията на творците. Базисните технологии и движещи сили на това общество се оказват не материалните производства, които всъщност все повече се виртуализират, и дори не компютърният софтуер, а рекламата и public relations, които се явяват „инсталатори на масовите халюцинации”, като запълват нишите на старите, тоталитарни халюцинации.

Пелевин използва рекламните визии по няколко начина, на които тук ще отделим повече внимание. Една много важна причина за прибягването към рекламата се оказва нейният особен граничен статут. Тя не може да се нарече изкуство в пълния и традиционен смисъл на тази дума, но определено се числи към новите форми в „голямото изкуство”. И все пак целта на рекламата е друга, тя продава продуктите като едновременно с това не забравя естетическите наслаждения, посредством които влияе на потребителите. Тя има за цел да покаже най-добрата страна на обекта, към който се отнася, макар това често да е само привидно. Именно тази привидност на реалността толкова вълнува Пелевин. Неговите герои (а и сюжети) винаги са разположени в повече от една реалност, като особеността се крие в това, че тези реалности се обитават едновременно. За него светът няма линейни, а паралелни измерения. Както пише Ал. Генис, той винаги търси границата между две реалности, търси сглобките на света, за да види чрез тях отвъд реалността (доколко тя изобщо съществува, по думите на самия Пелевин) .

Именно поради граничната си същност, рекламата се използва с такава честота от Виктор Пелевин не само в романите „Generation „П” и „ДПП(NN)”, но и в по-ранните му произведения.

Този начин за показване на света за пръв път се появява още в разказа „Калпаци на кулите”, за да достигне апогейната си форма в романа „Generation „П”, а по късно и в „ДПП(NN)”.

В рекламата като медиен продукт са заложени голяма част от особеностите на медиите. Като важна характеристика ще изтъкнем вторичното медийно отражение на света, новата реалност, която създават за потребителите.

Точно това измамно усещане за реалност атакува Пелевин в романа си, посветен на средната класа, която

„...в дома си тесен

Се дави в безнадеждния син екран”⁴.

Масмедиите предават мозайка от информация с най-пъстър характер, която зрителят не “филтрира”, неговата функция обикновено се изчерпва само с това да включва и изключва телевизора. Литературата предполага именно обратното, показването на обектите и осмислянето им. Тя предлага визуално подобни на медийните ефекти, но целта, с която те се представят на читателя, е да го предпазят от ефекта на измамната идеална реалност, която показват рекламните и медийните послания.

Според Иван Попов единствената възможност за равноправното съществуване на литературата в основния информационен поток остава тя да стане “деинсталатор” на колективните халюцинации, създавани от медии, реклама и PR. Позоваваме се на статията му “Хакери на човешките души”, защото много точно е уловена позицията, която самият автор се стреми да заеме. От друга страна, гледната точка, от която се разглеждат текстовете на Пелевин, е в съзвучие с мирогледа, който той гради и търси в цялото си творчество. Този типично будистки поглед, който разглежда света като илюзия, е нееднократно употребен и в двата романа, на които тук обръщаме по-детайлно внимание – „Generation „П” и „ДПП(NN)”.

Характерна се оказва тази черта на Пелевин да чете руското през източните кодове. Екзотичните доктрини, макар доста популярни в последните десетилетия, и митологията при него играят една особена роля. Търсенето на ценностите във вечното знание не е нищо друго, освен опит за себепозициониране в пространството на несъществуващите идеали и реалии, потънали в прах и забравата като “чифта обуца несъмнено съветско производство”, който Вавилен Татарски от романа „Generation „П” разпознава в магазина “на фона на стълпотворението на шарените турски боклуци” [Пелевин 2000: 12]. Това поколение П, към което принадлежи и самият Пелевин, е с прекъснати корени, за него вече е невъзможно да се идентифицира като принадлежащ към някаква структура (социална или държавна). Върху това разколебано съзнание се наслаждат и моделите на

моделирано, управлявано мислене, изкристализирало в рекламите. Пелевин изследва именно това гранично състояние, в което съветското все още е достатъчно близко, за да бъде забравено, а западното е достатъчно далеч. То още не е добре разбрано, усвоено и приложено.

В тези текстове той задава въпроси и чертае визии за изконните руски ценности, които също се оказват халюцинации. Тези ценности, повтаряни с векове, вече са неприложими, изхвърлени от употреба (руската душа, руската менталност), те са понятия, които вече никой не разбира, но все още се използват по инерция.

Речникът на довчера съветския човек се запълва с нови, актуални понятия, които често остават празни от съдържание, именно защото са внесени отвън и в повечето случаи останали неразбрани (Татарски записва в бележника си думите, които може да му послужат в по-нататъшната работа). Те са своеобразни културни кодове, които трябва да бъдат разчетени и адаптирани пълноценно към новата руска действителност. Те ще му осигурят авторитет и продаваемост. Ще го направят да звучи актуално и ще го спасят от потъването в праха и забравата.

В образа на Вавилен Татарски много силно се усеща нишката на автобиографизъм. Той (Вавилен, както и Пелевин) завършва Техническият институт, а по-късно се записва в Литературния, за да осъществи мечтата си и „да работи за вечността” [Пелевин 2000: 11]. Голямата промяна за него настъпва, когато разбира, че вечност няма. СССР „изпада в нирвана” и материалната обвивка на тази държава изчезва завинаги от лицето на земята. Започват и други промени: „...с тези, които учеха Татарски да се равнява по вечността, стана нещо странно. ... пространството, към което бяха ориентирани тези предишни възгледи, започна да се свива и да изчезва, докато от него не остана само микроскопично петънце на умствения прозорец” [Пелевин 2000: 12]. Именно тук, в променената визия за вечността, като че ли се крие ключът към всички последвали избори, които Вавилен прави, а и тези, които по-късно ще направи Стъопа Михайлов в романа „ДПП(NN)”.

Като че ли цялото построение на рекламните послания (а и на самата книга) е кодирано в един от слоганите на „Джим Бийм” в книгата: „YOU ALWAYS GET BACK TO THE BASICS” („Винаги се връщаме към основите”) [Пелевин 2000: 112].

Метаморфозата (един от „етикетите” на марката Пелевин) в романа се извършва на всички познати нива, а дори и отвъд тях. При него всички превъплъщения са възможни, те са цел и смисъл. Всичко се прави в името на това да се погледне отвъд зададените парадигми и не е странно, че се успоредяват несъвместими понятия. Тук е мястото да споменем една

от най-знаменитите реклами, съставени от Вавилен Татарски в романа „Generation „П”. Безспорен ироничен шедевър е рекламната-молитва. На лагането една върху друга на такива категории отговаря и на много странични въпроси като, да речем, отношението към религиозните нагласи на съвременния човек при Пелевин.

Всички линии, започващи от „Поколението”, намират продължение в „ДПП(NN)”. Критиците го считат за продължение (вторичен текст) на/спрямо “Generation „П”, появил се след почти пет години. Усеща се необходимостта темата да бъде изчерпана, преди Пелевин да премине на нова тематична вълна.

Рекламите, които твори Татарски, са късове литература. Той не може да се откъсне от работата „за вечността”, макар формално да преминава в „другия лагер” – този на ежедневието и рекламната. Той е единственият сред колегите си, продължил да се вълнува от същността на нещата, за да се превърне във финала в затворник на медийната действителност.

Една от централните теми и в двата романа е вглеждане в това, как думите изграждат света. Намерените решения са различни и на тях ще обърнем внимание по-нататък. Тук ще се спрем на рекламните послания и сценарии като литературни феномени (късовете литература) и на начина, по който те взаимодействат с митовете, а също така и на това, каква е представата за реалност, която те изграждат.

Първата реклама, която Татарски съставя, е интересен компендиум между ежедневието, ниския регистър на битието и вечното, което ще е основна характерна черта за всичките му по-нататъшни работи, за да стигне кулминационната си точка в рекламната, посветена на религията. Рекламното послание на сладкарски комбинат (думата комбинат пряко кореспондира с отминалата епоха, което допълнително я натоварва смислово) се базира на латинската сентенция: „Mediis tempustatibus placidus. Спокоен сред бурите.” Интересното е, че освен че е запазена оригиналната графика на латиница, сентенцията е преведена, за да стигне по-лесно до зрителите, да бъде асимилирана и приета. Нетрайността на продукта е асоциирана с вечната победа. Смесването на културните пластове е често използван похват от рекламните стратегии, но при Пелевин то е доведено до гротеска. Тук дори не е потърсена пряко манипулативната същност на рекламната, а визията, която се дава на света, не е типичната идеална реалност, градена от рекламните. Пелевин по-скоро набляга на местата, където рекламната практика може да се пропука, да се отвори бездната, която е потенциално ново поле за изследване от самия него.

Както отбелязва Р. Божанкова, постмодернизмът има специално отношение към „пропастта”, разрива, празнината. Тя го характеризира като

заклучен между два възгласа – този на Л. Фидлър от края на 60-те години на XX век - „Close the Gap” (“Запълнете пропастта”) и преобразяването му в руски контекст, в Пелевиновия слоган от романа „Generation „П” „Enjoy the Gap” („Насладете се на пропастта”). Това променено отношение към създадените пролуки задава до голяма степен Пелевиновото отношение към новото, към създаването на новата парадигма, в която ще се гради изкуството.

По аналогичен реорганизаторски начин са изградени и следващите рекламни послания в романа, като тук ще обърнем внимание само на някои от тях, които са безспорни доказателства на нашата теза.

Една от знаковите реклами на Татарски е тази на праха за пране Ariel. Аналозиите при съставянето на стратегията за тази реклама са доста широки. Сценарият е базиран на Шекспировата „Буря”. Чрез използването за опорна точка на класическо произведение, Татарски за пореден път пише и продава ежедневното през кодовете на вечното. Цялостната визия на клипа, към който той пише сценарий, е силно драматична. Възвишените чувства се разбиват само с една фраза, до болка позната от рекламните клипове, които ни „облъчват” всекидневно: „Една приятелка ми каза за Ариел”. Средновековните духове, романтичната визия се сблъскват с ежедневното, пошлото и се обезсмислят. Попадат в бездната, за да отстъпят място на прагматичните клишета. И тук, както и в по-горе посочените реклами, ефектът, който се търси, е пародията и абсурдът.

До сблъсък са доведени култури и светове в рекламния слоган, оказал се кулминационен за героя - криейтър Вавилен Татарски, който той измисля за кампанията по набиране на средства за възстановяване на взривения от Сталин Храм на Христос Спасител в Москва. Това рекламно послание съпътства визията на Исус. Тук ще си позволим да цитираме пасаж от този знаменит слоган, защото той е ключов в нашето разбиране за изграждане на рекламната визия от Пелевин. „Плакат (сюжет за клип): дълга бяла лимузина на фона на храма „Христос Спасител”. Задната врата е отворена и отвътре блика светлина. В светлината виждаме обувка, която почти докосва асфалта, и ръка на дръжката на вратата. Не виждаме лице. Виждаме само светлината, колата, ръката и крака. Слоган: “Христос Спасител. Солиден Господ – за солидни господа” [Пелевин 2000: 147]. Тук много ясно е показано надделяването на пошлостта на медийните продукти над святото.

Също толкова показателни са и рекламните, написани под въздействието на психотропните вещества (мухоморки, марихуана, LSD), но те ще бъдат обект на бъдещо изследване заедно с изместените състояния на съзнанието като комплексно явление. Рекламните и PR заниманията са още един начин да се изпробва пропускливостта на света и да се разхлабят

връзките между отделните елементи, които го изграждат.

Днешният писател, който има претенция да прави висока литература, е изправен пред осъзнавана и признавана липса на ценностна система. В подобна ситуация се оказва и читателят. Напуснатото от традиционните менажери (критиците) пространство не е празно, а е заето от други, мощни двигатели – медиите и в частност от рекламата и имиджмейкърските технологии.

БЕЛЕЖКИ

1. Самият той работи като копирайтър и отлично познава техниките както на изграждането на рекламното послание, така и въздействието, което то оказва.

2. Текстовете на Виктор Пелевин пък са ориентирани в диаметрално различна посока, той развенчава митовете, които рекламните послания градят.

3. Романът „Шлема на ужаса”.

4. Паратекстов стих от Ленард Коен, служещ за посвещение в романа.

ЛИТЕРАТУРА

Божанкова 2001 – *Божанкова Р.* Руският постмодернистичен текст. С., Факел, 2001.

Генис 2001 – *Генис А.* Беседа десета: поле на чудесата. Виктор Пелевин, в-к „Култура”, 2001, №31.

Пелевин 2000 – *Пелевин В.* Generation П. С., ИК Калиопа, 2000.

Пелевин 2005 – *Пелевин В.* ДПП(NN). С., ИК Калиопа, 2005.

Попов 2000 – *Попов Ив.* Хакери на човешките души. www.liternet.bg, 26.07.2000.

Юбилей

Татьяна Алексиева

ПРОФЕССОРУ ЦВЕТАНУ ЙОТОВУ 75 ЛЕТ

В июне 2009 г. профессору доктору филологических наук Цветану Йотову, ведущему болгарскому исследователю в области теоретической и прикладной лингвистики, замечательному университетскому преподавателю, исполнилось 75 лет. Около полувека он посвятил изучению диалогического дискурса и коммуникативных аспектов русского синтаксиса, опубликовал несколько фундаментальных монографий и учебников, а также много научных статей, получивших широкое международное признание.

Цветан Йотов родился в селе Врабево Ловечского округа. В 1959 г. окончил филологический факультет Софийского университета им. Св. Климента Охридского по специальности русский язык и литература. Еще в студенческие годы он проявляет серьезный интерес к языковедческим научным исследованиям. За дипломную работу, посвященную языку поэзии Маргариты Алигер, он получает высокую оценку и сборник стихов с автографом, подаренный ему на память самой поэтессой.

После успешно сданного конкурсного экзамена (1963 г.) Цветан Йотов начинает работать ассистентом на кафедре русского языка Софийского университета. Он проходит специализацию по психолингвистике, теории коммуникации, русской разговорной речи в Московском и Ленинградском государственных университетах, а также по диалектологии в Институте русского языка им. В. В. Виноградова. Плодотворным является общение Цветана Йотова в лаборатории экспериментальной фонетики с известными русскими фонетистами С. С. Высотским, Р. Ф. Касаткиной (Пауфошимой), Р. И. Аванесовым, сыгравшими большую роль в его дальнейшей научной деятельности.

Поступив в 1973 г. в заочную аспирантуру в Институт русского языка им. А. С. Пушкина в Москве, Цветан Йотов работает над своей кандидатской диссертацией *Некоторые структурно-функциональные характеристики диалога* под научным руководством выдающегося психолингвиста, доктора филологических наук проф. А. А. Леонтьева. Диссертация посвящена вопросам диалогической речи, которые в то время еще не получили достаточного освещения в русистике. В ней автор развивает свою концепцию о средствах и механизмах диалогизирования, типах диалога

и методах интеграции речевых действий. В 1979 г. выходит в свет монография **Диалог в общении и обучении**, в которой отражены основные результаты диссертационного исследования Цветана Йотова (успешно защищенного в 1977 г.). Широкий отклик среди лингвистов находит применяемый им новаторский подход к анализу диалога, согласно которому структура акта речевого общения представлена в виде «партитуры». Эта идея является основополагающей и в его дальнейших исследованиях устно-разговорной формы языка во всей ее динамике и многогранности.

Цветан Йотов активно участвует в научно-исследовательской и преподавательской работе кафедры русского языка Софийского университета. С 1981-1985 гг. он приглашен в качестве лектора болгарского языка на кафедру теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (г. Минск), где работает совместно с ведущими славистами проф. А. Е. Супруном, В. А. Карповым, Б. Ю. Норманом, Н. А. Павленко, Б. А. Плотниковым и др.

Исключительно ценное исследование одного из малоизученных явлений вербального взаимодействия – речевой полифонии – представлено в монографии **Лингвистика одновременного говорения**, опубликованной в 1991 г. Данный феномен звучащей речи, для обозначения которого автор вводит термин «синхралалия», анализируется в рамках вертикального среза словесно-звуковой ткани диалога в трех измерениях – горизонтальном, вертикальном и диагональном. Выявленные диагностические признаки синхралалии и принципы организации синхралалийного реплицирования представляют несомненный интерес как в теоретическом, так и в практическом плане.

Самым фундаментальным трудом профессора Йотова является его докторская диссертация **Разговорът и неговият глобален лингвистичен модел**, защищенная в 1994 г. Она опирается на оригинальную авторскую методологию построения глобальной модели устно-разговорного (коллоквиального) дискурса на основе музыковедческих категорий (в частности, методологию музыкального анализа и теорию музыкальной импровизации) и новый дескриптивный аппарат. Сопоставление диалога с музыкальным произведением (в стиле свободного джаза «free jazz») дает возможность выявить важнейшую роль репризы, перехода и добавления как факторов, определяющих композицию коллоквиальной формы. Согласно концепции автора, формообразующие процессы в устном дискурсе протекают на четырех основных уровнях организации, а именно: 1) уровне порождения внешнего материала семиозиса (членораздельные звуки, различного рода хезитации в линейно формируемом речевом континууме, тактильные, спациальные сигналы, невербальные средства и т.п.); 2)

уровне формирования знаковой ткани дискурса; 3) уровне расчленения этой ткани на единицы коллоквиальной речи; 4) уровне объединения речевых сегментов в целостную организацию коллоквиального дискурса. В последние годы Цветан Йотов продолжает исследовать устно-разговорный дискурс и типологию его форм в рамках предложенного им подхода.

Проф. Йотова всегда отличала широта научных интересов. Он внес значительный вклад в такие новые области знаний, как лингвистика текста, коллоквиалистика, психолингвистика и др. Результаты его исследований представлены в более чем 90 публикациях. Предложенная им методика анализа устно-разговорного дискурса продолжает находить применение во многих научных, в том числе диссертационных, исследованиях как в Болгарии, так и за рубежом. Его научная деятельность хорошо известна в международных кругах: он член INSOLISO (Международного социолингвистического общества), ISAPL (Международной ассоциации по прикладной психолингвистике), IADA (Международной ассоциации анализа диалога) и др. Преподавательская работа проф. Йотова также оценена по достоинству: в 1996 г. за большой вклад в развитие болгарской русистики и в связи с 50-летним юбилеем специальности Русская филология в Софийском государственном университете он награжден почетной грамотой Министерства общего и высшего образования Российской Федерации.

Пользуясь заслуженным авторитетом среди коллег, проф. Йотов был выбран заместителем декана факультета славянских филологий Софийского университета, а также руководителем кафедры русского языка. В 1994-1998 гг. проф. Цветан Йотов был президентом Болгарской ассоциации по психолингвистике.

В настоящее время проф. Йотов продолжает активно заниматься преподавательской деятельностью в ведущих университетах Болгарии. С исключительным профессионализмом он разрабатывает актуальные авторские лекционные курсы – «*Психолингвистика (для переводчиков)*», «*Устная коммуникация и ее дискурс (язык радио)*», которые читает магистрантам-филологам, обучающимся по специальностям русская, испанская и португальская филология в Софийском университете. В последние годы он также читает лекционные курсы *Теория и практика научного исследования*, *Сопоставительный анализ устной речи* и *Коллоквиальные универсалии* бакалаврам-балканистам и магистрантам-русистам Велико-тырновского университета.

От имени коллектива кафедры русского языка Софийского университета и от себя лично хочется поздравить нашего коллегу проф. Цветана Йотова с 75-летием и пожелать ему крепкого здоровья, большого счастья, неутомимой энергии, реализации творческих замыслов.

Римма Спасова

ПРОФЕССОРУ БОРЯНЕ БУНДЖУЛОВОЙ 75 ЛЕТ

6 ноября 2009 года профессору Боряне Бунджуловой исполнилось 75 лет! Болгарская русистика многим обязана юбиляру за ее неоценимый вклад в научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность.

Интерес к иностранным языкам появился у Б. Бунджуловой еще в гимназии в г. Ловече, где она изучала французский язык. Позднее она усовершенствовала свои знания и в области русистики, обучаясь на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, который закончила с отличием в 1958 году.

Именно в студенческие годы зародился интерес Б. Бунджуловой к проблемам стилистики художественной речи. Поэтому в 1964 году она поступила в заочную аспирантуру в МГУ, где обучалась под научным руководством академика В. В. Виноградова, а после его кончины Б. Бунджулова в 1972 году в Институте мировой литературы им. М. Горького защитила докторскую диссертацию на тему „Стилистические особенности в прозе Ивана Бунина”.

Преподавательская деятельность Б. Бунджуловой началась в 1958 году в Софийском университете им. Св. Климента Охридского, где она в качестве ассистента преподавала русский язык и продолжала расширять спектр своих научных исследований, публикуя их в статьях, студиях и монографиях, которые отличались не только богатым иллюстративным материалом и оригинальными методами анализа эстетической системы художественного текста, но и важными теоретическими обобщениями.

Следует также отметить, что Б. Бунджулова впервые в 1976 году ввела в учебную программу отделения русской филологии Софийского университета лекционный курс по функциональной стилистике современного русского языка, который читала до 2002 года. А „Практическую стилистику русского языка, соавтором которой она является, до сих пор используют студенты при подготовке к семинарам по данной дисциплине.

Многие поколения студентов Софийского и Пловдивского университетов слушали ее лекции и спецкурсы по стилистике русского языка, на которых особое внимание уделялось лингвостилистическому анализу художественного текста.

За монографические труды Б. Бунджуловой „Некоторые проблемы стиля научной и художественной речи” и „Эстетические функции слова”, в которых она обобщила свои творческие изыскания, а также за учебно-

преподавательскую деятельность ей были присуждены соответственно научные звания доцента (1978) и профессора (1992).

Профессор Б. Бунджулова занимала ряд руководящих должностей в Софийском университете: зам. декана ФСлФ (1979 – 1983) и руководитель II кафедры русского языка (1981 – 1985), сочетая в отношении с коллегами, с одной стороны, принципиальность, а с другой – человечность и душевную доброту.

Среди ее многочисленных (свыше ста) и широкоспектральных исследований по функциональной стилистике особенно выделяются публикации, содержащие углубленный и тонкий анализ художественной речи таких русских писателей-классиков, как Л. Толстой, И. Бунин, А. Куприн, В. Шукшин и др.

Значительный интерес представляет проведенный проф. Бунджуловой анализ, характеризующий семантику слова в его образной функциональности, который основан на сопоставлении двух поэтических систем И. Бунина и В. Шукшина („Эстетические функции слова”. С., 1996). Такой сопоставительный анализ позволил автору обнаружить общие и различные стилеобразующие признаки и приемы, объясняющие яркое своеобразие индивидуального словоупотребления писателей.

В ходе многолетнего исследовательского труда проф. Бунджулова внедрила разработанную ею методику лингвостилистического анализа художественной речи в работу проблемной группы по стилистике, в лекционные курсы и спецкурсы, что, во-первых, способствовало успешному развитию научно-исследовательских разработок докторантов, стажеров и научных работников на качественно новом этапе с использованием оригинальных теоретико-методологических принципов и подходов, во-вторых, позволило создать новую систему преподавания стилистики художественной речи в студенческой аудитории.

Научная деятельность проф. Бунджуловой высоко оценена не только в Болгарии, но и за рубежом. Ее активное участие в научных конференциях и симпозиумах МАПРЯЛ-а и Дружества русистов (в Софии, Варне, Велико Тырново, Москве, Берлине, Варшаве, Оксфорде) отмечено множеством статей и докладов, содержащих оригинальные идеи и новые интерпретации в области стилистики научной и художественной речи.

Многочисленные ученики, коллеги и друзья проф. Боряны Бунджуловой сердечно поздравляют ее с юбилеем и желают крепкого здоровья, бодрости и творческого долголетия.

Хроника

Екатерина Суровцева

V МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ». СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРЫ XX – XXI ВВ.»

16 – 18 апреля 2009 года в Институте бизнеса и политики (Москва, Россия) прошла V Международная межвузовская научная конференция «Россия и современный мир: проблемы политического развития». 16 апреля состоялось торжественное открытие конференции и пленарное заседание, 17-го – секционные заседания, а также «круглый стол» на тему «Региональные конфликты и международная безопасность», 18-го – экскурсии по Москве для иногородних и иностранных участников.

Секционные заседания были посвящены таким темам, как «Гражданское общество и правовое государство: проблемы становления», «Современная Россия: вызовы мировой политики», «Интеграция экологической, хозяйственной и социальной политики», «Правовые аспекты политического развития России: история и современность», «Образ России в конструировании идентичностей», «Религия в системе политической культуры России: история и современные тенденции», «Модели университетского образования в современном мире». Одна из секций была посвящена литературоведческой проблематике – это секция под названием «Социально-политические аспекты литературы XX – XXI вв.».

На данную секцию было подано 23 заявки (эта секция оказалась самой многочисленной), реально же в работе заседания участвовало 11 человек.

Все заслушанные доклады можно условно разделить на два тематических блока.

Доклады первого тематического блока затрагивали аксиологические проблемы изучения социально-политических аспектов литературы XX – XXI веков. Сообщения данной направленности сделали Е. В. Попова (Владикавказ, Россия) – «*Ценностный подход в изучении социально-политической тематики литературы XX века*»; В. Б. Литвин (Мурманск, Россия) – «*Ценностные доминанты в пословицах и поговорках советско-*

го периода»; К. А. Кокшенёва (Москва, Россия) – *«Концепции человека в современной отечественной литературе»*; М. А. Растягаева (Екатеринбург, Россия) – *«Глобальная литература как проект»*; Л. Н. Попова (Могилёв, Белоруссия) – *«Концепт человека в повести Якуба Коласа “Ади-чапенец”»*.

Доклады второго тематического блока затрагивали социально-политические проблемы литературы с исторической точки зрения. Ряд докладчиков решал поставленные проблемы на материале истории словесности конца XIX – XX века. Это доклады Е. В. Суровцевой (Москва, Россия) – *«“Письмо вождю” как жанр эпистолярной литературы (на материале обращений советских писателей во властные структуры) (1950 – 1980-е гг.)»*; Н. Е. Леоновой (Москва, Россия) – *«Литературно-художественный журнал “Аполлон” и сотрудничество с ним И.Анненского»*; С. А. Серёгиной (Москва, Россия) – *«“Скифы”: опыт социально-эстетической утопии»*. Другие сообщения строились на материале современной русской литературы. Именно с этим материалом работали С. П. Гудкова (Саранск, Россия) – *«Политическая судьба России в патриотической поэзии 1980 – 1990-х годов (крупные жанровые формы)»*; О. В. Пожидаева (Мурманск, Россия) – *«Западноевропейская психоделическая словесность и “искусственный рай” в современной русской литературе»*; Е. А. Федосеева (Саранск, Россия) – *«Картины российского апокалипсиса в повести А.Шаронова “Потехония”»*.

К началу конференции был издан сборник тезисов (*«Россия и современный мир: проблемы политического развития. Тезисы V Международной межвузовской конференции. Москва, 16 – 18 апреля 2009 г. / Под ред. В. А. Курициной, И. В. Убоженко. М.: Институт бизнеса и политики, 2009»*). По результатам мероприятия планируется издание сборника статей.

Мая Горчева

---

10 ГОДИНИ ШКОЛА ЗА СЛАВИСТИЧНИ ИЗСЛЕДВАНИЯ В ЛИОН (*CENTRE D'ETUDES SLAVES* *ANDRE LIRONDELLE, CESAL*)

От години русистиката в университета “Жан Мулен”, Лион 3, както в цяла Франция, се радва на интерес и солидна академична опора. Ако се върнем назад във времето, откриването на първия университетски курс датира от 1891 г.; през 1919 г. е основан Институтът по славянознание (*Institut d'études slaves*), а от 1921 г. започва да излиза тримесечното списание «*Etudes slaves*».

Към първото поколение френски русисти като Пол Буйе и Андре Мазон принадлежи и Андре Лирондел (*André Lirondelle, 1879-1952*), чиято е заслугата за откриването на курс по руски език в университета в Лион през 1940-те. Името на Андре Лирондел е избрано за патрон на учредения в университета Лион 3 през 1999 г. Център за славистични изследвания (*Centre d'études slaves André Lirondelle, CESAL*). Негов инициатор, както и двигател за разностранните му изследователски проекти, е настоящият декан на Катедрата по славистика професор Жан-Клод Лан. Ежегодно центърът е домакин на конференции, чиито приноси са публикувани в годишника на *CESAL* “Руската модерност”. Така предложеният превод не предава буквално френското множествено число в *Modernités russes* (отново в името на избирането на по-стандартна за българския език форма), тъй като понятието сочи към целия комплекс културно-естетически и най-вече литературни явления, които са знаци на модерното. От една страна, модерността се разкрива в полето, в което литературата се засреща с други естетически практики: театър, визуални изкуства, кино. А от друга, в надреден смисъл тя се реализира в множество от философски концепти. Така сред богатата фактология се търси онова, което разкрива “идеята за модерността в Русия” като дълбинна интуиция. За лого на центъра е избран глаголическият знак за буквата М, крипто-Монограм на Модерността. И колкото декоративното изящество на буквата препраща към автентиката на старославянската културна традиция, нейното име “мыслете” носи рефлективното начало. Такава е заявената изследователска позиция към руската модерност: виране в своеобразието ѝ, в единство с аналитичното ѝ разкриване и концептуализиране. И възсъздаване на многообразието ѝ.

В широката издателска програма влиза още публикуването на дисертации или на монографии, разработени в рамките на центъра. Издадени са и три сборника с трудове на докторанти от ежегодните докторантски четения (в момента се подготвят 15 докторанти).

Като цяло, публикуваните сборници “Руската модерност” се отличават

с разнообразие на отделните приноси, както в изследователските оптики, така и в подходите или тематичните акценти (съсредоточени върху отделния автор или върху проследяването на отделен мотив или тема). Обединяващото начало на всеки брой се търси в общата тема, която осветлява “определен аспект от особена конфигурация в модерността” и така “организира” разнообразието, но и задава продуктивни посоки за проблематизиране на познатото поле.

Една от осите на научната си програма *CESAL* вижда в проучването на “парадоксалния” модернизъм на Сребърния век, който търси преодоляване на традицията, втурвайки се в архаичното, което е не “преди”, а е “пред”, самото пред- или праначало, за да въздигне върху него своите “утопии” на бъдещето. В «архаичното» се търси и първопринципът на изкуството. А така разгърнатата “конфигурацията” на “Архаичното в модерното” (*L'Archaisme dans le moderne*) актуализира на свой ред и амбивалентността между неона-словимото руско (корените му или иманентността на развоя му) и тласъците на модерното отваряне. Именно темата “Архаичното в модерното” е избрана и за първата конференция на *CESAL*.

Темите на следващите сборници на *CESAL* са: 2. “Скорост и модерност”, 3. “Места (топоси) на модерността”, 4. “Жената в модерността”, 5. “Щастието в модерността”, 6. “Краят на модерното”, 7. “Сребърният век в руската култура”, 8. “Велимир Хлебников”. Без водеща тема е извънредният брой от 2009 г., посветен на дългогодишния титуляр на катедрата в Лион 3 проф. Даниел Александър. Сами по себе си така зададените теми активизират и определен кръг от аналитични понятия, например темата за скоростта, свързана с философския концепт за времето, се мисли през стила; идеята за щастието – през езиковите деноминации в лингвоантропологическата идиоматика на « *la parole du bonheur* »; Сребърният век се формулира като особен “код”.

Не е възможно да се изведе единен модел, по който да се обединят разнообразните приноси, нито е нужно. В богатството от препратки и актуализирани контексти се възсъздава както гъстотата на културната тъкан, така се очертава уникалното присъствие на един автор или дори творба, но оглеждайки в единичното културната цялост и очертавайки своеобразието на руската култура. Тъкмо това е другата ос на изследователската програма: да се намери ъгълът, през който да се преосмислят конкретни естетически постижения, да се актуализират отделни имена или текстове. А единичното е съизмеримо именно в тази си обособеност с общокултурното европейско и така се дава основа за разгръщане на проучванията в третата заявена посока на изследователския проект: съпоставката на руския опит със западната модерност.

Невъзможно да се рамкира строго хронологически, понятието за модерността се разглежда в явленията от 18 век до съвременността от края на 20 и дори началото на 21 век, но очевидно е предпочитанието към началото на 20 век и към символизма, постсимволизма и авангарда. Събирането на разнородните естетически програми под единния знаменател на модерното

е целта, която разчитаме в заявената тема за скорошната конференция през юни 2009 г. “Семантичното единство на Сребърния век”.

Широк е кръгът на ученияте, привлечени от изследователските теми на CESAL, като международното участие в конференциите и съответно в сборниците се разширява през годините. В рамките на краткия обзор не бихме могли да посочим имената, които виждаме, редом до тези на изследователите - членове на CESAL. С редовно присъствие, както с приноси, така и в Редакционния съвет на изданието са именити русисти от Франция като Мишел Окутюриер (Michel Aucouturier), Жан Брьойар (Jean Breuillard), Стефан Виелар (Stéphane Viellard), Мишел Никьо (Michel Niqueux) и разбира се, директорът на CESAL Жан-Клод Лан (Jean-Claude Lanne), чиито дългогодишни интереси са свързани с проучването на авангардистките тенденции. Редовно е участието на видни русисти като Жорж Нива, Женева (Georges Nivat), Димитри Сегал, Ерусалим (Dimitri Ségal), Леонид Гелер, Лозана (Léonide Heller). Своята научна работа огласяват русистите от Лион 3, както преподавателите от руските катедри в Париж 4, Париж 8, Лил 3, Клермон-Феран, Тулуза, Бордо 3, Екс-ан-Прованс, Кан, Страсбург, Руан, Гренобъл и др., присъстват също изследователи от Москва (Т.В. Цивьян, Николай Богомолов и др.), от Швейцария, Израел, Германия. В последния 8. брой, посветен на Велимир Хлебников, броят на участващите “хлебниколози” (“хлебниковеди”), както и русисти, е още по-голям, разширява се международното присъствие с участници от университетски центрове в САЩ, Финландия, Италия, Унгария. Радостен е фактът, че наскоро български изследователи също получиха покана за участие в сборник на CESAL.

В 8. брой бихме забелязали, че френското заглавие VELIMIR ХЛЕБНИКОВ – РОЕТЕ FUTURIEN съответства на руското: ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ, БУДЕТЛЯНСКИЙ ПОЭТ. Става дума за възможната за френски двойка *futuriste* (прилагателно от *futurisme*) / *futurien* (прилагателно, образувано от *futur*, “бъдеще”), чрез която се оразличава “футуризм” от уникалното “будетлянство”, термин, който бихме пренесли буквално на български. Изковаването на собствен термин за руските будетляни в случая говори за понятийното богатство на френския език, но и за собствената концептуална схема за разбирането на чуждоезиковите и чуждокултурните явления, която абсорбира различието и го полага в мрежата на своето научно дирене. Опитът на френската русистика има за източник детайлното познаване на културо-историческия контекст, но за да се изведат и огледат отличителните водещи характеристики, с отчитане на културните дистанции. Безспорно, българските русисти ще открият в сборниците на CESAL както много нови теми, така и нови данни, нови проблемни зони, но без изкушението от преподаването им по кальпа на готови теоретични схеми, а с открояването на естетическите и културни стойности, с враждане в културния контекст. Разчитането на универсалното в уникалния естетически опит и открояването му.